

ЛЮБОВЬ НЕВОЗМОЖНА.
НЕНАВИСТЬ
ЭТО ОТКРЫТАЯ ИГРА.

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТА #4

ЧЁРНЫЙ РЫЦАРЬ

<https://vk.com/neviofal>

РИНА КЕНТ

Чёрный Рыцарь - Рина Кент

Книга: Чёрный Рыцарь

Автор: Рина Кент

Серия: Королевская Элита #4

Перевод группы: <https://vk.com/neviofal>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Тебе.

Да, тебе.

Ты важен.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, дорогой друг!

Могу с уверенностью сказать, что «*Чёрный Рыцарь*» моя самая эмоциональная книга на данный момент. Я осталась верна Кимберли и Ксандеру и рассказала их историю единственным возможным способом.

Если тебе раньше не доводилось познакомиться с моими книгами, возможно, ты не знаешь, но я пишу мрачные истории, которые могут тебя расстроить и вызвать беспокойство. Мои книги и главные герои не для слабонервных. Однако на этот раз все по-другому. Эта история глубока, жестка и возможно намного пугающая с эмоциональной точки зрения.

Эта книга посвящена депрессии, расстройствам пищевого поведения и самоповреждению.

Надеюсь, ты знаешь о своих триггерах, прежде чем погрузиться в эту книгу.

«*Чёрного Рыцаря*» можно читать отдельно от других книг серии, но для лучшего понимания мира Королевской Элиты рекомендуется сначала ознакомиться с предыдущими книгами.

АННОТАЦИЯ

Любовь невозможна. Ненависть это открытая игра.

Кимберли

Когда-то он был моим лучшим другом, а теперь он мой злейший враг.

Ксандер Найт душераздирающе красив.

До смешного популярен.

Безжалостно жесток.

Он рыцарь, но ничего не сделает ради спасения.

Ксандер

Мы начали, как приятный сон, а теперь же превратились в кошмар.

Кимберли Рид ничтожно фальшива.

Ужасно невинна.

Тайно мрачна.

Она может прятаться, но не от меня, никогда.

ПЛЕЙЛИСТ

I See You — MISSIO

Ghost— Badflower

Magic — Coldplay

Drink To Drown — Stand Atlantic

Hollow — Icon for Hire

Shattered — Trading Yesterday

Under Your Spell — The Birthday Massacre

Therapy — All Time Low

Those Nights — Bastille

Zero — Imagine Dragons

Birds — Imagine Dragons

Green Eyes — Coldplay

Princess of China — Coldplay

Say Something — A Great Big World & Christina Aguilera

The Reason — Hoobastank

Past Life — Trevor Daniel

Kids — OneRepublic

Rescue Me — Thirty Seconds To Mars

Breathe Me — Sia

Someone You Loved — Lewis Capaldi

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТНАЯ
ШКОЛА

Пролог

Кимберли

6 лет

Иногда истории заканчиваются в тот момент, когда начинаются.

Бабушка часто говорила мне это, когда я проводила с ней лето в Ньюкасле. По крайней мере, тогда я могла держаться подальше от мамы и от того, как она смотрела на меня.

Как будто она ненавидела меня.

Теперь у меня нет бабушки. Никто не заберет меня и не расскажет историй, которые перенесут в другие миры.

Миры с принцами и рыцарями. Миры, наполненные таким количеством магии, что мне снится это.

Я бегу вниз по лестнице дома, пока не оказываюсь снаружи. Солнце сегодня такое яркое, бросает яркий оттенок на весь сад и забор.

Звуки ссоры мамы и папы преследуют меня, пока я не закрываю за собой дверь. Теперь их никто не слышит, ни персонал, ни соседи.

Даже я.

Я усаживаюсь на ступеньку и облизываю фисташковое мороженое, которое папа купил мне. Сильвер говорит, что все мороженое на вкус одинаковое, но Сильвер иногда бывает такой глупышкой. Фисташковое мороженое самое лучшее. Оно зеленое, сладкое и восхитительное.

Если бы я не была так расстроена, я бы пошла к ней и поиграла с ее куклами Барби, но мне никуда не хочется идти.

Кроме..

Мой взгляд устремляется вперед, к огромному особняку напротив нашего. От него исходит древнее ощущение, как от тех замках из рассказов

бабушки — где живут рыцари и принцы. Я хочу пойти туда, постучаться и попросить его выйти.

Мой рыцарь.

Мы договорились об этом на прошлой неделе — что отныне он мой рыцарь. Я даже благословила его бамбуковой палочкой, как королева.

Сильвер все равно, когда я расстроена, но не ему. Потому что он мой рыцарь. Он всегда щекочет меня и рассказывает анекдоты, пока я не начинаю заливаться смехом.

Мальчик с золотыми волосами и волшебными голубыми глазами, похожий из историй бабушки.

Все еще облизывая мороженое, я поднимаюсь на ноги и делаю медленные, но решительные шаги, пока не выхожу за ворота нашего участка. Сейчас вторая половина дня, так что, может быть, он проводит время с Эйденем и Коулом. Возможно, он не захочет играть со мной сегодня.

Я не люблю, когда он выбирает мальчиков, а не меня.

Их дверь гаража с шипением открывается, и я замираю. Выезжает красная машина, сначала медленно, потом набирает скорость.

Тетя Саманта.

Это она играет роль королевы в рассказах бабушки с ее золотыми локонами и большими голубыми глазами, которые такие добрые и заботливые.

Тетя Саманта, которая зовёт меня в дом всякий раз, когда мои родители ссорятся, и делится со мной едой. Она сидит со мной и причесывает меня, потому что у мамы нет на это времени. Она говорит мне, что у мамы важная работа и что я не должна не любить ее за это.

А ещё она мама моего рыцаря.

Ее лицо ничего не выражает. Она выглядит расстроенной, но не плачет. Или, может, она вовсе не расстроена. Она похожа на маму, когда та запирается в своей художественной студии, не желая никого видеть.

Я уже собираюсь помахать ей рукой, когда замечаю, кто бежит за ее машиной.

Ксандер.

Мальчик с золотыми волосами и голубыми глазами, которого он украл у океана, неба и магии в книгах.

Слезы текут по его щекам, когда он выкрикивает имя своей мамы. Все его тело дрожит, но он не прекращает бежать за ней.

На секунду весь мир застывает. Это мгновение, всего лишь одно мгновение во времени. Это так странно, как все плохое случается в одно мгновение.

Бабушка тоже покинула меня в мгновении. В одну минуту она сидела с нами, а в следующую у нее остановилось сердце. Она была рядом, улыбалась мне, давала мороженое и рассказывала историю, а потом моей единственной бабушки не стало.

Теперь только я, мама и папа.

Я ненавижу, когда только я и они. Потому что папа много работает, и я не могу проводить с ним много времени. А мама... ну, я не существую перед ней, не так, как когда я существовала с бабушкой.

Она была моим миром. Теперь я его лишилась.

Пока я стою и смотрю, как отъезжает машина тети Саманты, а Ксан бежит за ней на своих ножках, в груди становится больно, так же, как и тогда, когда не стало бабушки.

Мое сердце громко и сильно бьется в ушах. Я не слышу криков и рыданий Ксана. Я слышу свое, когда бабушка упала на пол, закрыла глаза и так и не проснулась.

Тогда я поняла, я просто поняла, что потеряла что-то, что никогда нельзя будет вернуть.

Моя жизнь изменилась раз и навсегда.

Точно так же, как у Ксана.

Он ударяет по багажнику машины, но вместо торможения красная машина издает громкий звук, набирая скорость.

— Мама, не уезжай! — Ксан бежит за ней, его тапочки шлепают по улице. — Не оставляй меня, пожалуйста. Я буду хорошим мальчиком. Я обещаю.

Его слова перетекают друг в друга, смешиваясь со слезами.

Мои ноги двигаются сами по себе, сначала медленно, потом я бегу так же быстро, как Ксандер за красной машиной.

Эта машина напоминает монстра с раздувающимися ноздрями и красными рогами, но никто из нас не останавливается.

Он все еще кричит и плачет, звук громкий в тишине улицы. Его тапочка соскальзывает с правой ноги. Он снимает другую и продолжает бежать босиком, не обращая внимания на мелкие камешки асфальта. Я останавливаюсь на секунду, чтобы поднять его тапочки в одну руку, в то время как мороженое тает в другой. Оно начинает становиться липким и создавать беспорядок, но я не отпускаю, следуя за Ксаном.

Ему больно, а мне не нравится, когда ему больно. Мне не нравится, когда кому-то больно, но еще больше я ненавижу, когда это происходит с ним.

Я чувствую привкус соли и понимаю, что мои щеки тоже мокрые от слез.

— Остановись, м-мама! — спотыкается Ксан, но спохватывается и продолжает бежать.

Звуки, которые он издает, прерывистые и такие гортанные, что похоже на дыхание животного.

Машина исчезает за углом. Ксан не останавливается. Он продолжает бежать и бежать, даже когда тетя Саманта и ее чудовищная машина исчезают из виду.

Даже когда мы вдвоем бежим по длинной дороге, примыкающей к нашему району.

Его нога спотыкается, и он падает вперед, на колени, плача так громко, что я чувствую каждый звук в своих костях.

— Маааааам!

Я бросаюсь к нему, но останавливаюсь на небольшом расстоянии, прижимая его тапочки к груди. Затем медленно, слишком медленно присаживаюсь и надеваю их на каждую из его ног. Кожа грязная, и на одной ноге виден порез, из которого кровь покрывает его мизинец на ноге.

— Г-грин? — он смотрит на меня сквозь блестящие слезы, заливающие его глаза.

Ксан называет меня Грин, потому что это мой любимый цвет. У всех девочек спальни розовые, у меня же зеленая.

— М-мама у-уехала. — он шмыгает носом.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Она вернется.

Это ложь. Я тоже говорила, что бабушка вернется после того, как я усну, но проснувшись, ее все еще не было рядом.

Уходя, взрослые не возвращаются.

— О-она не вернётся! Она сказала, что больше не хочет нас с папой. — его нижняя губа дрожит, даже когда он пытается перестать плакать, отворачиваясь от меня.

— Ксан... — я протягиваю к нему руку и вытираю его слезы рукавом.

На мгновение он позволяет мне смотреть, как их становится все больше.

Мороженое теперь капает на асфальт, и я обычно съедаю все это, но мое внимание сосредоточено на Ксане и на том, как он не может перестать рыдать.

А еще я думала, что никогда не перестану плакать из-за бабушки. Что я буду плакать, как принцесса в одной из ее книг, и слезы станут причиной моей смерти.

Однако в конце концов я перестала плакать.

Папа говорит, что нет ничего постоянного. Все меняется.

Он ошибается. Мы с Ксаном никогда не изменимся. Я всегда буду его Григ, а он всегда моим рыцарем.

В конце концов, мы сделали это официально.

Ксан кладет руку мне на плечо и толкает меня, затем смотрит на асфальт.

— Уходи, Грин.

— Нет.

Он смотрит на меня.

— Нет?

— Я не хочу оставлять тебя одного. Ты не бросил меня, когда бабушки не стало.

Медленно повернувшись ко мне, он пристально наблюдает за мной, его светлые брови хмурятся, когда еще больше слез катятся по его щекам.

— Почему *ты* плачешь?

Я шмыгаю носом, вытирая лицо тыльной стороной ладони, смешивая его слезы со своими.

— Потому что ты плачешь.

— Не плачь, Грин.

— *Ты* не плачь. — я шмыгаю носом.

Он икает.

— Не люблю, когда ты плачешь.

— Я тоже не люблю, когда ты плачешь.

Я придвигаюсь ближе и обнимаю его за шею, отодвигая таящее мороженое, чтобы не испортить ему ещё больше настроение.

Мой рыцарь прекрасен, и его доспехи не должно быть грязными.

Ксан обнимает меня за талию, прячет лицо у меня на шее и рыдает. Он плачет так сильно, что я чувствую вибрацию на своей коже.

Я тоже плачу, потому что теперь его боль похожа на мою. Его боль так реальна и близка, как будто это мне больно, а не ему.

Когда бабушки не стало, Ксан обнимал меня, пока я плакала. Он оставался со мной, пока я не засыпала, и не отходил от меня.

Теперь я буду обнимать его, пока его боль не пройдет. Пока он не сможет улыбнуться и показать мне свои красивые ямочки.

— Грин... — он шмыгает носом мне в шею. — Обещай, что никогда не бросишь меня.

— Никогда. Ты мой рыцарь, не забыл?

Он кивает.

— С сегодняшнего дня и впредь мы едины.

— Мы едины.

Глава 1

Кимберли

Я недостаточно хороша.

Я никогда не буду достаточно хороша.

Вам знакомо это чувство, когда слова продолжают крутиться в вашей голове, пока не превратятся в удушливый туман? Пока не станут всем, о чем ты можешь думать, и всем, чем ты можешь дышать?

Просыпаясь, они медленно сгущаются вокруг вас, будто они ваши спутники на всю жизнь.

Это первая мысль, с которой ты просыпаешься, и последняя, с которой засыпаешь.

Вот как это ощущается уже на протяжении многих лет.

Вот как начинается моя битва, и каждый день я говорю: *не сегодня*.

— Кимми!

Маленькая рука тянет меня за руку, когда мой младший брат тащит меня ко входу в начальную школу.

Кириан теперь достигает моей талии. На его выглаженной форме виднеется морщинка, которую я разглаживаю.

Его выгоревшие светлые волосы коротко подстрижены, и он гордится этим, потому что это «круто». Его ярко-карие глаза так блестят, что сквозь них почти можно увидеть мир. Настолько чистый мир, что вам захочется массово его производить и свободно распространять.

— В чем дело, Кир? — я спрашиваю.

— Я спросил, приготовишь ли ты мне макароны с сыром позже?

— Я не могу. У меня занятия допоздна.

Он надувает губы, его рука расслабляется в моей. Если есть что-то, что я ненавижу в этом мире, так это то, что я убиваю эту искру в его чертах.

— Мариан приготовит для тебя, — заключаю я сделку.

Кир любит нашу экономку и проводит время с ней, когда меня нет.

— Я не хочу Мари. Я хочу, чтобы ты приготовила.

— Кир... — я приседаю перед ним на корточки, заставляя его остановиться. — Ты же знаешь, что я ничего так не хочу, как быть с тобой, верно?

Он отчаянно трясет головой.

— Ты исчезла на днях.

Моя нижняя губа дрожит, и требуется все силы, чтобы взять себя в руки. Это причина, по которой я просыпаюсь каждый день, почему борюсь с этим туманом, почему принимаю душ, а затем надеваю форму.

Люди говорят, что ничто не может остановить эти мысли, когда они проникают так глубоко. Тебе нужна терапия, тебе нужны лекарства, тебе нужны все эти чертовы вещи.

Мне нужен только этот маленький человечек с огромными глазами и маленькими надутыми губами. Его лицо первое, что я пытаюсь увидеть утром. Его голос я хочу услышать, как только открою глаза.

Кириан моя особая таблетка. Моя счастливая таблетка.

Но на прошлой неделе он увидел то, чего не должен был видеть. Вернее, он стал свидетелем этого, и когда я проснулась, то обнаружила, что он рыдает в ногах моей кровати, обнимает меня и умоляет не оставлять его.

— Этого больше никогда не повторится, моя маленькая обезьянка.

— Что, если повторится? — его нижняя губа выпячивается вперед, когда он широко раскрывает глаза. — Что, если ты исчезнешь, и мне придется остаться с мамой?

— Никогда, Кир. — я притягиваю его к себе и сжимаю в объятиях. — Я *никогда* не оставлю тебя с мамой. Ты понял?

Он отталкивается от меня и вытягивает мизинец.

— Клянись на мизинце?

— Клянусь на мизинце, малыш. — я обвиваю его палец своим.

Как только он уверен в обещании, он отстраняется и смотрит на меня, надув губы.

— Я не ребенок.

— Ты мой маленький ребенок. Смирись с этим.

— Неважно. — он снова широко раскрывает глаза. — Ты вернёшься домой пораньше?

Серьезно, у него щенячий взгляд, из-за которого я готова совершить преступление.

Я встаю и треплю ему волосы.

— Хорошо. Я постараюсь.

— Ура! — он обнимает мои ноги. — Я люблю тебя, Кимми!

Затем он бежит в направлении школы, вцепившись в ляжки своего рюкзака.

— Я тоже тебя люблю! — кричу я ему вслед. — Не беги.

Как только я убеждаюсь, что он вошел в школу, я возвращаюсь к машине. Другие дети выпрыгивают из авто своих родителей, целуют их, прежде чем отправиться в школу.

Сцена, которой ни у Кира, ни у меня не было за всю нашу жизнь. Я, наверное, единственная сестра, которая на сегодняшний день привозит брата.

В такие моменты красные облака, которые я питаю к маме, взрываются со страстью.

Мне плевать на себя, но она не имеет права заставлять Кира думать, что он тоже нежеланный, ошибка, порванный презерватив.

По крайней мере, папа пытается. Все мои ранние детские воспоминания состоят из того, как он укладывал меня в постель или обнимал, когда я спала. Он также тот, кто всегда ухаживал за мной, когда я простужалась.

Но не мама, никогда.

Папа просто занятой человек и редко бывает дома, чтобы что-то изменить. Его звонков уже едва ли достаточно.

Я прибываю в Королевскую Элитную Школу — или КЭШ — в рекордно короткие сроки, так как она недалеко от школы Кира.

На парковке я смотрю на свое отражение в зеркале и делаю глубокий вдох. Я могу это сделать.

Ради Кира.

Я откидываю свои каштановые волосы с зелеными прядями — или, возможно, наоборот, больше зеленого, меньше каштанового. Что? Мне нравится этот цвет. Я просто благодарна, что родилась со светло-зелеными глазами. Еще одна вещь, которую я хочу добавить в свою зеленую коллекцию.

Ладно, прозвучало немного странно, даже в моей голове.

Я выхожу из машины, вцепившись в лямки рюкзака, и шагаю через огромный вход в КЭШ. Королевская Элитная Школа имеет десять гигантских башен и великолепное здание, построенное в средние века.

Логотип: Золотой лев и щит это все о величественной силе данного места.

Богатые, влиятельные люди отправляют своих детей в эту школу, чтобы им было легче приобщиться к обществу. В конце концов, большинство британских политиков, членов парламента и дипломатов ходили по коридорам этой школы — включая папу.

Сейчас он известный дипломат, тесно сотрудничающий с Европейским Союзом в Брюсселе, и по этой причине мы его почти не видим. Может, все изменится теперь, когда страна выходит из ЕС.

Но я совершенно уверена, что он найдет способ стать занятым в другом месте. Как будто он не хочет находиться с нами — или с мамой.

Обычно я хожу по этим коридорам со своей лучшей подругой Эльзой, но после несчастного случая и осложнений с сердцем она отдыхает у себя дома. А пока я совсем одна между людьми, которые либо ненавидят меня, либо притворяются, что меня не существует.

Начинаются знакомые уколы.

— Она думает, что теперь хорошенькая?

— Однажды толстушка, навсегда толстушка, Кимберли.

— Посмотри на эти бедра.

— Маленькая сука Эльзы.

Моя кожа покрывается мурашками, чем больше их слов проникает под нее. Я пытаюсь не обращать внимания, но, как и туман, их невозможно игнорировать. Они продолжают умножаться с каждой секундой, усиливаясь и наполняя мою голову этими мыслями.

Серые, горькие на вкус и жгучие, как кислота.

Никому нет до тебя дела.

Ты никто. Абсолютно никто и ничто.

Я качаю головой, сокращая расстояние до класса. Они не доберутся до меня.

Не сегодня, сатана. Заползи в свою маленькую норку.

Это моя школа в течение трех лет, но я ни разу не чувствовала, что принадлежу этому месту.

Несколько дней назад мне исполнилось восемнадцать, и я отпраздновала свой день рождения на больничной койке Эльзы, рядом с Киром и папой по скайпу.

Независимо от того, сколько мне, не легко ходить по этим коридорам, позволять ножам вонзаться в меня с каждым словом из их злобных уст.

Интересно, видят ли они кровь, идущую за мной, как след, или мне одной это видно?

Мои пальцы скользят к запястью, затем я быстро опускаю руку.

Ради Кира я мысленно повторяю мантру. Ты делаешь это ради Кира.

Если я поступлю в хороший колледж и получу стипендию, я смогу позволить себе частное общежитие и забрать Кира с собой, потому что, черт возьми, я ни за что не оставлю его с мамой, как только поступлю в колледж.

Голоса вокруг начинают сливаться сами с собой, и я высоко поднимаю голову, ставя одну ногу перед другой.

Они ничто.

Они просто разветвление тумана, и я всегда сбиваю этот проклятый туман.

Кроме одного раза.

Ладно, кроме двух, и Кир стал свидетелем одного из них.

— Скучная, дура.

Мои ноги сами собой останавливаются при этом голосе. При этом сильном, низком голосе, постоянного в моих снах.

И в кошмарах.

Ладно, больше в кошмарах, чем во снах.

Этот жестокий голос снова и снова обрывал мою жизнь, когда он мог бы спасти меня. Вместо того, чтобы позволить мне держаться за него, он оставил меня умирать.

Этот голос не только часть кошмаров, он сам по себе кошмар.

Пол двоится, когда я поднимаю голову. Я должна постоянно напоминать себе, что гравитация существует, и я на самом деле не упаду.

Что он не имеет значения. Он перестал иметь значение в тот день семь лет назад.

Но, возможно, я только обманываю себя, потому что, хотя я вижу его каждый день — или, скорее, избегаю, — его взгляд никогда не становится более знакомым, или простым, или чертовски нормальным.

Но в Ксандере Найте нет ничего нормального. Он был рожден, чтобы стать частью элиты, частью тех, кто сокрушает других своими ботинками и не оглядывается на разрешение.

Он один из КЭШ, оставляющие за собой хаос и горе. Он входит в состав четырех всадников школы, нападающий футбольной команды, и получивший прозвище Война за свою способность разрушать оборону противника.

И он война. Ксандер это тот тип войны, которую вы никогда не предвидите, а когда предвидите, уже будет слишком поздно.

Он уже схватил тебя в свои лапы и уничтожил изнутри.

Его золотистые волосы зачесаны назад, но по моде коротко подстрижены по бокам, что добавляет ему общей жестокости. Когда я была маленькой, я думала, что он украл голубизну своих глаз у океана и неба.

Теперь я уверена, что он это сделал, потому что он вор садист.

Спокойный синий цвет, который раньше светлел при виде меня, теперь темнеет до зловещего оттенка.

Сказать, что Ксандер красив, было бы преуменьшением не только века, но и всей общей эпохи. Это не только из-за его сложенной белокурой внешности — его лицо принадлежит моделям, богам и обычным бессмертным. Острое, с легкой щетиной, добавляющая ему очарования.

Как и все в школе, я привыкла видеть эту красоту. Я обычно останавливалась на пороге своего дома и щипала себя, повторяя, что он действительно мой друг — мой рыцарь — и он зовет меня поиграть вместе.

Теперь я вижу кого-то совершенно другого. Я вижу мстительность, ненависть, бога войны, готового уничтожить.

Он был моим лучшим другом. Теперь он чужой.

Задира.

Враг.

Парень, которого Ксандер только что прогнал, склоняет голову и отступает за угол. Будучи частью всадников, нападающим Элиты, и сыном Министра, он получает право на корону, ту, которая усеяна шипами и черным дымом.

Тем не менее, все здесь преклоняются перед его авторитетом. Если бы он попросил этого парня ползти, он бы упал на пол, не задавая вопросов.

Ксандер крутит футбольный мяч на указательном пальце, другая его рука в кармане брюк, когда он идет ко мне уверенными, целеустремленными шагами. Я не отрываю от него взгляда, наблюдая за каждым его движением и изо всех сил пытаюсь втянуть воздух в легкие. Я не знаю, почему я думаю, что он оттолкнет меня или, скорее, ударит.

Не то чтобы это что-то новое. За годы издевательств со мной поступали и похуже — оскорбительные замечания, пролитие краски, насмешливые признания, все такое.

Глупо думать, что Ксан прикоснется ко мне. Он никогда этого не делал. Ни разу.

Синий пиджак облегает его широкие плечи и мускулистую грудь. Все в нем.. мускулистое, я имею в виду. Включая его футбольные бедра, *особенно* его футбольные бедра.

Не знаю, когда это произошло. Ладно, я лгу. Развитие его телосложения началось именно летом между Младшей Королевской Элитной Школой — нашей предыдущей школой — и Королевской Элитной Школы.

Дисклеймер, я замечаю много вещей вокруг себя. Дело не только в нем. С тех пор как я поняла, что моя мама не заступится за меня и мне придется делать это самостоятельно, я научилась многим методам выживания. Самое главное: осознать окружение.

Нравится мне это или нет, Ксандер всегда был частью моего ближайшего окружения и будет оставаться им до конца этого года. Потом, когда я уеду из города, все будет кончено.

Вдох. Еще несколько месяцев. *Выдох.*

— Ты ждешь приглашения? Недостаточно, Пузо.

Его голос легок, но в интонации нет ничего светлого. Я знаю, что он не велел парню уйти ради меня. Ксандер не заступает за меня, и уж точно не отчитывает других от моего имени.

Если бы это была прежняя я, я бы склонила голову и убежала, плача, а его насмешливый смех преследовал бы меня, когда я шмыгала носом в темных углах, не желая, чтобы другие видели мой позор.

Однако что-то изменилось.

Я.

Я изменилась.

С тех пор как я проснулась и обнаружила, что Кир обнимает меня и плачет, я пришла к важному выводу. Если я хочу выжить в этом мире, если я хочу остаться со своим младшим братом и спасти его от нашей мамы, тогда я должна взять свою жизнь в свои руки.

Я устала играть второстепенную роль в своей собственной истории.

Я устала позволять таким, как Ксандер Найт, ходить по мне.

Я устала плакать по углам, как чертова трусиха.

Я расправляю плечи, как всегда, делает Эльза, и встречаюсь с ним взглядом.

— Места хватит.

Хорошо, мой голос мог бы быть громче, но он спокоен, что есть, то есть. Маленькими шажками.

— Что ты только что сказала? — он прищуривает один глаз, словно не веря моим словам.

Я не возражаю Ксандеру. *Никогда*. Я либо убегаю, либо делаю так, как он мне говорит. Я всегда думала, что если я буду это делать, то однажды он найдёт в себе силы простить меня. Однажды он вспомнит те времена, когда мы были лучшими друзьями.

Но я дура.

Те времена существуют только для меня. Он уже стер их, так что я могу сделать то же самое.

— Ты меня слышал, — я указываю на остальную часть коридора. — Здесь есть место. Воспользуйся им.

Он усмехается, звук сухой и невеселый, и моя спина напрягается.

— Ты только что приказала мне, Пузо?

Я *ненавижу* это прозвище. Я чертовски презираю его.

Это насмешка, и притом жестокая. Мальчик, который раньше называл меня Грин, давно ушел. Не то чтобы я хотела, чтобы он снова называл меня так, он потерял право, когда сказал, что я ему противна. Он потерял это

право, когда стоял в стороне, когда все остальные студенты издевались надо мной.

Он потерял это право, когда перестал быть моим сторонником номер один и превратился в моего мучителя.

И все же я бы хотела, чтобы он просто называл меня по имени.

Я поднимаю плечо.

— Называй это как хочешь.

Я начинаю идти мимо него, но он перестает вертеть мяч и толкает его перед моим лицом, заставляя остановиться.

— Не так быстро.

У меня вырывается вздох, хотя по спине пробегает дрожь. Находясь так близко к нему, что я почти чувствую запах мяты в его дыхании, и его насыщенный океанский аромат пугает меня так, как я не хочу признаваться. .

— Чего ты хочешь, Ксандер?

Его брови хмурятся, и он крепче сжимает мяч.

— Во-первых, поменяй поведение. Во-вторых, не произноси мое имя.

— Тогда как насчет того, чтобы ты перестал вставать на моем пути? — я огрызаюсь, затем прикусываю нижнюю губу.

Дерьмо.

Я просто накинулась на него. Должно быть, это первый раз за... ну, когда-либо. Не помню, чтобы делала это, даже когда мы были детьми. Он тоже кажется озадаченным, когда на долю секунды его лицо теряет жесткость.

Прежде чем он успеваает подумать о мести — и как причинить мне боль, — я проскальзываю мимо него и направляюсь в класс. Но не убегаю. Нет, я держу свои шаги под контролем.

С сегодняшнего дня Ксандер Найт не увидит, как я сбегаю или плачу.

Это противостояние только начинается.

В нашей войне началась новая битва.

И на этот раз я выйду победителем.

Глава 2

Кимберли

Я спускаю свой обед в унитаз, булькающий звук эхом разносится вокруг, как ужасная симфония.

Знаете, какой искаженный звук издают некоторые скрипки?

Да, я тоже. Папа и мама увлекаются классической музыкой — они познакомились на концерте. Потрясающе. Я предпочитаю панк и альтернативный рок. Большое спасибо.

В любом случае, я заполняю свой разум моими любимыми песнями вместо звука. Вы никогда не привыкнете к этому, ни к тому, что вы засовываете палец в горло, ни к тому, что вас рвет; это всегда отвратительно. Каждый раз, когда я это делаю, я чувствую, словно пауки ползают по моей коже своими волосатыми лапами, оставляя за собой следы мусора.

Как только мой желудок издает глухой звук, возвещающий, что ничего не осталось, я покидаю туалет. Здесь никого, как и не должно быть.

Я делаю это только прямо перед уроком после того, как удостоверюсь, что все уже в классе. Вот почему я иногда опаздываю, а потом притворяюсь, что все из-за головной боли.

Быть невидимкой легко, но быть полностью несуществующей немного сложно. Если бы я была призраком, мне не пришлось бы проходить через эти неприятности каждый день.

Ну, знаете, ту часть, убеждаясь, что никто не находится в общественном женском туалете. Если кто-то рядом, я просто блюю в саду за школой в мусорное ведро и возвращаюсь сюда только для того, чтобы почистить зубы.

Как только я заканчиваю, я смотрю на свое отражение в зеркале.

Это лицо тоже кошмар.

На самом деле, это самый страшный кошмар. Эти щеки, которые, как я думала, больше не будут жалкими, грудь, кажущая слишком маленькой на фоне блузки. Обвисшие руки в избытке покрыты растяжками. Они повсюду — я имею в виду растяжки — на нижней стороне моих рук, на животе и на бедрах.

Везде.

Я ненавижу их и ненавижу это чертово тело. Я ненавижу себя в этом. Хотела бы я, чтобы был способ взорвать его изнутри, кроме, как блевать на обед.

Мысль нападает на мое подсознание.

Я хочу ударить кулаком по этому зеркалу, разбить его на куски, затем взять осколок стекла и..

Нет.

Нет, нет!

Я отчаянно качаю головой и хлопаю себя по обеим щекам, сопротивляясь желанию прикоснуться к запястью.

Ради Кира, ты здесь ради Кира.

Мои шаги тверды и решительны, когда я выхожу из туалета и закрываю рюкзак.

Я опаздываю на свой урок. Или, скорее, я опоздаю примерно через минуту.

Это обратная сторона пребывания в комнате для девочек после того, как все уже в классе.

Я бегу по коридору, когда чья-то рука хватается меня за плечо. На секунду я замираю, думая, что Ксандер вернулся ради мести.

Он игнорирует меня с самого утра, но я больше, чем кто-либо другой, знаю, что, если Ксандер Найт игнорирует, это катастрофа, замаскированная под благословение.

Я выдыхаю, понимая, что это не он. Он не пахнет так сильно и не ощущается таким твердым — не то, чтобы я знаю, каким он ощущается.

И да, я знаю, как пахнет Ксандер. Это только благодаря моей способности подключаться к своему окружению, не забыли?

— Тоже опаздываешь, Кимми?

Я улыбаюсь Ронану, моей первой настоящей улыбкой с той, которую я подарила Киру этим утром.

Ронан Астор, также один из всадников и, возможно, самый близкий мне человек в этой школе — кроме Эльзы.

Он обладает мальчишеским очарованием, его каштановые волосы слегка вьются, а его глубокие, насыщенные карие глаза намекают на начинающего плейбоя. Вычеркните это, он уже плейбой. Ох, и он, оказывается, настоящий аристократ. Его гордый нос явное тому доказательство.

Не думаю, что он это замечает, но его нос кричит о благородстве с другого континента.

— Говори за себя. — я тыкаю его в бок. — Ты не пришел утром.

— Я был... на важной встрече.

— Хочешь сказать, что проспал из-за вчерашней вечеринки?

— Эй! Вечеринки это важные встречи, Кимми. Я собираюсь научить тебя этому... среди прочего. — он ухмыляется. — Дождись и увидишь.

— Нет, спасибо.

— Да, и пока не благодари меня. — он шевелит бровями. — У меня есть предложения по оплате на потом.

— Почему я чувствую, что мне это не понравится?

— Поверь мне, тебе понравится.

Он прижимает меня ближе к себе, когда мы идем в класс.

Никто из учеников не осмеливается ничего сказать мне в присутствии Ронана. Может, он и не такой задумчивый, как Эйден и Коул, или чертов фанат популярности, как Ксандер, но у Ронана тоже есть свой трон в КЭШ.

Его корона просто немного более доступна, даже осязаема.

Он принц, и к тому же довольно обаятельный.

Я до сих пор не могу поверить, как он подошёл ко мне первым и решил, что мы станем друзьями только потому, что он увидел меня на одной из игр Элиты. Ох, и он объявил, что я приглашена на все его вечеринки. Они легендарные и имеют ограниченный доступ, поэтому сначала я подумала, что, возможно, это был еще один тщательно продуманный план Ксандера, чтобы поиметь меня.

Однако прошли месяцы, а Ронан остается скалой, на которую я могу опереться. Если это окажется больной игрой, я могу никогда из нее не вернуться. Мне на самом деле очень нравится Ронан. Он общительный и забавный, и всегда отгоняет все нежелательное внимание.

А иногда даже туман.

Он подробно рассказывает о травке, которую он купил вчера, когда мы входим в класс.

— Говорю тебе, Кимми. — он наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо, заставляя остановиться у первой парты. — Это дерьмо облако девятого уровня. Хочешь попробовать?

Мои глаза расширяются.

— Мы в школе.

— Снимите номер, — говорит кто-то из класса.

Вот тогда я понимаю, в каком положении мы находимся. Ронан обнимает меня за плечи, а я полностью приклеена к нему, когда его губы парят у моего уха. Со стороны это кажется слишком интимным.

Но так как я привыкла к этому от Ронана, я больше не думаю об этом.

— Это отличная идея. — Ронан щелкает пальцами в направлении голоса.

Сильвер. Конечно, она бы так и сказала.

Не могу поверить, что когда-то мы были близки. Теперь она экзотическая богиня, красивая до боли, с модельным телом и ядовитым ртом, и также ученица высшего класса. Обычная стерва.

Которая когда-то была моей подругой. Которая обнимала меня, когда умерла бабушка, и подарила мне одну из своих любимых кукол Барби.

То время моей жизни было таким наполненным, а потом, в одно мгновение, оно опустело.

— Пойдем снимем номер, Кимми. — Ронан озорно улыбается мне.

Я в шутку ударяю его в бок.

Но не могу не задаваться вопросом, какими были бы мои отношения с ним, если бы я знала его так же долго, как знаю других.

Ронан присоединился к четырем всадникам только в нашей предыдущей школе. Возможно, он тоже отдалился бы, если бы знал меня с детства.

— Всем занять свои места.

Голос миссис Стоун раздаётся позади, и я отталкиваюсь от Ронана, чтобы сесть в начале класса. Обычно Эльза или один из ее приемных братьев и сестер здесь со мной, но сейчас только я. Ронана не в счёт, так как он предпочитает сидеть сзади и спокойно спать.

Когда я устраиваюсь, мое периферийное зрение улавливает какое-то движение.

Ксандер.

Он сидит у окна, перед Коулом, который что-то говорит ему на ухо, сжимая в руке книгу.

Он, кажется, не слушает, так как все его внимание сосредоточено на мне. Но оно пустое, словно он не смотрит на меня.

Но он смотрит.

Я чувствую его взгляд, но не на своей коже или лице, а глубоко в душе. Он вторгается в меня и касается тех мест, к которым ему не следует прикасаться.

Я поворачиваюсь, борясь со своими разгоряченными щеками. Только какого черта я должна находиться в одном классе с четырьмя всадниками во время моего последнего года в школе?

Я почти выживала, не видя лица Ксандера на каждом чертовом уроке.

Миссис Стоун говорит о тесте, но я ни за что на свете не могу сосредоточиться на ее словах. Мой разум продолжает метаться к задним партам, где я чувствую, что кто-то наблюдает за мной.

Мой затылок покалывает от нежелательного внимания, и я ерзаю на стуле, будто это избавит меня от дискомфорта.

Что-то ударяется об мою руку, прежде чем скомканный листок бумаги падает рядом. Позволяя волосам прикрыть глаза, я оглядываюсь назад, встречаясь с улыбкой Ронана.

Он сидит рядом с Ксандером, где тот мертвой хваткой сжимает карандаш. Ронан вытягивает перед собой обе ноги, вертя черную ручку между указательным и средним пальцами. Он указывает на бумагу бровями.

Я бросаю мимолетный взгляд на Ксандера, но он сосредоточен на миссис Стоун. Выражение его лица нейтральное, но плечи напряжены. Какого черта он так напряжен?

Подняв бумагу, я осторожно разворачиваю ее. Это каракули, написанные грязным почерком Ронана, с смайликом вверху.

«Покажи миру средний палец с улыбкой.»

Я смотрю на него в ответ, и он подмигивает. Мои губы инстинктивно изгибаются в улыбке.

Суровый взгляд Ксандера скользит с Ронана на меня, а затем остается. На мне.

Он не колеблется, и не пытается отвести взгляд. Он пытается запугать меня, чтобы я перестала смотреть ему в глаза и съежилась, как я делаю каждый раз, когда он оказывается рядом.

Если бы взгляды могли разрезать на куски, Ксандер обладал бы самым острым лезвием.

Но он кое-что забывает. Его война меня больше не пугает. Она не может стать ещё хуже, чем туман, или разочарованный взгляд Кира, или страх в его маленьких глазах, когда он думал, что я оставляю его.

Поэтому я продолжаю улыбаться. Ронану, а не Ксандеру.

Я отталкиваю тех, кто медленно ломал меня, кто превратил меня в эту жалкую оболочку.

Тех, кому доставляло удовольствие разжигать мой переломный момент и смотреть, как я падаю.

Тех, кто бросил меня под автобус вместо того, чтобы увести в безопасное место.

Тех, кто питал туман и позволял ему править моей жизнью.

Я следую совету Ронана и показываю миру средний палец.

Глава 3

Ксандер

В одиночестве есть определенная компания.

Да, звучит безумно, и да, я все еще придерживаюсь этому. Это может быть из-за кофе, э-э... кофе с водкой, который я только что выпил, но кого волнует?

Не в пустом уж доме.

Людам внутри него мой отец платит только за то, чтобы они держали рот на замке. Он заставляет их подписывать соглашения о неразглашении, которые стоили бы им жизни и трем поколениям их семей, проданных на черном рынке.

Люди держат рот на замке, когда их набивают банкнотами королевы.

По крайней мере, те, кем окружает себя мой отец.

Наш повар и глазом не моргнул, когда я сварил кофе и налил спиртного вместо воды. Он просто кивнул и ушёл по своим делам.

Я стою у огромного французского окна, потягиваю кофе и засовываю руку в карман. Знаете, как хороший мальчик из высшего среднего класса с приличными оценками, популярностью за плечами и довольно замечательной жизнью.

Все разложено передо мной для взятия — огромный сад, немецкие машины в гараже, высокие должности.

Все это передо мной.

И все же нет.

Нормально ли брать то, что тебе нужно, когда у тебя нет того, чего хочешь ты?

Ответ на это: да, с точки зрения логики, но я постепенно теряю ее из-за водки.

И да, я действительно отвечаю на свои собственные гипотетические вопросы. Философское дерьмо Коула начинает действовать на меня.

— Что ты здесь делаешь? Разве у тебя не тренировка?

Я медленно закрываю глаза, глубоко вдыхая, прежде чем повернуться лицом к единственной семье, которая у меня осталась.

К той, которую я хотел бы видеть исчезнувшей вместо мамы двенадцать лет назад.

Мой отец стоит посреди гостиной, которая заполнена картинами эпохи возрождения и странным искусством, за которое он платит сотни тысяч на аукционах.

Льюис Найт влиятельный человек в этой стране, один из лучших министров, который не только регулирует экономику, но и контролирует ее. Он — подождите — государственный секретарь по делам бизнеса, энергетики и промышленной стратегии. Фу, знаю, это длинное название, но оно соответствует его «обязанностям», как он их называет.

Ну, знаете, как типичный политик.

Ему за сорок, среднего телосложения, с густыми темными волосами, которые он укладывает так, словно у него ежедневные свидания с самой королевой. Костюм-тройка льстит его фигуре и придает ему величие, которое все хвалят в средствах массовой информации.

Он один из самых популярных, и он мой отец. Предупреждение о спойлере, вот почему я тоже получаю популярность. Это дерьмо генетическое.

Он также дружит с «ИТ», первой линией консервативной партии, которая ведет какую-то внутреннюю войну, подавляя предстоящие выборы, чтобы вновь править страной. После более чем десяти лет последовательных побед, скажем так, это наскучило.

Постоянная хмурая гримаса ложится между его густыми бровями, пока он оглядывает меня с ног до головы, будто возражает против моих джинсов и

футболки. Я всегда должен выглядеть презентабельно, даже дома. Никогда не знаешь, когда репортеры наведаются к нам.

Сколько я себя помню, у папы всегда было такое выражение лица, когда его взгляд падал на меня; своего рода постоянное неодобрение. Он никогда не одобрял меня или мое существование.

В глубине души он хотел бы, чтобы мама забрала меня с собой в тот день. Мы оба проделываем фантастическую работу, игнорируя эту реальность.

Если бы мы могли повернуть время вспять, он бы втолкнул меня в ее машину, или я бы прокрался и спрятался в ее багажнике.

— Ну? — настаивает он. — Тренировка.

— Не сегодня.

— В чем дело?

— Нам нужно набраться сил перед следующей игрой.

Он слегка прищуривает глаза, затем меняет выражение лица. В этом он прагматичен, и подозрителен по натуре. Возможно, именно поэтому он успешный политик. Не сомневаюсь, что он позвонит в школу и убедится, что мои слова точны.

Его игра в отцовство это просто игра. Ему нравится контролировать ситуацию и думать, что я у него под каблуком, куда он может надавить в любое время.

— Мне нужно, чтобы ты вел себя, как можно лучше, Ксандер. Я не должен напоминать тебе, что...

— Приближаются выборы. — я обрываю его и делаю глоток своего алкоголя — я имею в виду, кофе.

— Да. — он приближается ко мне, но не слишком близко, чтобы почувствовать мой запах.

Я не знал, что он будет здесь так рано, иначе бы не пил перед ним. Он держит меня на поводке без причины — он бы запер меня в клетке, если бы узнал о моих предпочтениях в кофе.

— Если ты помнишь об этом, действуй соответственно, мальчик.

— Я не мальчик. — я скрежещу своими зубами.

— Тогда перестань вести себя, как ребенок. Помни, что цель футбольных матчей и Королевской Элиты состоит только в создании имиджа. Не теряйся в этом.

Конечно, даже то, что мне нравится, играть в футбол, это только средство для достижения цели для дорогого старого папы.

— Мне не нужно напоминать тебе о последствиях, не так ли? — он с вызовом поднимает брови.

— Я в курсе. Гарварда не будет.

Меня так и подмывает залпом выпить весь кофе, но это выдаст его содержимое, поэтому я просто делаю глоток — длинный.

Не то чтобы я так уж сильно увлекаюсь Гарвардом, но он находится в Соединенных Штатах, и это позволит мне долгие годы держаться подальше от дерьмовой дыры пустого дома и другого дома через дорогу.

Я должен выбраться отсюда любой ценой. Мои оценки не настолько хороши для стипендии, поэтому я нуждаюсь в деньгах, которые может предоставить только дорогой папочка. Как только я встану на ноги, я брошу это прямо ему в лицо.

— Верно. Не забывай об этом. — он поправляет галстук, глядя на меня свысока, хотя мы примерно одного роста.

Этот снисходительный взгляд, полная холодность, абсолютное пренебрежение к человеческим эмоциям в этих карих глазах причина, по которой моя мать ушла.

И причина, по которой я с тех пор так и не помирился с этим человеком.

Причина, по которой мы чужие, живущие под одной крышей.

Льюис Найт, может быть, и спаситель нации, но он мой злейший враг.

Как только папа уезжает, маленькие ножки бегут по полу, и на моих губах появляется автоматическая улыбка. Я убираю алкоголь — и да, я перестал называть это кофе — и жую мятную жвачку.

У меня всегда при себе пачка. Коул начинает что-то подозревать и скоро позвонит мне по поводу моего дерьма и заставит тренера «поговорить» со мной, но, надеюсь, к тому времени меня здесь уже не будет.

— Ксааан!

Маленькое тельце прижимается к моим ногам в крепком объятии. Его лицо прячется в моих джинсах, утыкаясь в них носом.

— Привет, маленький человек.

Он отталкивается от меня, надув губы и указывая большим пальцем на себя.

— Я не маленький человек.

— Верно. — я присаживаюсь на корточки перед Кирианом, вытирая шоколадное пятно с его носа. — Ты Супермен.

— Ага. Правильно.

— Дай мне кулак.

Я ставлю свой перед его, и он дует в него.

Всегда удивительно иметь рядом этого маленького человечка, даже если его присутствие постоянно возвращает меня к нежелательным мыслям.

— Можно мне пирожных, Ксан? — он смотрит на меня щенячьими глазами.

Я тру указательным пальцем о большой палец, где еще осталось немного шоколада.

— Хочешь сказать, что ты их не ел?

— Нет?

— Что я говорил о лжи?

— Это белая ложь. Кимми говорит, что иногда это нормально.

Взрослые делают это все время.

— Ну, твоя сестра ошибается. Врать плохо, не делай этого.

— Хорошо, я съел чуть-чуть, когда Мари пекла, но совсем немного, обещаю. Можно мне пирожных, пожалуйста? *Пожалуйста?*

Я беру его руку в свою.

— Хорошо.

— Да!

Я помогаю ему взобраться на стул, его короткие ноги болтаются от предвкушения.

— Где твой плащ, Супермен?

— Кимми забрала его стираться.

Я отрезаю кусочек пирожного и кладу его на тарелку. Глаза Кира расширяются от волнения, когда он наблюдает за каждым моим движением.

Ни папа, ни я не едим пирожные, но я всегда прошу повара приготовить для этого маленького парня.

В тот момент, когда я ставлю перед ним тарелку, он мгновенно начинает кушать. Независимо от того, сколько ему, у Кира нет силы воли, когда дело доходит до пирожных.

— Где она сейчас?

Я сожалею об этом вопросе, как только задаю его. Если бы это был кто-то другой, кроме Кира, это была бы гребаная катастрофа.

В течение долгого времени я полностью контролировал вопросы, которые должен задавать, и те, которые не должен. Мне всегда нужно сохранять тот образ, который я совершенствовал годами.

Возможно, это из-за количества алкоголя, которое я пил в последнее время.

Или от того, как она действует мне на нервы со вчерашнего дня; то, как она отвечала, то, как она улыбалась Ронану, будто он ее гребаный мир.

Кимберли Рид камень в моем ботинке. Не вредный, но чертовски раздражающий.

— В школе, — говорит Кир с полным ртом пирожных.

Она не должна быть в гребаной школе. У нее нет занятий, о которых можно было бы говорить, и у нас нет тренировки, поэтому она не могла остаться на матч.

Если не..

Я достаю свой телефон и проверяю сообщения.

Несколько из моего группового чата с тремя моими друзьями-ублюдками.

Ронан: *По шкале от одного до десяти, как думаете, скольких девушек я смогу трахнуть, прежде чем мой отец заставит меня жениться, как шлюху на продажу?*

Эйден: *Зависит от того, имеют ли они в виду секс или нет.*

Ронан: *Отвали, Кинг.*

Ронан: *Кто-нибудь еще?*

Коул: *Сто.*

Ронан: *Теперь мы можем поговорить.*

Коул: *Но ты не запомнишь ни одну из них.*

Ронан: *Лааааадно! Я просто соглашусь с одной.*

Он прикрепляет селфи с Кимберли рядом с собой. Он кладет руку ей на плечо, как и вчера, но на этот раз его губы касаются ее щеки, когда она смеется в камеру.

Ее глаза слегка закрыты, оставляя только щелочку из тех зеленых радужков, которые, как мне хочется думать, выглядят как сопли, но на самом деле являются самыми завораживающими зелеными, которые я когда-либо видел.

Пряди ее волос развеваются, отчего прилипают к маленькому носику и полным щекам. Ее зубы обнажаются от смеха. Хотел бы я, чтобы это было вынужденно или напоказ, как она делает на выставках своей матери.

Я знаю фальшивые улыбки Кимберли. Я их выучил. Они выгравированы в темном уголке моего сердца, на том, на котором написано ее имя.

Эта улыбка не одна из ее фальшивых. Она искренне счастлива, наслаждаясь тем, что выглядит как обычная персона. Только Ронан мог сделать селфи в продуктовом магазине, как какой-нибудь гребаный простолюдин.

От него приходит еще одно сообщение.

Ронан: *У меня новый вызов. Я трахну только одну девушку, а потом, может быть, мой отец выдаст ее за меня. Отец Кимми тоже большая шишка. Граф Эдрик одобрил бы это.*

Я печатаю, прежде чем осознаю, что делаю.

Ксандер: *Я собираюсь, блядь, убить тебя, Рон.*

Я удаляю, прежде чем моя импульсивная сторона заставит меня нажать «Отправить».

К черту его и то, как он меня дразнит. Это не работает и никогда не сработает.

Коул: *И она может воплотить твою фантазию о девушках в кроличьих костюмах, выпрыгивающих из торта в реальность.*

Ронан: *Черт, да, я отвел ее в тот отдел, и она не переставала улыбаться. В следующий раз я попрошу ее примерить их.*

Эйден: *Когда Рид навещала Эльзу на прошлой неделе, она надела эти кроличьих ушки.*

Дайте мне, блядь, передохнуть. Даже Эйден замешан в этом дерьме? Разве ему не должно быть все равно, как обычно?

Я заставляю экран потемнеть, чтобы не написать чего-нибудь такого, о чем, скорее всего, пожалею. Они видят, что я прочитал сообщения, но, в общем, к черту их.

К черту их всех.

— Твоя сестра не в школе, — говорю я Киру с улыбкой.

Если она думает, что может играть без чувства вины за то, что бросила брата, значит, ее ожидает другое.

Он перестает жевать, глядя на меня сквозь ресницы.

— Но она сказала, что у неё занятия. Вот почему Пол забрал меня. — его нижняя губа дрожит. — Я не люблю, когда наш водитель забирает меня. Других детей забирают их родители.

Ну черт.

Я мог бы хотеть, чтобы она страдала, но не за счет Кириана.

Кроме того, его случай так близок. Я часто ездил с Эйденем и Коулом, когда мы были детьми. Ни один из наших родителей не заботился и не приезжал за нами лично, за исключением, может, матери Коула.

— Разве я не говорил тебе звонить мне, когда некому тебя забрать?

Я режу еще один кусочек пирожного и кладу его перед ним.

Он приподнимает плечо.

— Кимми говорит, что я не должен тебя беспокоить.

— У нас братский кодекс, помнишь? В следующий раз позвони мне.

Его глаза загораются, когда он, наконец, доходит до шоколада.

— Ты действительно приедешь?

— Всегда.

— Что значит «всегда»?

— Это значит, что я буду рядом до скончания времен, когда ты будешь нуждаться во мне.

Даже если я уеду и никогда больше сюда не вернусь, Кириан всегда будет со мной. Часть, от которой я никогда не попытаюсь избавиться, как от всего остального.

Он кладёт кусок пирожного на тарелку и смотрит на него, склонив голову.

— Кимми тоже так говорила, а потом...

— Что потом?

Он качает головой, его подбородок дрожит.

— Я не должен был говорить.

Я наклоняюсь, пока его руку от моей не отделяет совсем небольшое пространство.

— Что случилось, Кир? Ты можешь мне сказать. Как гласит наш братский кодекс, ты можешь рассказать мне все, что угодно.

Он поднимает глаза, прежде чем снова сосредоточиться на пирожных на тарелке.

— Она пообещала, что это не повторится.

— Не повторится что?

Его нижняя губа вновь дрожит. Подсказка, что он вот-вот заплачет. Она тоже так делала, когда мы были детьми. Это всегда случалось до того, как она начинала плакать.

Кириан живой ребенок и не плачет, так что тот факт, что он борется с этим прямо сейчас, должен означать, что-то серьезное. Это из-за их родителей, или чего-то определённого?

— Сэр.

Наш дворецкий Ахмед, в своей элегантности, стоит в дверях. Это невысокий мужчина с оливковой кожей и светло-кариими глазами. На его лбу образовалась темная складка из-за молитвы, совершаемой пять раз в день. Даже я знаю, что лучше не беспокоить его во время молитвы. Ох, и в Курбан-Байрам — мусульманские праздники — он готовит нам лучшие шашлыки от своей семьи.

Но не эта причина, по которой он единственное терпимое присутствие в нашем штате. Это потому, что он практически вырастил меня, когда ни один из моих родителей не нашел на это времени.

— Мисс Рид здесь за своим братом, — говорит он с легким ближневосточным акцентом.

Блядь.

То есть как раз вовремя, будто она чувствовала, что он собирается выложить ей все.

Глаза Кириана расширяются, когда он запихивает остатки пирожного в рот, а затем спрыгивает со стула.

Я вытираю ему щеку, и он ухмыляется, выбегая на улицу. Но сначала он останавливается и смотрит на меня, приложив палец ко рту. Я делаю молниеносное движение, повторяя за ним.

Он находился на грани, чтобы кое-что раскрыть, и уверен, что в следующий раз, с помощью правильной взятки в виде пирожных, он расскажет мне. Не потому, что он красноречив, а потому, что случившееся расстроило его настолько, что он перестал есть свою любимую еду в мире.

— Разве я не говорила тебе не приходить сюда? — ее строгий голос доносится от входа, когда Ахмед сопровождает Кира к ней.

— Но я хочу играть с Ксаном.

— Почему ты должен играть с ним? — она берет его за руку. — Разве меня недостаточно?

— Конечно, недостаточно.

Я прислоняюсь к дверному косяку, скрещиваю руки на груди и ноги в лодыжках.

Покрасневшее лицо Кимберли становится пунцовым в свете позднего полудня. Заходящее солнце отражается в ее зеленых прядях, делая их непокорными. С начала этого года все в ней пошло не в том обычном направлении. Юбка ее формы выше колен, почти до середины бедер. Пиджак слишком тесный, и я удивлен, что она может в нем дышать.

К черту это, и ее духовное путешествие, и путешествие по снижению веса, и все эти ненормальные путешествия, которые она совершила.

Она начинает казаться такой же фальшивой, как образ, который Сильвер поддерживала в течение многих лет.

— Пойдем, Кир.

Она ведет своего брата перед собой, быстро обрывая зрительный контакт со мной.

— Иди без нее, Супермен. — я улыбаюсь ему, показывая свои самые очаровательные ямочки на щеках. — Мне нужно поговорить с твоей сестрой.

— Хорошо!

Он не останавливается, прежде чем побежать в сторону их дома, вероятно, готовый украсть еще шоколадные пирожные у Мариан.

— Мне не о чем с тобой говорить. — она начинает следовать за своим братом.

— Если ты хочешь быть достаточной для него, может, тебе стоит перестать распутничать, как дешевая маленькая шлюха.

Она с визгом останавливается и разворачивается так быстро, что я удивляюсь, как она не падает лицом вниз с такой силой.

Ее щеки краснеют, когда она смотрит на меня, раздувая ноздри. Прежняя Кимберли повернулась бы, вошла в свой дом, ударила кулаком по подушке, а затем посмотрела бы одну из корейских мыльных опер, проклиная мое имя.

На этот раз, однако, она бросается ко мне, пока ее грудь почти не задевает мои скрещенные руки, и указывает на меня пальцем.

— Кем, черт возьми, ты себя возомнил, чтобы так со мной разговаривать?

— Мы действительно идем по этой дороге?

Ее палец, который был направлен на меня, падает. Темно-зеленые глаза расширяются, пока почти не поглощают ее лицо.

Нет, она не красавица. Она чертовски отвратительна.

О. Т. В. Р. А. Т. И. Т. Е. Л. Ъ. Н. А.

Произноси это по буквам, пока не выучишь наизусть, гребаная задница.

Спасибо за совет, мозг.

— Пока ты ходила не пойми, где, Кириан находился на грани слез, потому что водитель забрал его из школы. Перестань говорить ему, чтобы он мне не звонил, или тебе не понравится моя реакция.

Ладно, Кириан не находился на грани слез из-за того, что она не забрала его, но он был на грани слез из-за нее, так что это считается.

— Он мой брат.

Она стоит на своем.

— А я говорю тебе, что ты не очень хорошо справляешься с тем, чтобы быть его сестрой, учитывая твои распутные привычки и все такое.

— Ох, да неужели? — она складывает руки на груди, подражая моей позе. — Значит, я должна оставить его с тобой, чтобы он научился твоим мужским похотям?

— Осторожно. Твоя ревность поднимает голову.

— Пошел ты в задницу.

— Это то, что ты хочешь увидеть? Как я трахаюсь с кем-то? Как я засовываю член в рот, киску или задницу другой девушки, пока ты прикусываешь язык, потому что это никогда не будешь ты?

Ее нижняя губа дрожит, но она сжимает ее и говорит спокойным голосом:

— Ты последний человек, которого я когда-либо захотела бы.

Затем поворачивается и шагает к своему дому, юбка задирается на бедрах при каждом резком движении.

Я должен развернуться и перестать смотреть на нее.

Ей лучше сдержать свое слово и никогда не хотеть меня.

Льюис Найт может быть моим злейшим врагом, но Кимберли Рид человек, которого я ненавижу больше всего на этой планете.

Глава 4

Кимберли

Я спускаюсь по лестнице, неся куртку Кира. Не могу поверить, что он почти обманом заставил меня выйти на улицу без куртки.

Этот маленький засранец и его озорство когда-нибудь убьют меня.

В нашей гостиной я помогаю ему надеть куртку и застегнуть молнию.

— Я могу сделать это сам, — ноет он.

— Ага. Например, снять ее на выходе.

Он ухмыляется, затем притворяется надутым.

— Мы опаздываем к Эльзе.

— Да, да, но это не сработает. Стой спокойно.

— Я взрослый мужчина. — он топает ногой.

— Конечно, ты взрослый, Обезьянка.

— Однажды я стану Суперменом, Кимми, и унесу тебя отсюда.

Подожди и увидишь.

— Ты сделаешь это, да?

Его глупая одержимость супергероем была бы забавной, если бы Ксандер не был тем, кто подпитывал его. Мне действительно неприятно признавать, что беззаботная личность Ксандера заставила Кира выйти из своей скорлупы и завести друзей в школе.

Если бы он пошел по моим стопам, он стал бы таким же одиночкой, как я, таким же изгоем, как я, никем, как я.

Просто стал бы мной.

И быть мной это последнее, чего бы я пожелала своему младшему брату.

Эльза первой подошла ко мне. Ронан тоже. Я дерьмово отношусь к людям.

Всякий раз, думая об этом, этот туман окутывает мою голову ядовитыми мыслями, будто никто не хотел бы дружить с таким беспорядком, как я.

Что если они подберутся достаточно близко и увидят меня такой, какая я есть на самом деле, и в итоге убегут или, что еще хуже, будут использовать это, мучая меня еще сильнее.

Даже с Эльзой я всегда боюсь, когда она узнает правду обо мне и бросит меня.

Она стала подозрительной во время моих последних визитов, и сказать, что я боюсь этого, стало бы преуменьшением века.

Однако Кир закатиет истерику, если не увидит ее и остальных «крутых парней», как он их называет, и я не сильна, когда дело доходит до этих щенячьих глаз и надутых губ.

— Давай, поторопись... — он замолкает на полуслове, его руки безвольно повисают, и я знаю, на кого он смотрит позади меня, не оборачиваясь.

— Куда вы?

В ее низком голосе слышится резкость, как у тех волосатых пауков — или, скорее, змей, резких и непреклонных.

— К Эльзе, — тихо говорит Кириан.

Я с трудом сглатываю, закончив с его курткой, и приглаживаю его волосы.

— Подожди меня у машины.

Он кивает, выглядя счастливым, что выбрался отсюда, но затем останавливается, оборачивается и обнимает меня. Его маленькие ручки крепко обхватывают мою шею, будто он не хочет меня отпускать. Я глажу его шелковистые волосы, прикусывая нижнюю губу, чтобы не разрыдаться.

Ради Кира. Ты делаешь это ради этого маленького человечка с блестящим умом и нежными маленькими ручками.

— Иди, Обезьянка. — я отталкиваю его.

Он отступает и смотрит мне за спину.

— Пока, мам.

А потом выбегает за дверь.

Я поднимаюсь на ноги и медленно поворачиваюсь лицом к женщине, которая родила двоих детей, но у которой нет ни грамма материнского инстинкта.

Она выше меня, с телом модели, которое она поддерживает десятилетиями. Ее мягкие каштановые кудри лежат на плечах. На ней элегантные брюки и кофточка, которую я бы никогда в жизни не смогла надеть.

Джанин Рид известна не только своим великолепным художественным талантом, который, по-видимому, трогает души голыми руками — об этом говорят критики журналов, а не я, — но она также красивая женщина, которой на вид под тридцать, а не чуть за сорок.

У нее высокие скулы и густые брови, которые она передала Кириану. У меня от нее ничего нет. Не ее талант, не ее красота, не ее грация и, конечно же, не ее модельная фигура. Единственное, что нас объединяет, это цвет глаз, но ее глаза больше и ярче, как сверкающее тропическое море.

Я всегда чувствовала себя не в своей тарелке всякий раз, когда мы выходили на публику, и я перестала считать, сколько раз я хотела похоронить себя, когда кто-то спрашивал, была ли я ее дочерью, а она мялась, словно не желая признаваться в том позоре, которым я являюсь.

— Мы не будем долго, — говорю я с вымученной улыбкой.

Удивлена, что она вообще вышла из своей студии. Мы редко видим ее из-за ее предстоящих выставок, а когда видим, то только для того, чтобы она могла выставить нас напоказ для прессы — или выставить Кириана, а не меня.

С этим я надеюсь, что она не выйдет из студии по крайней мере еще неделю.

И да, мама выглядит как модель, когда рисует, в то время как я напоминаю подражателя нищего в мои лучшие дни.

— Остановись. — мои ноги медленно останавливаются. — Повернись.

Ее тон подобен стали, черствый и безжалостный, как у генерала, разговаривающего со своим подчиненным, а не как мать со своей единственной дочерью.

Морщась, я смотрю на нее.

— Сколько ты вешишь?

Комок подкатывает к горлу, и я тереблю длинный рукав своего пуловера.

— Шестьдесят три.

— Шестьдесят три? — ее вопрос, хотя и прозвучал тихо, не мог быть более жестоким в моей голове. — Ты все еще на диете?

— Конечно, мама.

— Если бы ты сидела на диете, ты бы уже похудела еще на три килограмма. — она указывает на меня пальцем. — Подойти ко мне.

— Но Кир...

— Пойди. Ко. Мне.

Я превращаюсь в маленькую девочку, которая потеряла свою бабушку и весь день плакала на ее могиле, умоляя вернуться, не оставлять с этой матерью, потому что я ненавидела ее, потому что я не хотела жить с ней.

Как только я оказываюсь в пределах досягаемости, мама показывает на весы, которые она держит возле обеденного стола. Она расставила их по всему дому. Папа говорил ей избавиться от них, и он активно выбрасывает их, когда приезжает домой, но мы ничего не можем сделать, когда его нет.

— Вставай.

— Мама...

— Не заставляй меня повторяться, Кимберли.

Ее голос похож на брань учителя, язвительный и предназначенный для подчинения.

Туман окружает меня, сгущаясь и увеличиваясь, когда я встаю на весы. Сердца людей гремят, в ожидании результатов экзамена. Мое же почти выбивается из колеи, когда электронные цифры моего веса фильтруются передо мной. То, что определяет меня как личность в глазах мамы, это цифры и ничего больше.

Шестьдесят четыре килограмма.

Я почти перестаю дышать. Черт, что я сделала не так? Я ничего не ела, или, по крайней мере, ничего такого, что не могло бы спровоцировать набор веса. Это была та диетическая кола?

— Разве ты не говорила, что вешишь шестьдесят три?

— Весы сегодня утром показывали иную цифру.

Я медленно спускаюсь, будто исчезновение этих цифр спасет меня от хлесткого языка матери.

— Я ожидаю, что к концу недели ты будешь весить шестьдесят, а к концу следующей — пятьдесят семь.

— Но...

— Никаких «но», Кимберли. — она постукивает каблуками по полу. — Я была терпелива с тобой, но ты не следишь за своим весом. Ты невысокого роста, и не можешь позволить себе лишние килограммы. Я жду результатов, иначе Кир отправится в школу-интернат.

— Н-нет, мам. Ты обещала!

Как будто кто-то взял мое сердце и пронзил его острыми ножами.

Тот факт, что она может и хочет отослать Кириана, чтобы у нее было больше места для ее творчества, как только я поступлю в колледж, всегда вызывает у меня кошмары.

Я не позволю ей разрушить его детство, как она разрушила мое.

— Только если ты сдержишь свое обещание. — она поправляет волосы, поднимаясь по лестнице.

— Я сдержу. — мой голос дрожит. — Я сдержу, мама.

Она даже не оглядывается. Я перестала ожидать, что моя мама оглянется на меня, узнает меня, увидит меня.

Я знаю, что мне уже пора перестать просить ее внимания, но маленькая девочка во мне не отпускает.

Бросив последний взгляд на весы, я выхожу.

Влага застилает мои глаза, когда я ищу ключи на стойке.

Ради Кира. Все это ради Кира.

Туман не доберется до меня. Ни сегодня, ни завтра. Не раньше, чем Кир вырастет и сможет сам за себя постоять.

— Где эти дурацкие ключи? — я стону от разочарования, борясь с желанием забиться в темный угол и впустить эти нездоровые мысли.

Они сожрут меня в мгновение ока, и в следующее мгновение я окажусь в ванной и..

— Они в твоих руках, Ким.

Мягкий голос Мариан вырывает меня из мыслей.

— Ой. — я смотрю на ее доброе лицо со слабой улыбкой, затем возвращаюсь к ключам, которые действительно свисают с мизинца. — Спасибо, Мари.

— В любое время, дорогая. — она слегка улыбается. — Что хочешь на ужин?

— Брокколи и небольшую порцию макарон с сыром для Кира.

— Что насчет тебя?

— Салат — на самом деле, забудь об этом. Я захвачу что-нибудь по дороге.

Я не сделаю этого.

Это будет еще один день без ужина. Ночью мне тяжелее вызвать рвоту. Это заставляет меня нервничать из-за боли в животе и неспособности заснуть, и если я не смогу заснуть, этот туман съест меня в считанные секунды.

Попрощавшись с Мари, я выхожу на улицу, нацепив на лицо улыбку. Что бы ни случилось между мной и мамой, Кириан не может и никогда не узнает об этом. Не то чтобы он не подозревает, но я хочу защитить его так сильно, как только могу.

Моя улыбка исчезает, при виде того, как он тащит Ксандера за руку с другой стороны улицы. Появляется долбаный мальчик по соседству. Его выгоревшие волосы взъерошены. Его белая толстовка с капюшоном контрастирует с загорелой кожей, а черные джинсы низко сидят на бедрах, будто Кир застал его в постели, и у него едва хватило времени нормально надеть одежду.

Дерьмо. Я бы не удивилась, если бы все было именно так. Кириан имеет свободный доступ в особняк Найтов — вроде как я в прошлом. Ахмед открывает ему дверь, даже если дома никого нет. Льюис всегда души в нем не чает, и этот мудака, Ксандер, хорошо к нему относится.

— Полегче, Супермен.

Ксандер проводит пальцами по волосам, будто представляет их, но от этого становится только жарче.

Подождите. Нет. В Ксандере нет ничего горячего.

Моя кровь все еще кипит от того, как он назвал меня шлюхой ранее. Как он сказал, что заставит меня смотреть, как он трахает других девушек.

К черту его миллионные сексы и всех остальных девушек, которых он использует.

Ощущение покалывания пронзило мою кожу с тех пор, как он произнес эти слова. Хотя я и имела это в виду — он последний человек, которого я когда-либо хотела бы.

Возможно, когда-то я была достаточно глупа, ожидая и надеясь на его прощение, но сейчас он просто парень по соседству. Мудака, живущий напротив.

— Ты сказал, что поможешь, Ксан.

— Конечно.

Кир обхватывает обеими своими маленькими ручонками большую руку Ксана и тянет его в мою сторону.

— Кимми с мамой. Ты должен вывести ее отсюда.

Мое сердце согревается так сильно, что я чувствую, как остатки тумана испаряются, конденсируются в воду и падают.

Мой младший брат думает обо мне. Я недооценила его способность ощущать напряжение между мной и мамой.

Хотя ему не следовало обращаться за помощью к Ксандеру. Он часть проблемы, а не ее решение.

Черт, он худшая часть проблемы.

— Кимми! — Кир вскрикивает, увидев меня, и бежит в моем направлении, его маленькие ножки несут его медленнее, чем ему хочется.

Я слежу за улицей в поисках машин, хотя у нас здесь нет движения.

— Эй, Обезьянка. — я ерошу его волосы, полностью стирая Ксандера из окружения. — Ты готов ехать?

Он несколько раз кивает, затем останавливается, словно что-то вспомнил.

— Может Ксан поехать с нами?

Абсо-блядь-лютное-нет.

Я приклеиваю фальшивую улыбку и направляю ее на мудака.

— Уверена, что у него дела.

Думаю, мне это, кажется, но его челюсть дергается, прежде чем он одаривает меня своей улыбкой золотого парня, от которой у него образуются ямочки, и вот они. Ямочки на щеках.

Глубокие, чертовски привлекательные ямочки на щеках.

У него действительно не должно быть ямочек на щеках. Это должно стать исключительно для хороших парней, а не для ублюдков.

Его улыбка и ямочки пара причин, по которым девочки влюбляются в него в школе, как будто он какой-то Казанова.

На самом деле, он один из них. Я потеряла счет тому, сколько раз он исчезал с девушкой — или двумя — на одной из вечеринок Ронана, только чтобы появиться некоторое время спустя с помадой на футболке и шее, а девушка, с растрепанными волосами и размазанной помадой, улыбалась как идиотка, словно она вознеслась на небеса и теперь возвращается.

Еще раз повторяю, это не я. Это моя способность замечать все. Если бы это зависело от меня, я бы полностью вычеркнула его из своего существования. Или, может, если бы у меня была какая-то машина времени, я бы вернулась на семь лет назад и не делала того, что сделала.

Но машин времени не существует. Это то, чем мы стали, и это невозможно изменить, как бы сильно я ни хотела — или, скорее, *хочу*. Я больше не жажду его прощения.

Он никогда не согласится на это, а я просто причиню себе боль.

— У тебя дела, Ксан? — спрашивает его Кир, когда тянет меня так, что мы втроем стоим почти посередине улицы.

— Зависит от обстоятельств.

Он разговаривает с моим братом, но все его нервирующее внимание приковано ко мне.

Его светлые глаза прочерчивают темный путь в мою душу, вымощенный шипами. Когда мы были детьми, я думала, что магия причина цвета его глаз. Оказывается, это черная магия.

Раньше это было легко, когда у меня имелась привычка отводить этот карающий взгляд, притворяясь, что все скоро закончится. Этого никогда не случалось. И теперь, когда я поклялась встречаться с ним лицом к лицу, это изнуряет.

Поддерживать с ним зрительный контакт все равно что утонуть в океане его радужных оболочек. Чем пристальнее я вглядываюсь, тем ближе я нахожусь ко дну.

— Мы едем к Эльзе. — Кир сжимает руку Ксандера своей свободной.
— Поехали с нами, пожалуйста?

— Без вопросов, Супермен. — он ерошит волосы Киру.

— Ура! Слышала, Кимми? Ксан едет.

— Нет, он не едет. — я наклоняюсь, шипя Ксандеру: — С каких это пор ты проводишь с нами время?

— С тех пор, как я решил, что могу. — его дерьмовая ухмылка не исчезает. — Кроме того, я собираюсь к Эйдену.

— Езжай к нему в его чертов дом.

— Или я могу поехать к нему к Эльзе домой, так как он не отходит от нее. — он подходит ближе, и требуется все силы, чтобы не оттолкнуть его.

Тепло его тела смешивается с моим, и я вдыхаю его, мяту и свежую одежду из сушилки и.. Это намек на алкоголь?

Он все еще улыбается, но его тон язвителен, когда он бормочет.

— И избавься от этого гребаного поведения.

— Мы можем поехать в твоей машине, Ксан? — Кир подпрыгивает, не обращая внимания на напряжение, назревающее, между нами. — Мы можем?

— Нет.

— Конечно.

Мы с Ксандером говорим одновременно.

Я бросаю на него свирепый взгляд.

— У меня есть машина, давай поедem отдельно. — я тяну Кира за руку, но он отказывается сдвинуться с места.

— Я хочу поехать в машине Ксана. Она *ооочень* крутая.

— Ты, маленький неблагодарный мальчишка. — я недоверчиво смотрю на него сверху вниз. — Чья машина каждый день возит тебя в школу?

Он надувается, смотря на меня своими щенячьими глазами.

— Но сегодня мы можем поехать в машине Ксана. Пожалуйста, Кимми, пожалуйста?

Губы мудака растягиваются в ухмылке, когда он наблюдает, как я борюсь с умоляющим эффектом Кириана и с треском проигрываю.

И все же, ни за что на свете мы не поедem в этой дурацкой машине. Мне просто нужно найти способ убедить младшего брата.

Словно почувствовав мои намерения, Ксандер достает из кармана ключи и бросает их в сторону Кириана. Последний сжимает их обеими руками, уставившись на них дикими глазами.

— Вперёд.

— Серьезно?

По кивку Ксандера Кириан бежит к темно-синему Порше, ухмыляясь, как идиот. Мне не хочется положить конец этому радостному выражению лица, и я ненавижу, что этот ублюдок является причиной этого.

Может, если бы я не была таким куриным дерьмом, я бы попросила у папы спортивную машину вместо моего безопасного Мини-Купера.

— Ты придурок, ясно? — я вздыхаю одновременно разочарованно и смиренно.

Ксандер сокращает расстояние, между нами, пока его лицо не оказывается всего в нескольких сантиметрах от моего. Его мятное дыхание переплетается с моим дрожащим, а глаза темнеют до бездонного синего оттенка.

Я так ошеломлена, что требуется мгновение, чтобы осознать близость.

Он не подходил так близко с начала года, когда загнал меня в угол в саду и сказал — или, скорее, огрызнулся — перестать носить короткие юбки.

Это был первый раз, когда он приблизился после стольких лет издевательств надо мной издалека и наглого выхода из класса всякий раз, когда я входила, будто у меня заразная болезнь.

После этого он несколько раз загонял меня в угол, и все они были связаны с моим внешним видом.

Пошел он к черту. Не похоже, что он мой отец.

Как и каждый раз, когда он приближается, я не могу контролировать свое дыхание. Я знаю, что это вдох, выдох.

Вдох. Выдох.

Но иногда даже эти простые шаги это самое сложное, что можно сделать. Я продолжаю вдыхать его с каждым вдохом и выдыхать свое замешательство с каждым дрожащим выдохом.

Словно меня сейчас стошнит не едой, а сердцем. Его губы дергаются, и я почти теряю сознание, полностью прекращая борьбу за дыхание.

Он собирается поцеловать меня?

Дерьмо. Дерьмо.

— Что ты делаешь? — шиплю я, отдергивая голову.

— Я ничего не делаю, но если ты продолжишь в том же духе, я сделаю то, что тебе не понравится.

Мои губы приоткрываются, затем я быстро сжимаю их при мысли, что он может расценить это, как приглашение.

Будь проклят он и будь проклята я.

— Кимми! Ксан! — Кириан прыгает перед машиной. — Давайте же!!

Я поднимаю руку в легком взмахе, используя шанс сойти с орбиты Ксандера. Он как магнит, продолжающий притягивать меня, несмотря на мои попытки держаться, как можно дальше.

Когда я случайно оглядываюсь на Ксандера, он не пугает меня своим взглядом, как мгновением ранее. Он смотрит на мою руку, на мой взмах, а затем на секунду отвлекается.

Нет, нет, нет.

Я опускаю руку и тяну вниз рукав своего шерстяного пуловера, проходя мимо него к Киру.

Он не видел.

Он *не мог*.

Глава 5

Ксандер

Приемная сестра Эльзы, Тил, отвела Кириана вниз. Судя по его хитрой ухмылке, он, вероятно, очарует ее, чтобы взять себе еще одно пирожное.

Я должен был пойти с ним или отправиться на поиски Эйдена, но обнаруживаю себя у двери комнаты Эльзы, наблюдая через маленькую щёлку, как ненормальный.

Эй, не судите меня. У ненормальных тоже есть причины.

Эльза лежит на кровати в пижаме. Ее длинные светлые волосы собраны в конский хвост, который закрывает большую часть ее спины. Кимберли положила согнутую ногу на кровать и улыбается вместе с чем-то, что Эльза говорит о ее дурацких мыльных операх и прочем дерьме.

Она рассказывает Эльзе, как сильно скучала по ней и что школа без нее ужасна. Каждый раз, когда Эльза тянется к руке своей подруги, Кимберли тактично отводит ее, держа рядом с собой.

Я наклоняю голову набок, будто это даст мне эксклюзивный вид на всю внутреннюю информацию. Мне не терпится подойти и, блядь, разорвать рукав этого пуловера, чтобы заглянуть под него.

Какого черта ты скрываешь?

— Бери. — Эльза захватывает вилкой несколько кусочков авокадо и даёт их своей подруге. — С тех пор как папа и тетя узнали, что авокадо полезно при сердечных заболеваниях, они пичкают меня им.

— Нет, спасибо.

— Давай. Попробуй. Они замечательные.

На губах Кимберли вспыхивает улыбка, явно вымученная, когда она дрожащими пальцами сжимает вилку и засовывает кусочки фруктов в рот. То, как она заставляет себя жевать, похоже на то, будто она естдохлое насекомое.

С начала этого года, когда она вернулась в школу стройной и опустошенной, я знал, что она лишилась большей ее части, кроме ее изгибов.

Она превратилась в подобие человека, который склоняется к мнению других о том, как, по их мнению, она должна выглядеть.

Та Кимберли, которую я знал, не стала бы следовать инструкциям других о своей жизни. Она бы не посмотрела на себя в зеркало и не подумала: *«Эй, как насчет того, чтобы я стала кем-то другим?»*

Я мог бы ненавидеть ее больше, чем раньше, я мог бы наблюдать за ней через окно и размышлять о том, как испортить ей жизнь и разрушить то, чем, черт возьми, она пыталась стать.

Но сейчас, наблюдая за ней, и после того, как я и стал свидетелем раннего дерьма и услышав слова Кира, когда он находился на грани истерики от того, что она была с Джанин, у меня начинают появляться совершенно другие мысли.

Может, фальшивое поведение не ее конечная цель.

Когда мы в детстве играли в прятки, Кимберли обычно клала подушку на свою кровать и накрывалась ею. Она говорила, что это служило ей камуфляжем, чем-то, что скрывало ее истинное положение.

Неужели вся эта фальшь тоже камуфляж?

Она роняет вилку, но Эльза убеждает ее съесть еще. Кожа Кимберли бледная, поэтому выражение ее лица обычно обнажено для всеобщего обозрения. Она не смогла бы скрыть свои взволнованные эмоции, даже если бы попыталась. Ее щеки краснеют, а уши горят под волосами.

Как только Эльза возвращается к разговору, Кимберли использует этот шанс, отодвигая тарелку с фруктами, словно это заразная болезнь.

— Я чувствую себя виноватой, что оставила тебя одну, — говорит Эльза, слегка нахмутив брови. — Не могу дождаться, когда покину эту кровать и вернусь в школу.

— Я тоже. — Кимберли улыбается. — Но тебе не нужно беспокоиться обо мне. Нам с Ро весело.

Я засовываю руку в карман джинсов и сжимаю кулак.

— Ты и Ронан, да? — Эльза шутливо хлопает подругу по плечу.

— Все не так.

— Тогда на что это похоже?

— Я не знаю. Кроме тебя, он единственный, кто нашел время увидеть меня. — ее голова склоняется, а зеленые пряди скрывают выражение ее лица.

— Увидеть тебя? — спрашивает Эльза.

— Меня настоящую. — ее голова приподнимается, а на губах появляется улыбка.

Как в ее улыбке может быть столько печали? Как она могла дурачить меня все это время?

— Не знаю, как Ронан, но я всегда буду прикрывать твою спину, Ким.

Эльза по-матерински похлопывает ее по руке. Кимберли, должно быть, чувствует то же самое, так как смотрит на руку Эльзы, будто она сорвала какой-то джекпот.

— Ты видишь меня, — говорит Кимберли низким голосом.

Нет, она не видит.

Никто ее не видит. Никто, кроме меня.

— Эльза, я..

Чья-то рука обнимает меня за плечо. Я дергаюсь, готовый ударить того, кто прервал мой сеанс подслушивания.

Эйден.

Гребаная задница.

Он тянет меня в угол возле лестницы, все еще не отпуская плеча.

Я позволяю ему увести себя только по одной причине, дабы не выставить напоказ мои внеклассные занятия перед комнатой его девушки.

Его черные волосы влажные, будто он провел по ним мокрыми пальцами.

Теперь, думая об этом, когда мы пришли, Эльза была в ванной и...

Ладно, я не нуждаюсь в этом образе.

— Какого хрена ты там делал? — рывкает Эйден, как только мы оказываемся вне пределов слышимости девочек.

— Проходил мимо.

— Забавно, потому что мне, кажется, я видел, как ты стоял напротив двери, как чертов извращенец.

Я отталкиваю его.

— В этот раз Эльза не была голой.

— Ты должен благодарить за это свои счастливые звезды, — он сердито смотрит на меня. — И прекрати поднимать эту тему, пока я, блядь, не убил тебя.

Я поднимаю плечо, прислоняюсь к стене и скрещиваю ноги в лодыжках. На днях, когда мы все провели ночь в его доме, я заставил Эйдена поверить, что видел его в бассейне с Эльзой. Я не видел, так как провел большую часть ночи за пределами определенной комнаты.

Тем не менее, мне нравится использовать это против него, выводя его из себя.

Предупреждение о спойлере. Я могу быть придурком.

— Почему нет? — я поднимаю бровь. — Она первой стала моей девушкой, не забыл?

Притворной девушкой. Причина состояла в мести Эйдену за то, что он утешал Кимберли, как безумный придурок. Скажем так, наши отношения длились всего минуту, и Эйден положил конец им, ударив меня кулаком в лицо.

Это первый раз, когда он впал в ярость, и я наслаждался каждой секундой.

— Пошел ты, Найт. — он ухмыляется. — Ты не получишь привилегии, чтобы я снова надрал тебе задницу. Попробуй еще раз лет через десять.

Таков мой план.

— И прекратит драться в этих тенистых кварталах. Пройдет совсем немного времени, прежде чем Нэш узнает, и если он узнает, то тренер тоже.

— Ох, я тронут. — я кладу руку себе на грудь. — Твои слова ударили меня прямо в сердце, приятель.

Он продолжает смотреть на меня пустым выражением, как кошки смотрят на своих глупых хозяев. По крайней мере, так наша кошка смотрела на нас, когда я был ребенком.

У Эйдена безупречное бесстрастное лицо; невозможно увидеть сквозь него. Удивлен, что он сам может видеть. Его темно серые глаза бесчувственны и холодны. В то время как девушки находят его привлекательным, они обычно держатся подальше из-за его замкнутого отношения и ауры «отвали, пока я не убил тебя и твою семью».

Единственный человек, перед которым он показывает человеческую сторону, это Эльза. Даже эта его часть темна, но она также сумасшедшая, поскольку принимает психа таким, какой он есть.

— Хорошо. — я вздыхаю, когда он продолжает сверлить меня взглядом. — Я буду осторожен.

— Ты же знаешь, я ненавижу повторяться. Я сказал прекратить, а не быть осторожным. Если Нэш хоть на долю секунды сосредоточится на твоей жалкой заднице, он всех раскусит.

— Не знал, что ты так сильно любишь меня, Кинг. — я снова постукиваю себя по груди. — Мое сердце вот-вот взорвется.

— Тебе, должно быть, так одиноко. — он качает головой. — Я бы пожалел тебя, если бы знал, как.

— Иди ты, Кинг.

— Держись подальше от неприятностей. Я не являюсь и не буду единственным нападающим в команде.

Ах. Вот оно что. Вот настоящая причина, по которой он разбрасывает повсюду любовное дерьмо. Дело не в том, что он беспокоится обо мне, а в том, что не хочет застрять в качестве единственного нападающего.

Почти уверен, что он вообще ушел бы из Элиты, если бы ситуация каким-то образом развивалась в этом направлении.

Я приподнимаю бровь.

— Тогда, может, мне следует попросить Нэша разобраться в этом, а?

— Готов ли ты добавить своего отца к этой группе людей? — он стряхивает пыль с моей толстовки, будто там что-то есть. — Как продвигается кампания Льюиса?

— Замечательно, спасибо, что спросил, — говорю я с ухмылкой, хотя хочется врезать ему по лицу.

— Если ты ударишь, я ударю в ответ, Найт. — он качает головой с притворным сочувствием. — Не хотелось бы ломать этот нос, когда ты должен быть на стольких фотографий для избирательной кампании. — он отступает назад, когда я прижимаю руку к боку.

Я определенно отправлюсь на бой сегодня. К черту Эйдена и Коула, к черту тренера и отца. В общем, к черту всех.

Бои единственное, что позволяет мне выпустить пар, и мне нужно это сделать, чтобы не взорваться от сдерживаемого разочарования.

Эйден обнюхивает меня, как какая-то собака.

— Попробуй ледяную мяту в следующий раз.

— Кто ты, моя мать?

— Ты, должно быть, действительно одинок, если хочешь, чтобы я стал твоей матерью. — он насмешливо качает головой. — Я свяжусь с тобой, когда подумаю об усыновлении.

— Член.

— По крайней мере, я использую свой. Подашь иск за нарушение прав человека.

— Я что-то услышал о судебном процессе? — Ронан бросается на Эйдена сзади в братских объятиях, от которых тот пытается вырваться.

Однако Ронан похож на осьминога — кто никогда не отпускает свою жертву.

— Член Найта подаст в суд в поисках своих яиц.

Выражение лица Эйдена остается нейтральным, когда он это говорит.

Я прищуриваюсь, глядя на него, когда Ронан смеется, а затем застывает.

— Но почему они делают это? Подожди секунду, *ton ami* — друг мой. Тебе что-нибудь передала одна из девушек? Я же говорил надевать защиту.

Эйден ухмыляется.

— Ох, уверен, что он соблюдал все правила безопасности.

— Отвали, Кинг.

— Что? Что только что произошло? — Ронан переводит взгляд с меня на Эйдена. — Вы снова что-то от меня скрываете, не так ли? Клянусь, я подам иск за пренебрежение в верховный суд дружбы.

— Этого не существует, — говорю я.

— Дружбы? — Эйден оглядывается по сторонам. — Кого?

Как будто кто-то нажал на кнопки Ронана, он начинает длинный монолог о том, что его всегда оставляют в неведении и что мы провоцируем его проблемы с отказом — ту же самую речь, которую он использует, заманивая девушек и заставляя их сосать его член, чтобы «расслабить его». Девушки всегда влюбляются в то уязвимое действие, которое он так хорошо выполняет.

Из нас четверых Ронан получает больше всех кисок, но не самых лучших, потому что он как гребаный автобус. Приглашаются все желающие.

Кроме того, он прекрасно справляется с небрежными секундами, третями или даже сотыми долями.

Говорил же, он гребаный автобус.

Пока он болтает, у меня возникает искушение врезать ему по этому аристократическому носу, которым он так гордится, сломать и смотреть, как из него сочится кровь. Он тоже не смог бы защититься, потому что не знает, как бить, и никогда не участвовал в подпольных боях, как я. Эйден тоже не стал бы его спасать, потому что ему просто все равно.

Две причины останавливают меня от принятия мер. Во-первых, мы в доме отца Эльзы, и наши с Ро отцы убили бы нас обоих за, затеянное дерьмо в доме Итана Стила; он здесь как новый император.

Во-вторых, и самое главное, если я его ударю, причина этого будет ясна как день.

Что бы он ни делал, до меня это не дойдет.

Я уже сформировал вокруг себя толстую броню, и никто не сможет пробиться сквозь нее, даже намеренное противостояние Ронана и его постановочные селфи.

И я знаю, что они инсценированы, потому что, хотя Ронан и ведёт себя, как невежественный мудака, на самом деле он лис. Как думаете, почему он притворяется, что поддерживает девочек? Это его верный путь в их трусики.

И все же я ударяю его в бок сильнее, чем следует.

— Ой! — он сжимает бок в руке. — Какого хрена это было?

— Чтобы заткнуть тебя к чертовой матери. Кстати, что ты здесь делаешь?

— Я постоянно прихожу навестить Элли.

— Эльзу, — скрипит зубами Эйден.

— Элли лучше, *la ferme* — *замолчи*, Кинг. — он смотрит на меня сверху вниз. — Что ты здесь делаешь? Слышал, ты привёз мою Кимми.

Внимание Эйдена переключается на меня, как будто он ждет, что я скажу что-то похожее на его слова.

Что она Кимберли, а не Кимми.

И она не принадлежит ему и никогда не будет принадлежать. Ни сейчас, ни, блядь, никогда.

Но я этого не говорю. Я не имею права, блядь, говорить это или что-то даже отдаленно похожее. Кроме того, Ронан похож на собаку, ищущую кость, в тот момент, когда я проявлю реакцию, он вцепится в нее и загрызет меня.

Не в этой жизни, придурок. Пошел ты к черт по-французски.

— Жаль, что это не твое дело. — я ухмыляюсь.

— Вы оба можете сейчас свалить, — огрызается Эйден на лестнице. — Ваше присутствие больше не важно — не то, чтобы оно было когда-то.

Ронан заводит еще один спор о том, что это не место Эйдена, и он не может выгнать нас, затем продолжает напоминать, что он все еще может быть женихом Эльзы, если захочет, из-за соглашений двух отцов и еще чего-то.

Я смутно прислушиваюсь к ним, пока не замечаю фигуру Кимберли, удаляющуюся по коридору. Она нас не видит, а если и слышит, то не показывает этого, сосредоточившись на своей задаче.

Она не может отправиться за Киrom, так как для этого ей нужно подняться по лестнице.

Эйден угрожает сломать нос Ронану и его член, если понадобится, и, хотя я бы с удовольствием остался и посмотрел на это шоу, мои ноги уводят меня от них.

Я оставляю своих друзей позади, не сказав ни слова. Они даже не обращают на меня внимания, когда я иду по коридору туда, где исчезла Кимберли.

Единственное, что находится в конце, это гостевая ванная комната. Изнутри доносится звук льющейся воды, но там ничего не моют, так как поток воды не прерывается.

А это значит, что вода используется только для маскировки другого звука.

Я знаю, потому что Кимберли всегда, блядь, так делала, когда плакала в ванной одна после того, как ее мама игнорировала родительские собрания.

Тот факт, что она не воспользовалась ванной в комнате Эльзы, также означает, что она что-то скрывает.

Что, черт возьми, она может скрывать от своей лучшей подруги?

Я толкаю дверь ванной, и она открывается с легким скрипом. Мои ноги бесшумно ступают, когда я закрываю ее за собой и направляюсь внутрь.

То, что я вижу, заставляет меня остановиться. Кран работает, но, как я и ожидал, Кимберли рядом с ним нет.

Ее маленькая фигура находится перед унитазом, а она опорожняет в него свой желудок.

Но не это заставляет меня задуматься о: какого-хрена-ты-должно-быть-разыгрываешь-меня.

Она замолкает, тяжело дыша, засовывает указательный палец в рот, а потом ее снова рвет. Она делает это еще несколько раз, пока ее не начинает тошнить.

Раскаленная ярость охватывает меня при виде ее в таком положении.

Теперь все части головоломки встают на места.

Это из-за, съеденного авокадо. Теперь я знаю, почему она всегда исчезает после обеда, почему я никогда не вижу, чтобы она ела с Кирианом.

Она сказала, что Ронан и Эльза видят ее, но она не могла ошибаться ещё больше.

Она сама себя не видит.

Не так, как я.

Я вижу ее, когда она в беспорядке, когда она притворяется, когда она заставляет себя смеяться и просто быть.

Я вижу ее, даже когда она, блядь, отказывается видеть себя.

Я надеялся, что в тот момент, когда я исчезну отсюда и вообще перестану с ней видеться, все будет кончено, но это намного хуже, чем я изначально думал.

Ни за что на свете я не позволю ей стать невидимой для самой себя. Даже если это будет стоить мне в долгосрочной перспективе.

Ей пришлось, блядь, столкнуть меня с края, и теперь, когда я падаю, я потащу ее за собой.

Я выпрямляюсь и засовываю руку в карман. Когда я говорю, мой голос низкий и смертельно спокойный. Затишье перед смертоносной бурей.

— Какого черта ты делаешь, Кимберли?

Глава 6

Кимберли

— Какого черта ты делаешь, Кимберли?

Голос, доносящийся из-за моей спины, с таким же успехом мог быть бомбой. Иначе с чего бы мне чувствовать, что меня разрывает на куски?

Мои колени дрожат на кафельном полу, а руки безжизненно опускаются по бокам.

Нет, это *не* он.

Он не может понять меня за один день. В реальной жизни не так все работает.

Как бы я себя ни успокаивала, моя нижняя губа дрожит, и я прикусываю нежную плоть, чтобы не поддаться желанию убежать и спрятаться.

Ты справишься, Ким. Ты справишься.

Сделав глубокий вдох, я поднимаюсь на нетвердые ноги и наслаждаюсь тем, что спускаю воду в туалете. Может, если я останусь здесь надолго, он исчезнет и оставит меня в покое.

Может, все это игра моего воображения из-за нервов.

Однако покалывание в затылке говорит об обратном. Острое, как бритва, внимание медленно рассекает меня, словно разрезает изнутри.

Это все из-за тех авокадо — я должна была отказаться от предложения Эльзы, не должна была есть. Но если бы я отказалась, она начала бы подозревать, и тогда, возможно, пожалела бы, что подружилась со мной.

Я не могу потерять Эльзу. Она одна из немногих ниточек, которые удерживают меня в этом существовании.

Вытирая рот тыльной стороной ладони, я оборачиваюсь, молча молясь, чтобы все это было отвратительным кошмаром.

В тот момент, когда мой взгляд встречается с этим глубоководным, я подтверждаю, что это кошмар.

Настоящий.

Из которого я никогда не смогу вернуться.

— Что ты здесь делаешь? — я говорю тише, чем намереваюсь, но, по крайней мере, мой голос не дрожит, как у жалкой идиотки.

— Вопрос в том, что *ты* делаешь, Кимберли?

Кимберли.

Кимберли?

Я не слышала, чтобы он называл меня так... ну, никогда. Когда мы были маленькими, он называл меня Грин или Ким, когда злился. После того, как я отпала от его милости, я стала Пузо, этим глупым издевательским прозвищем.

Тот факт, что он называет меня полным именем, является новым и каким-то... интимным.

Не смей это полюбить, Ким. Не смей, черт тебя возьми.

— Никогда не видел, чтобы кого-нибудь рвало?

Я иду мимо него к крану, притворяясь, что его не существует.

Ключевое слово — *притворяюсь*. Ни за что на свете я не смогу стереть его присутствие, особенно в маленьком пространстве ванной. Моя рука касается его руки, и я на долю секунды замираю, борясь с желанием закрыть глаза и погрузиться в этот контакт.

Я как изголодавшееся животное, ждущее простого прикосновения одежды к одежде. Что, черт возьми, со мной не так?

Я мою руки, потирая их сильнее, чем нужно, пока они не краснеют, а затем делаю глоток жидкости для полоскания рта, которую всегда держу в кармане.

Возможно, я переоценила, увиденное им. В конце концов, это просто когда, кого-то рвет. Расстройство желудка, неправильное питание, плохая

погода. Множество оправданий. Черт, я даже могу обвинить в этом его существование и сказать, что он мне отвратителен.

Хотя я не так жестока, как он, и не так бессердечна.

— Почему же, видел. Конечно, я видел, как кого-то рвало. — его голос спокоен и тверд, хотя в нем слышится зловещий оттенок. — Неприятное дело.

Я выплевываю жидкость для полоскания рта и очищаю рот.

— Ага. Очень противное.

— Особенно когда ты засовываешь палец себе в горло и заставляешь себя блевать. Действительно, противное.

Я замираю на полпути к тому, чтобы положить в карман жидкость для полоскания рта. Дерьмо. Он видел.

Он не должен был увидеть. Какого черта он увидел?

Или лучший вопрос: почему я не закрыла дверь?

Ох, я знаю почему. Я спешила сбросить калории, которые получила от авокадо, и выполнить требования мамы, чтобы она не отправила Кира.

И я, возможно, была напугана с тех пор, как встретила этого самого придурка возле своего дома и была вынуждена ехать в его машине.

Я, в машине Ксандера. Может, я была слишком ошеломлена на протяжении всего пути, чтобы что-то вспомнить об этом.

— У меня просто расстройство желудка, — говорю я с уверенностью, которой не ощущаю.

Прошлым летом я была на самом дне, и папа предложил мне отправиться в духовный ретрит; он сказал, что это помогает ему, когда он нуждается в ясности. Я не хотела ехать из-за Кира, но когда он сказал, что мы можем поехать всей семьей, я согласилась. Поездка состояла из Кира, папы и меня. У мамы была работа — как всегда.

Пока мы были там, я познакомилась со многими духовными людьми из самых разных религий, и хотя их верования меня мало интересовали, их

жизненная философия да. Так сильно, что я на самом деле планирую снова посетить эту гору в Швейцарии.

Тогда один Буддист сказал, что даже если я не уверена в себе, я должна думать о своих целях и, если понадобится, подделать эту уверенность.

Я называю это: притворись, пока это не станет реальностью.

Однажды я не буду смотреть в зеркало и практиковаться в том, как говорить, ходить или улыбаться. Однажды уверенность придет ко мне естественным образом.

Этот день, черт возьми, точно не сегодня, так что все, что я могу сделать, это продолжать притворяться.

— У тебя постоянное расстройство желудка? — спрашивает он почти сочувственным тоном.

Почти, потому что он тоже притворяется.

Ксандер повторяет мою ложь и использует ее как оружие против меня в своем идиотском стиле.

— Да.

Я не осмеливаюсь посмотреть назад или в зеркало, где я найду его глаза, пытающиеся прорыть путь в мою душу.

Никто не должен искать путь туда, особенно он.

Не хочу, чтобы из всех людей он увидел беспорядок, скрытый под всем этим.

Он сломал меня, и не сможет стать свидетелем хаоса, оставшегося позади.

— Тогда, должно быть, поэтому ты всегда носишь с собой жидкость для полоскания рта.

— Да.

— Забавно, потому что я почти считаю, что ты делаешь это, скрывая свои привычки к рвоте.

Мои пальцы дрожат, но я не замираю, чтобы его слова дошли до меня. Ксандер, возможно, и не стыдит меня, но он задира. Он смеялся мне в лицо, издевался надо мной, и превратил мою жизнь в ад, как и все остальные.

Когда я решила перестать быть второстепенным персонажем в своей жизни, это также означало, что я не позволю ему проникнуть мне под кожу или увидеть меня на самом дне.

— Забавно, потому что тебя это не касается, — передразниваю я его тон.

— Думаешь, это делает тебя красивее? Худее? — он смеется, звук глухой и резкий в тишине ванной. — Ты не можешь спрятаться за слоями макияжа, как бы сильно ни старалась. Если думаешь иначе, тогда ты нуждаешься в определённых таблетках для повышения осведомленности.

Я закрываю кран сильнее, чем необходимо, пытаюсь контролировать дыхание. Его слова подобны крошечным иголкам, проникающие мне под кожу и прокалывающие вены одну за другой.

— Я сказала тебе, — рычу я сквозь зубы. — Это не твое чертовое дело.

Сильная рука обхватывает мое запястье, и я вскрикиваю, когда меня силой дергают назад, что бутылёк для полоскания рта звякает об унитаз и оседает на дно.

Мое сердце колотится так громко, что я удивляюсь, как оно не следует за бутылком и не тонет где-нибудь.

Он... прикасается ко мне.

Ксандер держит меня в своих руках. В тех же самых длинных, худых пальцах, которые всегда теряются в его волосах или обхватывают сустав, теперь на моем запястье.

О, Боже.

Кожа Ксандера на моей.

Вау. Какого черта? Это должно быть так ошеломляюще? Это всего лишь кожа к коже. Плоть к плоти. Анатомия.

Но это не просто какая-то кожа. Это *его* кожа.

Ксандера.

Прежде чем я успеваю сосредоточиться на этом факте, он задирает мой пуловер на запястье. То же самое запястье, на которое он смотрел ранее.

Запястье.

Дерьмо.

Я пытаюсь вырваться, но он прижимает меня к мраморному краю туалета, заставляя холодную поверхность впиться в меня. Он держит мою другую руку за спиной, не позволяя двигаться, пока его глаза изучают отметины на моей коже.

Я отвожу взгляд, не желая видеть, как он смотрит на меня, на ту часть меня, которую никто не должен видеть. Даже *мне* не нравится это видеть.

Порезы выгравированы у меня в голове без необходимости смотреть на них. Они грязные, но не настолько глубокие. Серьёзные, но не смертельные.

Я неудачница даже в этом. Ничто из этого не является элегантным и красивым. Это все большой гребаный беспорядок.

— Полагаю, что это тоже не мое дело. — его голос легкий, спокойный, будто он не смотрит на самую постыдную часть меня.

Как он может заставить меня ненавидеть себя, просто глядя на меня?
Почему он обладает такой силой?

Он не должен.

Он бросил меня.

Он не захотел меня прощать.

Какое он имеет право смотреть на меня такими неодобрительными глазами, словно мы все еще друзья? Словно мое благополучие имеет значение?

— Нет. — мой тон язвителен, переводя все разочарование, бурлящее во мне. — Ты сам сказал в тот день, что мы чужие и должны притворяться, что не знаем друг друга, даже если наши пути пересекутся, верно? Так что будь чужим и оставь меня, черт возьми, в покое.

Что еще более важно, перестань смотреть на меня таким взглядом.

Я так близка к таянию от его прикосновения. От его мягкого прикосновения, хотя он жестокий, порочный человек.

— Я сказал это, не так ли? — его взгляд не отрывается от моего запястья, будто он впервые видит шрам от порезов.

Или вообще шрам.

— Да, сказал, — повторяю я.

— Чужие могут снова познакомиться друг с другом.

— Хм?

— Я передумал, Кимберли.

— Ты передумал?

Его светлые глаза встречаются с моими с решимостью, которая почти сбивает с ног.

— Я делаю это своим делом. Меня это касается.

У меня отвисает челюсть. Я хочу что-то сказать, но не могу. Когда я наконец заговариваю, в моем голосе слышится страх, даже испуг.

— Ты... ты не можешь этого сделать.

— Наблюдай.

— Ты прощаешь меня?

Я проклиная надежду в своем голосе и все смешанные эмоции, которые приходят с ней. Я не должна так себя ощущать после того, как решила вычеркнуть его из своей жизни.

— Конечно, нет, — выпаливает он. — Этот грех непрощителен.

Мой подбородок сжимается, но удается заговорить без эмоций.

— Тогда отпусти меня. Моя жизнь тебя не касается.

— Я же сказал, что я делаю это своим.

— Но зачем? Черт возьми, зачем?

— Это чертово поведение. — он прищуривает правый глаз, но тот быстро приходит в норму. — Ты не можешь выбрать легкий выход только потому, что можешь. Ты не можешь исчезнуть просто потому, что тебе этого

хочется. Я разрушу все твои планы, так что тебе лучше быть готовой ко мне, Кимберли.

Он нежно, так нежно стягивает мой пуловер, скрывая шрам, не понимая, вызывает ли это у него отвращение, как у меня, или это еще одна из его жестоких игр. Это так шокирует, каким мягким и нежным он может быть. Он просто выбирает со мной другой путь — неровный край, который должен резать и причинять боль.

Тот, который люди прибегают для своих врагов.

— Прячься, пока можешь. — он один раз похлопывает меня по руке, и, хотя его кожа теплая, она кажется такой холодной. — Когда я найду тебя, я вытащу тебя, брыкающуюся и кричащую.

Глава 7

Кимберли

Моя кровь все еще кипит к следующему в школьному дню.

Я старалась не обращать на это внимания и даже провела ночь, танцуя под случайный список в Apple Music, потому что это единственное, что обычно выводит меня из паники.

Это помогает прогнать туман.

Однако я слишком взволнована и покраснела от гнева, чтобы появился туман. Он сгорел и превратился в ничто.

Мне едва удалось заснуть после, случившегося в доме Эльзы. Эта сцена продолжала прокручиваться у меня в голове по кругу, как бы сильно я ни хотела оттолкнуть ее.

Даже сейчас, сидя рядом с Эльзой, я почти чувствую, как дыхание Ксандера смешивается с моим, его угрозы скатываются с моей кожи, как обещание, предназначенное для порезов. Я ощущаю его запах на себе, переплетающийся с мятой, свежим бельем и ароматом океана, хотя со вчерашнего дня я трижды принимала душ.

Какого черта. Серьезно?

— Ким? — Эльза машет рукой перед моим лицом.

— Хм? — я говорю так же рассеянно, как и чувствую себя.

— Ты слышала хоть слово из того, что я сказала? — спрашивает она тоном, подразумевающим, что она знает, что я не слушала.

Это первый день Эльзы в школе. Я должна быть ее компаньоном, но у меня совершенно не получается.

— Прости. Я мало спала прошлой ночью.

Определенное лицо и голос не давали мне уснуть, и я могла бы подкрасться к его окну.

Когда он повёз нас с Киром домой, я села с Киром на заднее сиденье, игнорируя свирепый взгляд Ксандера, а потом он вышел и не вернулся.

По крайней мере, до тех пор, пока я не заснула, не пересмотрев «Искушение» где-то после часа ночи.

Не то чтобы я смотрела. Я говорила, я просто замечаю вещи.

Как и сейчас, его здесь еще нет, хотя урок вот-вот начнется.

Ксандер не самый умный среди всадников, но у него всегда хорошие оценки несмотря на то, что он пропускает занятия.

Должно быть, это один из тех дней, когда он спит.

Не то чтобы меня это волновало.

— Вот. — я протягиваю Эльзе свои блокноты. — Я выделила все разделы, которые ты пропустила. Если тебе понадобится что-нибудь еще, я поделюсь.

— Не знаю, что бы я делала без тебя. — Эльза с теплой улыбкой гладит меня по руке. — Ты самая лучшая.

— Нет, я.

Голос Эйдена останавливает мой маленький победный танец при словах Эльзы.

Он стоит перед ее партой и постукивает пальцем перед ней.

— Я говорил тебе, что отвезу тебя.

— А я говорила, что Ким довезет.

Эльза смотрит на него, встречая его суровый взгляд своим непреклонным.

Эйден Кинг правитель школы, и, хотя мы выросли вместе, он всегда вызывал у меня настоящий озноб, а не смешанный с хаотичными эмоциями, как с Ксандером.

В тот момент, когда он смотрит, у всех возникает желание слиться со стенами или вырыть могилу и похоронить себя в ней — включая меня.

Эльза, возможно, единственная, кто не склоняется перед его авторитетом, даже когда он был ее худшим кошмаром. Может, поэтому он

смотрит на нее так, будто она его мир, и он обрушит ад на всех остальных, только чтобы увидеть ее улыбку.

Он из тех королей, которые начинают войны за свою королеву.

Каким бы страшным ни был Эйден, мне нравится, как он смотрит на Эльзу, как его брови смягчаются под суровым лицом, как он без слов говорит ей, что принадлежит ей так же, как и она ему.

Я наблюдаю за ними с тех пор, как они начали отношения, и влюбилась в них сильнее, чем фанатка, влюбившаяся в вымышленных героев любовных романов.

Кстати, фанатка это я. У меня больше книжных парней, чем я могу сосчитать. Не судите меня.

— Хм. — он убирает прядь волос ей за ухо. — Ты заплатишь за это позже, милая.

— Покажи мне свое худшее, Эйден.

Боже. Так несправедливо смотреть на это и знать, что со мной этого никогда не случится.

Могу я где-нибудь похоронить себя, пожалуйста?

Он хватается ее за руку.

— Позволь мне показать тебе прямо сейчас.

— Урок вот-вот начнется, — шипит она.

— Ключевое слово «*вот-вот*». — он притягивает ее к себе.

Лицо Эльзы горит, когда она одними губами говорит мне «прости», в то время как Эйден тащит ее за собой в стиле пещерного человека.

Вздых.

О чем тут сожалеть, Эльза? Я болею за тебя.

Наверное, мне следует начать писать романтические фанфики и накормить этого голодного монстра внутри.

Я зарываюсь в свой блокнот, который Эйден заставил Эльзу оставить, и снова вздыхаю.

Вот тогда я его и замечаю, вернее, слышу. Его смех эхом разносится вокруг, как песня, которую невозможно выбросить из головы, сколько бы ты ее ни слышал. Ты всегда ловишь себя на том, что жаждешь этого, хочешь большего, как чертов наркоман.

Затем прекрасная песня портится другим звуком, скрипучим пронзительным смехом, разбивая мелодию песни на кровавые куски.

Вероника.

Одна из подружек Сильвер держится за руку Ксандера, пока поправляет галстук на его форме. Его волосы растрепаны, а следы губной помады покрывают воротник рубашки, будто он после сеанса.

Он заправляет прядь фальшивых светлых волос Вероники за ухо, словно они просто поправляют наряды друг друга.

Или, скорее, приводят в порядок друг друга.

Моя хватка на краю блокнота становится смертельной, и я опускаю голову. Меня тошнит, и по другой причине, чем от яблока, которое я съела на завтрак.

Подобные сцены для меня не новы. Я наблюдаю за ними снова и снова на протяжении многих лет. Я видела, как он уютно и игриво ведет себя с половиной девочек в школе, и слышала о его приключениях больше раз, чем хотела бы.

Однако, узнав, что он отправился к ней сразу после того, как сказал мне эти слова вчера, сразу после того, как отвез меня домой, мои щеки краснеют от напряжения.

Расслабься, Ким. Не высовывайся, черт возьми. Даже не думай о демонстрации реакции.

Должно быть, именно поэтому он сделал все это в первую очередь, и я не доставлю ему радости увидеть, как я рушусь.

Он шлепает Веронику по заднице, отправляя ее на ее место, пока огибает угол. Ни разу он не смотрит и не признаёт меня. Если бы я не

провела всю ночь, думая о той сцене в ванной, я бы начала верить, что это игра моего воображения.

Вероника хихикает, как танцовщица стрип-клуба, употребившая крэк, или, по крайней мере, так я представляю танцовщиц стрип-клуба.

Вместо того, чтобы сесть рядом со своей нетерпеливой подругой Саммер, ее взгляд встречается с моим.

Дерьмо. Она ловит мой пристальный взгляд.

— На что ты смотришь, жирная свинья? — рычит она, направляя в меня свои заостренные ногти.

Если бы это произошло в любое другое время, я бы склонила голову и помолилась, чтобы она остановилась. Если бы Эльза была рядом, она бы высказала ей часть своего мнения, но я не старая Ким, и Эльза не будет вечно сражаться за меня.

— Ох, это ты. Извини, я подумала, что это уличный фонарь входит в класс. — я ухмыляюсь, а затем сосредотачиваюсь на своем блокноте.

Если я продолжу разговор с Вероникой, у меня возникнет искушение сразиться с ней, а это, вероятно, самая глупая мысль, которую может выдумать мой мозг.

Это потому, что ты моришь меня голодом. Я нуждаюсь в калориях, чтобы сжигать нейроны и не быть идиотом, хорошо?

Заткнись, мозг.

— Что ты только что сказала? — Вероника ахает, как королева драмы в К-драмах.

— Если у тебя проблемы со слухом, ты, возможно, захочешь это исправить.

Она идёт в мою сторону, и мое тело напрягается, но я сижу на месте.

— Ты жирная свинья, должно быть, думаешь, что ты такая, раз Ронан защищает тебя, будто ты его маленькая овечка, но ты ничто без него. Ты просто подражательница жирной суки.

Все мое тело напрягается, но я не выпускаю эти разрушительные мысли наружу. Вместо этого я одариваю ее насмешливой улыбкой.

— Кто-то завидует.

— Что, черт возьми, ты только что сказала?

— Я же сказала тебе, Вероника. Устрани свою проблему со слухом, тогда ты, возможно, захочешь исправить свою личность, пока ты этим занимаешься.

Она поднимает руку и сильно бьет меня по лицу, заставляя пошатнуться на стуле. Жжение обжигает, когда вздохи эхом разносятся по классу. Я так потрясена, что моя рука взлетает к щеке, ощупывая разгоряченную кожу.

Я всегда была жертвой шалостей в школе, хуже всего было то, что на меня вылили ведро краски, но никто, ни один чертов человек никогда не прикасался ко мне. Насилие это последнее, с чем можно мириться в такой элитной школе, как КЭШ.

Ксандер подходит к нам, но прежде, чем он подходит ближе и встает на сторону своей Барби, я бью ее по лицу. Это не пощечина или выдергивание волос — я прямо вгоняю свой кулак ей в нос.

Я даже не останавливаюсь, чтобы подумать об этом.

Инстинкт. Должно быть, так оно и есть. Немного импульсивный, очень раскрепощающий.

Я ощущаю треск еще до того, как слышу его. От Вероники, а не от меня. Ее лицо искажается, и она кричит, когда кровь стекает по ее носу и по накрашенным фиолетовым губам, испачканным поцелуем Ксандера.

При виде ее крови я замираю на месте. Моя рука остается неподвижной, все еще сжатой в кулак, словно ее нельзя ни пошевелить, ни согнуть.

Кровь.

Красная.

Грязная.

Ох, черт. Кажется, я сейчас упаду в обморок.

Образ моей собственной крови, медленно, но, верно, нападает на меня.
Это не прекратится. Это не исчезнет.

Оно здесь. Сейчас все закончится.

Может, мама найдет меня. Может, Мари.

Пожалуйста, не позволяйте Киру увидеть меня в таком состоянии.

Не заставляйте его помнить меня призраком самой себя.

— Кимми. — голос вырывается из моего поля зрения, и я тяжело дышу, будто выхожу из волны.

Ронан хватает меня за плечи и трясет, когда моя рука держится за покрытое шрамами запястье.

Этого не произошло.

Этого ведь не произошло, верно? Я не истекаю кровью.

О, Боже. Что со мной не так?

— Ты в порядке? — Ронан снова мягко трясет меня. — Я уведу тебя отсюда.

Я ничего не говорю, пока он выводит меня. Я слабо слышу шепот, окружающий нас, их много. Они рассыпаются и превращаются в гигантский туман, который постепенно наползает, похищая мою душу.

Пронзительный голос Вероники врезается в меня сзади, как лезвие ножа. Я смотрю на нее в ответ, на кровь, стекающую по ее лицу и пропитывающую подол рубашки. Она борется с Коулом, который без усилий останавливает ее.

Ксандер стоит рядом с ними, не обращая внимания ни на нее, ни на ее истеричное состояние. Все его внимание приковано ко мне, когда Ронан обнимает меня за плечи и уводит прочь.

Пока мир сосредотачивается на Веронике и моем медленном отступлении, он концентрируется на руке, сжимающей мое покрытое шрамами запястье.

Зуд давит меня отпустить, но я не могу. Если я это сделаю, польётся кровь.

Я истеку кровью.

Ксандер смотрит на мою руку, а затем на мое лицо, будто он точно знает, о чем я думаю.

Когда я заворачиваю за угол, он шепчет без слов:

— Я вижу тебя.

Никогда в жизни я не была так напугана.

Глава 8

Кимберли

В тот момент, когда мы с мамой входим в наш дом, я останавливаюсь у входа, ожидая неизбежного.

Из-за ссоры с Вероникой директору пришлось позвонить нашим попечителям. Обычно папа заботится обо всем, что связано со школой, но так как его нет, мама была вынуждена выйти из своей любимой студии ради меня. Могу сказать, что она была раздражена, так как огрызалась на директора и родителей Вероники, говоря им обуздать свою нездоровую дочь. Видеокамеры показали, что она первой дала мне пощечину. По словам мамы, мой удар был реакцией.

Хотя, я не была в восторге от того, что она заступилась за меня. Мама никогда не бывает на моей стороне. Она на стороне прессы и ее имиджа. Если бы стало известно, что у великой Джанин Рид буйная дочь, это испортило бы ее предстоящую выставку.

Вот почему она выложились по полной в кабинете директора и даже предложила билеты на свое эксклюзивное предварительное шоу, которое стоит десятки тысяч. Форма пожертвования, сказала она.

Затем она поговорила со своим агентом по дороге домой, бросая на меня сердитый взгляд каждый раз, когда я неправильно дышала.

Теперь, когда мы совсем одни, она скажет, чтобы я не портила ее имя, что она не потратила годы, работая в своей студии, чтобы такая соплячка, как я, испортила ее первую выставку за два года. Она находилась в упадке и, наконец, вновь обрела свою музу.

Краткий факт о моей маме — она скорее убьет меня, Кира и весь мир, пока у нее есть ее драгоценная муза.

Стоя у входа, я ожидаю натиска ее слов, втайне радуясь, что Кир ночует у своего друга Генри и не станет свидетелем этой уродливой сцены.

Мама вздыхает и качает головой, заставляя идеальные пряди двигаться элегантно образом.

— Почему ты должна быть разочарована, Кимберли?

И с этими словами она отступает назад, не обращая внимания на кровавый след, который она оставила позади.

Словно она ударила меня острым ножом и уносит с собой орудие преступления, позволяя крови капать с него при каждом ее шаге.

Но эта кровь другая. Это тот тип крови, который ты никогда не сможешь ни смыть, ни сшить плоть вместе.

Мой подбородок дрожит, но я глубоко вдыхаю и медленно направляюсь в свою комнату.

— Что бы ты хотела на ужин? — спрашивает меня Мари по дороге назад.

— Ничего. — мой голос мертв, когда я прохожу мимо нее. — Абсолютно ничего.

Как только я оказываюсь в своей комнате, я запираюсь и сворачиваюсь калачиком в постели, закутываясь в одеяло, пока мое собственное дыхание почти не душит меня.

Здесь темно, почти безмятежно.

Туман не сможет проникнуть. Этого не может произойти. Если это произойдет после слов мамы, я не знаю, что делать.

Кира здесь нет, и он не сможет остановить меня.

Может, мне стоит съездить за ним? Я могу забрать его из дома Генри или, по крайней мере, увидеть его щенячьи глаза и обнять, чтобы зарядиться энергией.

Без тепла, которое он излучает, я остаюсь в холодном, пустынном пространстве, созданном мной.

Завитки тумана просачиваются под одеяло и обнимают меня. Я крепче сжимаю броню, нуждаясь в камуфляже, который она обеспечивает.

Нет, нет, нет..

Это не должно проходить под прикрытием. Это должно держаться подальше, черт возьми.

Мой шрам на запястье покалывает, и нос тоже. Возникает непреодолимое желание заплакать, но я не могу. Слезы не прольются, даже если я их выпущу. В отличие от распространенного мнения, нет никакого облегчения в слезах.

По крайней мере, не для меня.

Всякий раз, когда я плачу, туман быстрее заползает мне под кожу, и следующее, что я помню, это то, что он вторгается в мой мозг и занимает мысли. Это превращается из потребности в импульс, и без такого сильного присутствия, как Кир, который может остановить меня, я просто поддаюсь этому и отпускаю.

Полностью.

Я бы сидела в ванне и сделала бы шаг, который никогда не смогу сделать назад.

Я смаргиваю слезы и пытаюсь думать о светлых мыслях.

Так говорил мой психиатр. *Светлые мысли.*

Словно я могу заколдовать их, создать и как-то уберечь от плохих дней. Дней, когда все исчезает и все болит — дыхание, которое я беру, прикосновение одеяла к моей коже, покалывание вен под шрамом, требующее освобождения, слезы, желающие выйти и поиграть с туманом.

Все это.

Каждая чертова вещь.

— Помогите... — бормочу я тихим, затравленным голосом. — Кто-нибудь, помогите мне.

Никто меня не услышит. Я знаю, что они не услышат, потому что, хотя терапия говорит, что хорошо признать, что я нуждаюсь в помощи, она также говорит, что мне нужно просить об этом у людей.

И я никогда этого не сделаю.

Людам просто все равно. А если и не все равно, то они просто посмотрели бы на меня с такой жалостью, что захотелось бы уползти туда, где меня никто не сможет найти.

Если моей собственной матери, женщине, которая привела меня в этот мир, все равно, почему кому-то еще?

Мой телефон вибрирует, и я вздрагиваю, чуть не падая с кровати.

Я уже собираюсь отключить его и вернуться к своему маленькому ореолу, он же вечеринка жалости к себе, когда я различаю имя на идентификаторе вызывающего абонента.

Папа.

Я вздрагиваю, уставившись на мигающий в темноте телефон. Ему тоже позвонили из школы? Он не такой, как мама. Если он знает, он усадит меня и обсудит мои варианты терапии, потому что он признает, что я бы не ударила кого-то без причины, это накопление сдерживаемого разочарования и бла-бла-бла.

Я почти слышу, как психотерапевт произносит эти слова, и именно поэтому они мне не нравятся.

Папа считает, что терапия это единственное решение, но есть и простое, которое он мог бы сделать девятнадцать лет назад — он не должен был участвовать в моем создании.

Он блестящий мужчина, а мама успешная женщина. Я не должна была становиться их дочерью.

Я не отвечаю. Если я отвечу, то начну плакать, а сейчас это недопустимо. Кроме того, я не могу говорить, когда туман обвивает свои призрачные пальцы вокруг моего горла, как петля.

Если я сломаюсь по телефону, папа вернется следующим самолетом, и мне снова придется смириться с разочарованием.

Вскоре после того, как звонок заканчивается, от него приходит сообщение.

Очень длинное. Папа настолько красноречив, насколько это вообще возможно, даже со своими сообщениями.

Папа: *Привет, Ангел. Если ты занимаешься, я не хочу тебя беспокоить, но я хотел проверить и узнать, как у тебя дела. Мне жаль, что мои звонки были редкими вчера и сегодня. Я работал над важным проектом, который наскучит тебе до смерти, если я расскажу о нем. В любом случае, мне позвонили из школы, и я расстроен, произошедшем. Уверен, что у тебя имелись свои причины, и однажды ты мне о них расскажешь. Тяжело думать, что тебе причинили боль. Поцелуй Кириана за меня. Папа любит вас обоих и не может дождаться, когда вернется и увидит вас. Мы отправимся в семейный отпуск, о котором просил Кир. Будь в безопасности, Ангел.*

Капля влаги падает на экран моего телефона, когда я заканчиваю читать сообщения. Я вытираю слезу, чтобы остальные не последовали вслед.

Черт, папа. Почему ты так выражаешься?

Каждый раз, когда он называет меня своим ангелом, я почти испытываю искушение поверить в это, подумать, что я чей-то ангел, что кто-то действительно чувствует боль, когда мне больно.

Кимберли: *Я тоже люблю тебя, папа, и так по тебе скучаю.*

Я стираю текст, прежде чем нажать «Отправить». Если я это сделаю, он просто позвонит, а у меня сейчас нет ни физической, ни моральной энергии, чтобы справиться с этими эмоциями.

Поэтому вместо этого я проверяю другие сообщения.

Ронан: *Кимми!*

Ронан: *Ким-ми.*

Ронан: *Обрати на меня внимание, la merde — черт возьми.*

Ронан: *Мне больно, я буду плакать в углу.*

Я улыбаюсь. Он оставался рядом со мной, пока мама не приехала. У меня такое чувство, что именно его показания против Вероники спасли меня от отстранения. Уверена, что остальные не свидетельствовали в мою пользу.

Ким: *Ты не заплачешь.*

Ответ приходит незамедлительно.

Ронан: *Вот теперь плачу. Итак, вечеринка у меня дома?*

Обычно я соглашаюсь на это, потому что отпусkanie, выпивка и танцы отвлекают мой разум от тумана.

Хотя сегодня не тот день.

Ким: *Мне нужно заниматься.*

Больше похоже на то, чтобы забраться поглубже в свое одеяло и не спать всю ночь, пытаюсь отогнать эти раковые мысли.

Ронан: *Да ладно, не будь занудой.*

Когда я не отвечаю, он посылает еще одно сообщение.

Ронан: *Ксандер здесь, и он так пьян, что не может стоять.*

Я печатаю, прежде чем подумать.

Ким: *Почему меня это должно волновать?*

Ронан: *Не знаю. Думал, тебе будет интересно посмотреть, как я надеру ему задницу на соревнованиях по выпивке?*

Нет. Мне это неинтересно. Этот ублюдок и есть причина всего этого в первую очередь. Если бы он не пришел в класс с Вероникой, откровенно демонстрируя, как провел с ней ночь передо мной, я бы сейчас не оказалась в этом чертовом затруднительном положении.

К черту его.

Я проверяю сообщения от моей лучшей подруги.

Эльза: *Хочешь, я приеду?*

Эльза: *Я беспокоюсь о тебе, Ким.*

Эльза: *Мы можем поехать на вечеринку к Ронану, если хочешь?*

Если моя подруга террорист вечеринок предлагает отправиться на вечеринку ради меня, то она действительно беспокоится.

Если я не отвечу, она ворвется в парадную дверь, а я не могу допустить, чтобы Эльза увидела меня в таком состоянии.

Ким: Ты идешь на вечеринку? Кто ты и что сделала с моей лучшей подругой?

Эльза: Я посещаю вечеринки.

Ким: Уверена?

Эльза: Иногда.

Эльза: Так ты идешь или мне приехать?

Ни то, ни другое?

И все же я печатаю.

Ким: Давай встретимся на вечеринке!

По крайней мере, это даст мне время побыть вне своих мыслей.

Я уже собираюсь отложить телефон, когда он вибрирует от другого сообщения. Я ожидаю, что оно будет от Эльзы или Ронана, но нет.

Неизвестный номер: Что делаешь?

Кимберли: Кто ты?

Неизвестный Номер: Тебе лучше не заниматься мерзким делом, или, клянусь, я залезу в твоё окно.

Я замираю, сердцебиение учащается. Мои пальцы дрожат, когда я печатаю.

Кимберли: Ксандер?

Неизвестный Номер: Единственный и неповторимый.

О, Боже. Ох, черт. Почему он мне пишет?

Кимберли: С каких это пор у тебя есть мой номер?

Эльза никогда бы не поделилась им с ним.

Ксандер: Думаешь, что у Ронана может быть твой номер, а у меня нет?

Он украл его. Я знаю это без тени сомнения. Даже в детстве, всякий раз, когда Ксандер не мог получить то, что хотел, он притворялся, что его это не волнует, а потом прокрадывался за спинами всех и все равно брал это. Просто, доказывая, что он может.

Прежде чем я успеваю высказать ему часть своего мнения, от него приходит еще одно сообщение.

Ксандер: *Что тебе сказала Джанин?*

Я так сильно прикусываю нижнюю губу, что удивляюсь, как не льётся кровь. Я действительно сожалею, что открылась ему о своих отношениях с мамой все эти годы назад. Он не только знает мои грязные секреты, но он единственный, кто знает о том, как моя мама заставляет меня чувствовать себя такой маленькой и незначительной.

Хотела бы я сказать ему, что все изменилось, но уввы. Это не значит, что я не могу солгать об этом.

Кимберли: *Ничего.*

Ксандер: *Ты ожидаешь, что я поверю, что тиран действительно отпустил это, будто этого никогда не было? Попробуй еще раз.*

Почему он вдруг стал таким странным? Моя голова работала сверхурочно с тех пор, как Эльза ушла в ванную. Это все равно что быть на постоянном подъеме и отказываться спускаться.

Кимберли: *Ты не имеешь права так говорить о ней. Она моя мама.*

Я ненавижу себя, как только отправляю это сообщение. Почему я должна быть такой лицемеркой? Но опять же, Ксандер не рассказывает мне о моей семье, будто у него есть на это полное право.

Ксандер: *Мать, которую ты хотела бы никогда не иметь.*

Черт бы его побрал. Почему он помнит все, что я ему говорила? И если да, то почему, черт возьми, он не может вспомнить те времена, когда я практически умоляла его никогда не оставлять меня с ней наедине?

Затем он ушёл и сделал это.

Он наступил мне на сердце и раздавил его, так почему он думает, что имеет право вернуться и сказать мне, что теперь делать?

Кимберли: *Оставь меня, черт возьми, в покое.*

Ксандер: *Как насчет «нет»?*

Кимберли: *Разве у тебя нет своих дурочек, которые составили бы тебе компанию?*

Ксандер: *О-о. Кто-то ревнует.*

Дерьмо. Успокойся, Ким. Сохраняй чертово спокойствие.

Разве Ронан не сказал, что он пьян? Должно быть, это из-за алкоголя, и все, что мне нужно сделать, это игнорировать его.

Кимберли: *В твоих мечтах.*

Ксандер: *Хорошо.*

Что, черт возьми, это должно означать?

Вскоре после этого приходит еще одно сообщение.

Ксандер: *Ты не ответила на мой первоначальный вопрос. Что ты делаешь?*

Кимберли: *Отсутствие ответа это ответ. Пойми намек.*

Ксандер: *Это поведение приведет тебя к неприятностям. А теперь ответь на чертов вопрос, пока я сам не выяснил.*

Кимберли: *И как, черт возьми, ты выяснишь, гений?*

Кириана нет дома, так что даже, если Ксандер позвонит и спросит его, он ничего не получит.

Ксандер: *Я же сказал. Залезу через окно.*

Кимберли: *Из дома Ронана? Просто насколько ты пьян?*

Ксандер: *Достаточно, чтобы бежать от дома Ронана к дому. Или заставлю Эйдена отвезти меня. У меня масса вариантов.*

Кимберли: *Ты не можешь всерьёз относиться к этому?*

Ксандер: *Всерьёз, всерьёз, да. Вот и все. Мне нравится синтаксис этого.*

Проклятье.

Кимберли: *Я ничего не делаю. Теперь доволен?*

Ксандер: *Ничего, то есть ты сидишь без дела? Или ничего, например, ты прячешься под одеялом, пытаешься притвориться, что мира не существует?*

Моя кровь закипает, а ноги еще больше сжимаются.

Кимберли: *Ничего, как ничего. Когда-нибудь слышал об этом слове? Это значит пусто. А теперь оставь меня в покое.*

Ксандер: *Значит, ты можешь утонуть в своем небытии?*

Кимберли: *Да, кстати, это не твое дело.*

Ксандер: *Это то, что ты думаешь?*

Я почти стучу пальцами по клавиатуре, печатая.

Кимберли: *Да! Ты не можешь прийти сюда и притвориться, что знаешь меня. Ты не знаешь меня, ясно? Ты, блядь, никогда не знал.*

Ксандер: *Дай взглянуть, я знаю, что ты танцуешь под оптимистичную музыку в одиночку, и это единственный раз, когда ты не притворяешься. Я знаю, что ты прячешься за этой косметикой и новым гардеробом, потому что внутри ты видишь себя уродливым маленьким монстром. Но не волосы, зеленый цвет это ты. Это единственное, что в тебе настоящее, потому что ты всегда была одержима этим цветом. Ты перестала есть своё любимое фисташковое мороженое и зеленые M&M's, потому что они не подходят к общему образу, но ты все равно замечаешь и пристально смотришь, когда видишь, как их едят другие. Ты слишком сильно любишь Эльзу, поэтому ты делаешь все, чтобы казаться перед ней совершенной, и, делая это, ты медленно убиваешь часть себя, думая, что, если бы она действительно увидела, как ты причиняешь себе вред, режешь вены, глотаешь таблетки, она бы от тебя отказалась. Когда ты разговаривала с Джанин в тот день, Кириан прибежал ко мне на грани истерики и рассказал мне о той ночи. Он видел, как ты лежала в отключке после того, как проглотила какие-то таблетки, и по этой причине в последнее время он все чаще обнимает тебя и спрашивает меня, сдерживают ли взрослые свои чертовы обещания. Я знаю, что ты недостаточно долго смотришься в зеркало, если вообще смотришь, потому что ненавидишь человека в отражении, и если ты будешь смотреть достаточно долго, то уничтожишь ее, поэтому ты предпочитаешь*

прятаться за дизайнерской одеждой и слоями дорогого макияжа вместо этого. Но вот в чем дело, Кимберли, ты можешь прятаться от мира и от самой себя, блядь, но ты никогда не сможешь спрятаться от меня.

О, Боже мой.

О. Боже. Мой.

Мои руки дрожат, когда я перечитываю его слова и щипаю себя за бедро, убеждаясь, что это не какой-то мерзкий сон, свалившийся на меня из ниоткуда.

Откуда... откуда он все это знает? Как он может так много выяснить таким маниакальным, подробным способом?

Если только он тоже не следил за мной?

Но Ксандер не наблюдает за людьми. Он не останавливается, чтобы освободить для меня место. Он даже не смотрит на меня большую часть времени.

Я единственная, кто смотрит. Издалека. Как сталкер.

Ксандер: *Ну что? Насколько хорошо я справился?*

Ксандер: *Я могу продолжить, если хочешь. Я могу провести психоанализ твоих отношений с Джанин, Кэлвином, Кирианом и даже с Мариан.*

Кимберли: *Как насчет того, что с тобой?*

Ксандер: *У тебя нет никаких отношений со мной. Знай свое гребаное место.*

Я отбрасываю одеяло и вскакиваю на ноги, мои мышцы накачиваются разрушительной энергией.

Он не может сказать мне все это, а потом решить, что не хочет иметь со мной ничего общего. Он имеет ко мне самое непосредственное отношение. Черт, он знает то, в чем я отказываюсь признаться самой себе. Он не может притворяться, что ничего не произошло и что он просто не вонзил другой тип оружия в мою уже расколотую броню.

Что он не отслаивает и не видит того, чего не видел никто другой.

Меня.

Это чертовски пугает меня, быть замеченной Ксандером из всех людей.

Но в то же время это питает изголодавшуюся часть, которая ждала этого целую вечность.

Пришло время поговорить с ним обо всем этом.

Глава 9

Ксандер

Шум зарождается в затылке. Это намек на то, что я слишком много выпил и, вероятно, должен остановиться.

Что ж, к черту эту часть моего мозга.

Я выхватываю бутылку водки из рук Саммер и залпом выпиваю половину.

Ожог начинается там, где прекратилось гудение.

Ожог означает, что я смогу рухнуть и уснуть, не думая о том, чего не должно было быть. Я проснусь с масштабным похмельем, но оно того стоит.

Другими словами, я не позволю своему разуму завести меня в темные лабиринты, из которых нет выхода.

Как обычно на одной из вечеринок Ронана, все полноценно. Люди трутся друг о друга, другие, кто не планирует трахаться сегодня, говорят им, чтобы они сняли комнату. Post Malone играет на заднем плане, но его игнорируют из-за большого количества болтовни в этом месте.

Шумно.

Так шумно.

Обычно это моя игровая площадка. Шум означает, что меня не слышат. Их отвлечение означает, что они не могут меня видеть, и даже когда видят, они видят то, что им нравится видеть. Популярность, социальный статус, целевые фонды, которые могли бы стимулировать экономику страны третьего мира.

Я такой же гнилой, как и они, если не хуже. Я просто лучше это скрываю.

С помощью моей подруги водки.

Саммер болтает о сегодняшнем дерьме и о том, как ее лучшей подруге Веронике пришлось отправиться к врачу — эстету — чтобы исправить свой нос, и как она расстроена, пока она водит ногтями по моему бедру.

— Если ты расстроена, может, тебе стоит побыть с ней. — я улыбаюсь, говоря с легкой невнятностью.

Я чертовски пьян. Я знаю это, потому что хорошо держусь со спиртным и обычно не распускаю нюни. Кроме того, у меня двоится в глазах, а у Саммер не должно быть десяти пальцев на одной руке.

Тем не менее, я не говорю так, будто я напился. Вот в чем сила пьянства с тех пор, как я узнал, что такое выпивка. Я бы сказал, что виню свою мать и ее собственные проблемы с алкоголем, но, черт, кто нуждается в плаксе в их жизни?

Шаг первый к уничтожению: проблемы с мамочкой.

Саммер протестует по поводу какого-то дерьма, но я не сосредоточен на болтовне. Я встряхиваю свой телефон, будто это волшебным образом осветит его сообщением от нее.

Быть может, мне не следовало говорить это сразу, как подростку, у которого проблема с удержанием члена.

В свою защиту скажу, что обычно у меня есть напарник, Ронан, который останавливает меня, когда я пьян. Он куда-то исчез и всю ночь вел себя, как придурок, что, вероятно, означает, что он злится на меня.

В общем, пошел он к черту.

Завтра у меня будет достаточно времени пожалеть о сегодняшней ночи, так что я вполне могу продолжить шоу.

Я включаю телефон и печатаю.

Ксандер: *Ты все еще пробуешь чай из коллекции Кэлвина?*

Нет ответа.

Ксандер: *Ты все еще прячешь кисти Джанин, чтобы она выбралась из своей студии?*

Ничего. Абсолютная тишина.

Не знаю, почему я хочу доказать, что знаю ее лучше, чем кто-либо другой, что ублюдок Ронан или этот другой мудак Нокс, брат Эльзы, никогда бы не узнал ее так, как я.

Все не так должно быть, но я продолжаю свой путь саморазрушения.

Ксандер: *Ты все еще боишься фильмов ужасов, но все равно смотришь их?*

Ксандер: *Ты все еще загадываешь желания звездам?*

Ксандер: *Ты все еще хочешь спать рядом со мной по ночам?*

Я удаляю последнее сообщение, прежде чем отправить, а затем качаю головой.

К черту все это. Я спускаюсь по спирали в эту кроличью нору. Шатаюсь, я, поднимаюсь на ноги, а Саммер протестует, падая на задницу.

Ха. Я даже забыл о ней. Извини, наверное.

Я сбиваю одного человека или троих, когда иду на нетвердых ногах, все еще сжимая бутылку водки в руке.

Кажется, проходит час, прежде чем я наконец нахожу того, кого ищу. Коул сидит за покерным столом, наблюдая за игрой между членами команды Элиты. Его лицо спокойное, почти заинтересованное, но я знаю, что он чертовски зол из-за определенного человека.

Он и я одинаковы во многом. Но я намного хуже, потому что мысленно я в полной жопе, и мне нужен кто-то, кто помешал бы моим мыслям двигаться в этом направлении.

— Эй, ублюдки. — я поднимаю бутылку, демонстрируя свое пьяное состояние.

Через секунду Коул уже у моего лица, хватая меня за затылок. Он улыбается остальным, но, когда его зеленые глаза падают на мои, они становятся смертельно опасными.

Странно, что у него такой же цвет глаз, как у нее, но в его совсем нет красоты. Ее глаза могут стать причиной моего свободного падения в ад.

— У тебя чертовски уродливый цвет глаз, — говорю я.

— Как думаешь, что ты делаешь, Найт? — спрашивает он резким тоном. — У нас завтра игра, а ты в дрова.

— Ронан знал, и не остановил меня. Если я буду отстранен, то пусть он тоже, капитан. — я смеюсь, хотя хотел только улыбнуться.

Вот что происходит, когда ты пьян — ты как бы теряешь контроль над своими действиями.

— Господи. — он бьет меня по лицу, но это совсем не то, на что я надеялся.

Он делает это только для того, чтобы я протрезвел. Этого достаточно, чтобы наполнить мои мысли болью вместо того, чтобы, черт возьми, пытаться вырваться оттуда.

— Иди протрезвей.

— Да, капитан. — я ухмыляюсь.

— Бутылку. — он протягивает руку, и я передаю ему ее. — Что, черт возьми, с тобой не так в последнее время?

— Твои глаза, — невнятно произношу я.

— Мои глаза?

Клянусь, он ухмыляется в одной из двух версий, стоящих передо мной.

— Нет, не твои глаза. Цвет. Гребаный зеленый. — я хлопаю ладонями по его щекам. — Но почему зеленый? Просто почему?

— Вы собираетесь поцеловаться? — скучающий голос Эйдена отвлекает меня от моих духовных вопросов.

Мое зрение замедляется, когда я поворачиваюсь к нему. Он обнимает Эльзу за талию и прижимает к себе, словно готов похитить ее отсюда в любую секунду — что, вероятно, и произойдет. Ее сестра готка со склонностью к сарказму, Тил, стоит рядом, одетая в футболку с надписью: *Я не хочу быть здесь.*

Тогда проваливай, сестренка.

Ох, подождите. Она не уйдёт, потому что она такая же мазохистка, как и я.

Тил и Эльза краснеют, наблюдая за мной и Коулом.

Эйден достает телефон и направляет его на нас.

— Позвольте мне запечатлеть этот момент.

Вот тогда я понимаю, в каком положении мы с Коулом находимся. Я держу его за щеки, а он смотрит на меня со скучающим выражением, совпадающее с выражением Эйдена.

— В любую секунду. — говорит последний. — Если это может помочь в твоём деле в суде по правам человека, я даю тебе свое благословение.

— Мое тоже. — Коул ухмыляется. — Я возьму одного для команды.

— Идите вы оба к черту. — я отталкиваю Коула. Я должен отбелить цвет его глаз, чтобы это дерьмо больше никогда не повторилось. — Где Грин? — спрашиваю я Эльзу, которая все еще наблюдает за мной и Коулом, будто ожидает, что шоу возобновится.

Серьезно, как бы парням ни нравилось фантазировать о девушках вместе, я почти уверен, что девушки тоже фантазируют о парнях вместе. Они просто не так громко говорят об этом.

Это Шерлок во мне. А теперь он собирается заснуть.

Эйден и Коул обмениваются взглядами, улыбаясь, как два психопата.

— Грин? — повторяет Эльза. — Кто такая Грин?

Блядь. Я сказал это вслух? Я, должно быть, пьян до безумия. Мне нужно убираться отсюда к чертовой матери, пока меня не вывернуло наизнанку.

— Да, Найт. — Эйден притворяется беззаботным. — Кто такая Грин?

— Кажется, я где-то слышал это имя. — Коул постукивает себя по подбородку. — Когда мы были маленькими и..

Я бью его в плечо, обрывая на полуслове. Ублюдку скучно, и он хочет из-за этого разрушать жизни.

Ни за что на свете я не стану следующей жертвой его социопатической скукоты.

— Я знаю, где она, — шепчу я так, чтобы только он мог слышать.

— Она? — повторяет Коул полусерьезным тоном.

— Да, она. — я поднимаю бровь. — Она ушла с Ронаном.

И с этим я ухожу.

Люди одним выстрелом убивают двух зайцев, я трех.

Во-первых, я заставил Коула заткнуться. Во-вторых, я вырвался из круга его и Эйдена социопатических наклонностей. В-третьих, я направил его гнев на этого убудка, Ронана.

Клянусь, самые лучшие идеи приходят мне в голову, когда я пьян.

По дороге я краду у какого-то парня стакан с алкоголем, выпиваю, потом краду еще один.

Они даже не протестуют. Никто не пытается остановить то, во что, черт возьми, я ввязываюсь. Никто не осмеливается ударить сына священника, чтобы научить его здравому смыслу.

Пошел ты, отец.

Где-то по пути я обнаруживаю, что направляюсь в сад. Музыка стихает, когда меня окутывает холод, но вместо того, чтобы привести в чувства, холод делает меня еще более пьяным.

Ночью, звездами, гребаным миром.

Ты отстой, мир. Ты действительно, действительно отстой.

Я выбрасываю стакан и направляюсь к небольшому крытому крыльцу в задней части дома. Подростки не бродят по окрестностям, потому что а) здесь холодно, б) Ронан сдерет с них кожу заживо, и в) я уже говорил, что здесь чертовски холодно.

Поэтому я удивлен, что обнаруживаю там кого-то. Она танцует, в ушах наушники, волосы развеваются за спиной.

Не кто-то.

Она.

Та, которую я не могу заполучить.

Единственная, которую я, блядь, не могу заполучить, но все равно ловлю себя на том, что все равно брожу и наблюдаю.

Ее платье длиной до колен, но обтягивает талию, подчеркивая линии мягких изгибов.

Она, напротив, готовая к действию и к любым сценариям, которые мой разум придумывает со сверхзвуковой скоростью.

Я должен уйти, и никогда не возвращаться.

Но вместо этого я делаю шаг к ней.

Я не могу ее заполучить, но это не значит, что я не могу с ней поиграть.

Любовь невозможна, но ненависть это открытая игра.

Глава 10

Кимберли

Мои глаза закрыты, когда я позволяю музыке освободить меня от моих физических оков.

Magic — Coldplay играет в ушах, и это почти, как — магия. Тексты песен так много говорят обо мне и о человеке, которым я была. Становится немного больно слушать, быть той дурочкой, которая все еще верит в магию.

Музыка это единственное, что удерживает мою голову на плаву и каким-то образом удается держать туман в узде.

С тех пор как я пришла на вечеринку и увидела, как Саммер трется о Ксандера, у меня произошли эти маленькие вспышки небытия.

Я знаю, что пришла, чтобы противостоять ему, и я сделаю это, но сначала мне нужно успокоиться, черт возьми.

Рюмка текилы не сработала, быть с Эльзой не сработало, а Ронана, моего собственного индивидуального отвлечения, нигде нет, так что музыка моя единственная передышка.

Я позволяю ей увести меня, когда мелодия наполняет мои уши и чувства. Тело движется само по себе, когда я укрываюсь в темноте и холоде, зная, что никто не придет сюда посреди этого ветра.

Как только эта песня подойдет к концу, я вернусь и выскажу все Саммер. Если она не уйдет, я ударю ее, как ударила ее подругу — или нет. Я действительно не хочу вновь увидеть то же выражение на мамином лице.

Этого достаточно на один день.

В любом случае, я просто надавлю на Саммер и потребую, чтобы он объяснил мне свои сообщения.

Вдох и выдох. Это произойдет в месте, полном людей, и я смогу исчезнуть в мгновение ока.

Я киваю себе и вынимаю наушники, поворачиваясь, решимость бурлит в моих венах.

Мои ноги автоматически останавливаются, когда глаза встречаются с этими глубокими, как океан, глазами. Те, что наполнены магией, в которую я не могу перестать верить.

Скрестив руки и лодыжки, он прислонился к дереву прямо позади меня, будто наблюдал за всем шоу.

Подождите. Он наблюдал?

Свет, исходящий из огромного особняка, отбрасывает тени на его черты. Я сглатываю, все еще пытаюсь смириться с тем фактом, что он стоял напротив все это время.

Какого черта? С каких это пор он стал таким ненормальным?

И почему ты втайне радуешься этому?

Если он ненормальный, и мне это нравится, то что это значит для меня?

— Не останавливайся из-за меня. — он крутит пальцем. — Как ты делаешь это со своими бедрами?

Я краснею и так рада, что он не может этого увидеть из-за отсутствия освещения.

— Это похоже на танец живота. Это ты практикуешь поздно ночью?

Я вскидываю голову.

— Откуда ты знаешь?

Он не может следить за мной, потому что в его комнате всегда задернуты шторы.

— Думаю, мы установили, что я знаю о тебе много дерьма. — он отталкивается от дерева, и мое тело инстинктивно напрягается.

То, как он крадется ко мне, не что иное, как хищник. Кому-то, кому нужно причинить боль и разрушить. Кому-то, кто охотится за мной, а не за кем-то еще, только за *мной*.

И все же я говорю самым нейтральным тоном, какой только могу себе позволить.

— Почему?

— Почему? — повторяет он, приподнимая одну бровь.

— Почему ты знаешь обо мне так много дерьма?

— Это вопрос века, не так ли? Почему? — он останавливается, когда его грудь почти касается моей.

Так близко, я могу вдохнуть запах водки, сильный и непреклонный, как и все остальное в нем.

Он пьян. Нет, он в дрова. Удивлена, что он смог пройти такое небольшое расстояние от дерева до этого места или даже звучать относительно нормально.

Обычно, если бы кто-то смотрел на меня так, как сейчас смотрит Ксандер, больше пяти секунд, я была бы вынуждена убежать. Его взгляд зловещий и наполнен таким гневом, что причиняет физическую боль. Но я не могу убежать от него. Я делала это раньше, и это погубило нас навсегда.

— Почему зеленый? — он спрашивает.

— А?

— Ты слышала. Почему это, блядь, зелёное?

— Мой любимый цвет?

— Я ненавижу твой любимый цвет. Я ненавижу *тебя*, Кимберли.

Ой.

Я пытаюсь думать, что уже знаю эту часть информации, что он всегда предельно ясно выражал свои чувства, но слышать, как он произносит эти слова, равносильно вдыханию черного дыма прямо в мои задыхающиеся легкие.

Я не могу дышать, даже если бы захотела.

— Я ненавижу твои глаза и твои чертову волосы. — он сжимает прядь и гладит ее между большим и указательным пальцами, будто запоминает ее — или думает о том, чтобы сжечь.

Я никогда не могу сказать с ним наверняка.

Он тот темный колодец, заброшенный в течение многих лет. Никогда не знаешь, найдешь ли ты в нем сокровище или мстительных призраков.

— Тогда прекрати прикасаться ко мне, — выдыхаю я. — Прекрати вставать у меня на пути, прекрати вторгаться в мою жизнь и знать так много дерьма обо мне.

Больше всего мне нужно, чтобы он перестал меня видеть. Потому что, если он продолжит, и отталкивать меня и позволять другим красивым девушкам залезать в его постель, это только усугубит туман.

Почему он не может оставить меня в покое, пока мы не двинемся своими путями в конце года?

Просто почему он не может этого сделать?

— Я должен. — он с отвращением отпускает мои волосы. — Но ты продолжаешь быть этим больным пальцем, делая себя заметной все это время. Не проси моего внимания, или я задушу тебя этим.

— Я н-никогда не просила твоего внимания.

— Хочешь, чтобы я в это поверил?

— Нет. — я отталкиваюсь от него. — Уходи, Ксандер.

Я поговорю с ним, когда он протрезвеет. А еще лучше, я могла бы вообще с ним не разговаривать. В любом случае это бесполезно. Не похоже, что он ответил бы на любой из моих вопросов, как нормальный человек.

Он просто еще немного помучает меня, а потом я отомщу, и все ухудшится.

Нет, спасибо.

Он хватает меня за запястье — за то, что со шрамом, — и прижимает к себе. Мое дыхание прерывается, когда он размахивает пачкой M&M перед моим лицом. Она открыта, и все шарики зеленые.

— Почему у тебя зеленые M&M? — спрашиваю я тихим голосом.

— Я нашел их.

— Ты нашел их? Ожидаешь, что я куплюсь на это?

— Да, и хочу, чтобы ты их съела.

— Нет.

— Сделай это, или я настрою Кириана против тебя. Он уже не доверяет тебе после того, как стал свидетелем твоей попытки самоубийства.

Мои губы приоткрываются, смотря на него.

— Н-не надо.

— Тогда съешь. — он кладет M&M's мне в ладонь. — И не вызывай рвоту, или я засуну тебе в глотку еще одну пачку. Я могу делать это всю ночь.

— Но, мама...

Я обрываю себя, прежде чем высказать все. Я не могу рассказать ему о своей сделке с ней. Мое желание что-то сказать это отвратительная привычка с тех пор, как мы были детьми, когда я подбежала к нему и излила ему свое сердце, а потом уснула, обняв его.

Ксандер обычно гладил меня перед сном, но теперь он просто толкал меня в бездонную дыру.

Он мне больше не друг, он мой враг. Я не могу позволить своим глупым воспоминаниям взять верх надо мной.

— Мне, блядь, плевать на Джанин. — его взгляд становится жестким.
— *Сделай* это.

Иногда, клянусь, он ненавидит мою мать, но у него нет для этого причин, кроме того, что я ему говорила. Неужели тогда я нарисовала ее, как настоящего монстра?

— Ксандер...

— Заткнись. Я же просил тебя не произносить мое имя. — он отпускает мою руку и указывает на пачку. — Ешь.

Сохраняя столь необходимую дистанцию, между нами, я открываю пачку дрожащими пальцами. Запах арахиса и шоколада бьет прямо в нос. Учитывая, что сегодня я съела только яблоко, мой желудок урчит от желания попробовать на вкус.

Я смотрю на Ксандера с последней мольбой не заставляя меня делать это. Мне придется бегать или выполнять упражнения в течение часа, чтобы сжечь калории, и я ненавижу физические нагрузки от всего сердца.

— Поторопись, — приказывает он.

— Будь ты проклят, — проклиная я его себе под нос, бросая в рот первую M&M.

Мое сердце замирает от вкуса, сладкого с насыщенным шоколадным вкусом. Прошло так много времени, если быть точной, год с тех пор, как я в последний раз ела M&M's. Еще больше с тех пор, как я в последний раз наслаждалась ими.

Я ела их в тот день, когда потеряла его раз и навсегда, и с тех пор я не могу нормально есть M&M's или фисташковое мороженое.

Первая часть самая трудная, вторая пробная, но к третьей я высыпаю их, будто я умираю, и это лекарство от жизни. Я хочу насладиться этим еще больше, запечатлеть вкус в памяти, но я слишком долго была голодна по этой радости.

Понятия не имею, связано ли это с тем, что прошло много времени с моего последнего M&M, или с тем фактом, что я чувствую, как Ксандер наблюдает за мной, как ястреб, когда я поедаю всю пачку.

Я не осмеливаюсь поднять на него взгляд и встретиться с этими глазами, иначе я бы предложила и поделилась. Я бы остановилась и задала все вопросы, которые жгли меня изнутри.

Пачка слишком быстро пустеет, и в тот момент, когда последний шарик исчезает у меня во рту, я чувствую, что меня тошнит.

Дерьмо.

Я съела все эти калории. Мне нужно избавиться от них...

— Даже не думай об этом.

Я поднимаю голову и вижу, что Ксандер смотрит на меня сверху вниз с полуприкрытыми веками, хотя остальная часть его лица холодна как камень.

Только Ксандер не расслабился бы, будучи пьяным.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю? — я спрашиваю.

— Просто знаю. Это проклятие. — он дотрагивается большим пальцем до моей нижней губы и вытирает немного шоколада. — Ты хочешь вызвать рвоту, но не делай этого. Обуздай это. Я буду с тобой, пока желание не пройдет.

Мой подбородок дрожит, но я сжимаю губы, не желая ощущать мягкость его прикосновения или обреченную тяжесть его слов.

Я буду с тобой, пока желание не пройдет.

Как он может с такой лёгкостью говорить подобные вещи? Как он может проникнуть внутрь меня и без усилий вырвать эти чувства наружу?

Он кладет большой палец с кусочком шоколада между моими поджатыми губами.

— Заканчивай.

Я качаю головой, но это только заставляет его сильнее нажать на большой палец, пока он не соприкасается с моими зубами.

— Мы можем сделать это легким путем или тяжелым.

Или я могу просто укусить тебя.

Я уже собираюсь сделать, когда он ухмыляется, будто все это время читал мои мысли.

— Для протокола, укусить меня не легко.

Я высовываю язык и слизываю шоколад с его большого пальца. Это происходит быстро, и я заканчиваю вскоре после того, как начинаю.

Мой язык жаждет большего. Я как новичок, получающий свою первую дозу наркотиков, свой первый кайф, и нуждающийся в большем количестве этого безумия.

Ксандер не убирает палец, даже после того, как я заканчиваю. Он смотрит на меня со странной напряженностью.

Он всегда хмурится всякий раз, когда смотрит на меня, с каким-то непонятным интересом, и я всегда знала, что это из-за ненависти.

Но прямо сейчас на меня смотрит не ненависть. Это гнев, необузданный и безумный. Меня пробирает дрожь, хотя он еще не направил его на меня.

Его большой палец покидает мои губы, и я выдыхаю, думая, что все, наконец, закончилось.

— Правильные зеленые глаза, — невнятно бормочет он.

— Ч-что?

Мое дыхание прерывается, когда он обхватывает мои щеки обеими руками и касается губами моих. Один раз. Дважды.

Его губы мягкие, такие мягкие, что кажется, я сейчас умру от этого ощущения. Я никогда не думала, что губы Ксандера будут такими мягкими. Ни разу я не представляла, что наш первый поцелуй будет таким нежным, даже душераздирающим.

Первый поцелуй, если не считать поцелуев, которые были у нас в детстве.

Он издает глубокий горловой стон, овладевая моими губами, и разворачивая меня, прижимая к чему-то твердому, дереву.

Покалывание пробегает по моей спине, когда я со стоном открываю рот. Тогда Ксандер теряет всякую мягкость. Его язык находит мой, и он целует меня со свирепостью, оставляя меня беззвучной, бездыханной и бескостной.

Я обхватываю руками его затылок, позволяя им потеряться в его густых волосах, когда он крепче хватает мое лицо, целуя меня сильнее и быстрее, словно это первый и последний раз, будто он должен убежать сразу после этого.

Со стороны, должно показаться, что он высасывает мою душу изо рта, и, вероятно, именно это он и делает.

Никогда в своих самых смелых мечтах я не думала, что он поцелует меня или что он будет так страстно относиться к этому, будто я единственный поцелуй, который имеет значение в его жизни, и..

Как только он начинает, он отрывается с глубоким, болезненным рычанием.

Моя спина все еще прижата к дереву, ноги дрожат, и я не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела.

Он смотрит на меня сверху вниз, словно я его злейший враг, прежде чем проводит рукой по волосам.

— Блядь! — он пинает камень, отвернувшись от меня, будто один мой вид отталкивает его. — Блядь, блядь.

— Какого черта? — бормочу я вслух, хотя хочу сказать это про себя.

Он снова смотрит мне в лицо, его глаза сверкают затаенной яростью, и на этот раз он выглядит готовым обрушить ее на меня.

— Никогда больше, я имею в виду, *никогда* больше не искушай меня.

— Что?

— Убирайся с моих глаз. Твое лицо вызывает у меня отвращение.

Рыдание застревает у меня в горле, когда его те же самые слова, сказанные в тот день много лет назад, вновь вскрывают меня.

Он начал зашивать эти раны только для того, чтобы разорвать их.

Я ненавижу его.

Я ненавижу его.

Я так чертовски сильно *ненавижу* его.

— Немедленно! — рычит он, и не нужно повторять дважды, когда я поворачиваюсь и выбегаю из сада.

Мои губы распухли, сердце разбито, а голова кружится от воспоминаний семилетней давности.

Глава 11

Кимберли

11 лет

— Вон там? — Ксан указывает на тропинку между деревьями.

— Да, — говорю я без улыбки, хотя мне этого хочется. Сильно. — Иди и приведи ее.

— Луна! — зовет он нашу кошку, исчезая за деревьями. — Выходи!

Его голос медленно затихает, и я фыркаю, бросая в рот зеленые M&M's. Я оставлю все остальные цвета для Ксана.

Луны там нет. Она дома, спит у камина — у его, не у моего. Мама скорее убила бы меня, чем позволила бы завести какое-нибудь домашнее животное.

Но дядя Льюис разрешил Ксану завести Луну, и после этого она стала нашей кошкой.

Она не пропала, но я сказала Ксану, чтобы он пошёл ее искать, потому что он был подлецом. Поскольку он ненавидит холод, я вывела его на улицу, когда вот-вот пойдет снег.

Я сижу на камне у входа в лес и хватаю палку, затем вожу ее по земле, ожидая.

Ранее я сказала Ксандеру, как сильно я ненавижу быть маминой дочерью и что она мешает мне есть мою любимую еду.

— Не обращай на нее внимания, ты прекрасна, — сказал он, наблюдая за спящим Кирианом.

— Да? — спросила я, уставившись на него широко раскрытыми глазами.

Его щеки покраснели, прежде чем он кивнул.

— Ты самая красивая девочка, которую я знаю.

— Даже красивее, чем Сильвер?

— Красивее, чем кто-либо.

Он взял палец Кира, а мой младший брат сжал его в кулачок.

Это не могло быть правдой; он лгал мне. Все говорят, что Сильвер кукла Барби с ее золотистыми светлыми волосами и бледно-голубыми глазами. Она всегда элегантна и величественна, в то время как я просто... я.

Полненькая и неизящная. И у меня есть некоторые недостатки, которые никуда не денутся.

— Ты лжешь. — я дуюсь.

— Зачем мне лгать тебе, Грин?

Мое лицо вспыхнуло, и я закрутила прядь волос.

— Ты не думаешь, что я толстая?

— Нет. — его небесно-океанские глаза встречаются с моими. — Ты просто любишь поесть, а мне нравится, когда ты ешь.

Я ударяю его по плечу своим.

— Ты можешь пойти со мной в продуктовый магазин?

— Позже. Я встречаюсь с Эйденем и Коулом на футбольном матче.

— Но вы встречались на прошлой неделе.

— Мы встречаемся каждую неделю, Грин.

— Но почему? Кто составит мне компанию?

— У тебя есть Кир.

— Он ребенок, и не думаю, что он понимает, когда я говорю.

— Мне нужно идти.

— Ты не можешь.

— Конечно, я могу. — он выдернул руку из кулака Кириана. — Ты не имеешь права указывать мне, что делать, Грин.

Я нахмурилась. В последнее время он говорил все эти вещи, от которых мне захотелось ударить его.

С того дня, как миссис Найт ушла и больше не вернулась, мы с Ксаном стали лучшими друзьями.

Мы все делали вместе и делили всю нашу жизнь друг с другом.

Потом он решил, что Эйден и Коул важнее меня.

— Ты можешь встретиться с Сильвер, — сказал он, пристально наблюдая за мной. — С кем я вижу, это не твое дело.

Он вытолкнул меня из комнаты Кириана, чтобы мы его не разбудили.

Выйдя на улицу, он скрестил руки на груди.

— Из-за чего ты так злишься?

— Ты не знаешь? — я обхватила себя руками.

— Нет.

Глупый дурак.

Я хотела провести с ним время, но он предпочёл играть со своими глупыми друзьями. В таком случае он мог бы пойти к ним и оставить меня в покое.

Я ворвалась в свою комнату и захлопнула дверь. Легла на кровать, кипя от злости, и набросилась на пакет чипсов, который спрятала под одеялом после того, как мама пришла проверить комнату.

Мгновение спустя раздался стук в дверь.

— Открой, Грин.

Его голос был ровным, даже умоляющим, и это почти заставило меня захотеть впустить его.

Я, конечно же, этого не сделала.

Не раньше, чем он поймет, что сделал не так.

— Ты ведешь себя, как ребенок, — сказал он.

— Тогда отстань от меня.

— Я не хочу, чтобы ты злилась.

Тогда не ходи к своим глупым друзьям.

Всякий раз, когда я была одна, мой дом казался таким пустым, как в фильме ужасов, который я смотрела с Сильвер в прошлый раз. Призраки вышли и попытались высосать жизнь из любого человека, находящегося там.

Ксан единственный, кто держал этих призраков подальше, когда папы не было рядом. Я не хотела оставаться наедине с мамой. Она всегда смотрела на меня так, словно жалела, что родила меня.

Быть с ней было худшим, самым настоящим кошмаром, который у меня когда-либо был.

— Я выбрал для тебя зеленые M&M.

У меня потекли слюнки, но я не ответила.

— Я оставлю пачку перед дверью. Вернусь позже, Грин. Мы вместе посмотрим фильм, хорошо?

Не уходи.

Слова сорвались с кончика языка, но я прикусила полный рот чипсов, чтобы они не вырвались.

Вскочив, я наблюдала за ним из окна, как он направлялся к дому Эйдена дальше по улице.

Он действительно ушел.

Ксан вернулся через некоторое время и спросил, простила ли я его. Я сказала «да», если он найдет Луну для меня.

Что подводит нас к настоящему моменту.

Прогулка на улице по холоду его наказание за то, что он оставил меня ранее. Как только он проведет там несколько минут, я его прощу.

Сильвер сказала, что она ходила сюда со своим отцом и что было так холодно, что она ощущала холод и даже призраков.

Я ухмыляюсь.

Призраки это хорошо.

Ксан будет напуган и...

О, нет.

Призраки.

С тех пор как Ксан исчез с Эйдемом и Коулом три года назад, он не любит, когда его оставляют одного в неизвестных местах.

Я слышала, как дядя Льюис тогда разговаривал с папой, и сказал, что их похитили злые люди. Ксану потребовалось два дня, чтобы пройти по незнакомому лесу, прежде чем он смог вернуться домой.

Он пробрался в наш дом через служебный вход, проник в мою комнату и спал со мной в течение месяца после этого.

Хотя он не любил много говорить о том времени с другими, он сказал мне, как сильно ему было страшно оставаться там одному.

Что он звал на помощь свою маму, хотя знал, что она больше не придет за ним.

Тогда я плакала за него. Я просто обняла его и заплакала.

Его боль — моя боль.

Я переживаю это хуже, чем он, потому что, пока он просто рассказывал эту историю, я ощущала каждый холодок на его коже и каждую слезу, которую он пролил, когда звал свою мать в неизвестном темном месте.

Я могла бы также пинать и кричать в своей голове на людей, которые привели его в это место.

Вот как сильно я с ним связана.

Почему я решила, что это хорошая идея привести его на холод и подвергнуть его ситуации, подобной той, что произошла ранее?

Вскочив на ноги, я иду по тропинке, по которой он ушёл. Ветки хрустят подо мной, и я вздрагиваю, будто кто-то схватил меня за плечо.

— Ксан, — зову я, держась тропинки.

Чем больше я захожу по лесу, тем холоднее становится, как и говорила Сильвер. Или, может, мне это кажется.

— Ксан, выходи! Луна дома.

Мой голос срывается, и я сглатываю.

От него нет ни следа, как бы глубоко я ни уходила.

— Ксан!!

Слезы заливают щеки, а грудь сжимается так сильно, что боюсь, как бы она не лопнула.

— Мне так жаль! Я больше не буду этого делать. Пожалуйста!

Сейчас я бегу, мои ноги двигаются сами по себе, преодолевая тропинку, которую знаю, и даже выбегаю на дорогу, по которой никогда раньше не ходила.

Его след простыл.

Я останавливаюсь посреди леса, слезы текут по щекам и скатываются в рот. Мои нетвердые ноги едва несут меня, когда я смотрю на свое окружение, пустое и безлюдное, и без него.

— Ксааан!

Что я наделала?

После, кажется, получаса бесплодных поисков я возвращаюсь домой. Не знаю, как мне это удастся, но я справляюсь.

Дядя Льюис паркуется у своей подъездной дорожки, как только я добираюсь до нашей улицы. Мама ушла на встречу со своим агентом, так что ей потребуется много времени, чтобы вернуться.

Не то чтобы ее это волнует.

— Дядя! Дядя! — я подбегаю к нему, и он встречает меня на полпути, нахмутив брови. — Ксан там, и он не вернулся. Он... он...

Я дышу так тяжело, что пропускаю слова и не могу составить связное предложение.

Дядя Льюис обнимает меня за плечи своими успокаивающими руками и наблюдает за мной со спокойным, мягким выражением лица.

— Сделай глубокий вдох, Ким, и говори медленно. Давай попробуем, вдох, выдох. Вдох... Выдох.

Я следую его инструкциям, вдыхая и выдыхая так медленно, как только могу.

Когда я могу говорить, я выпаливаю:

— Ксан исчез в лесу, дядя. Я не могу его найти.

— Как исчез?

— Он искал Луну, — всхлипываю я. — Но она уже дома.

— Хорошо, уверен, что он не ушел далеко. Дыши, Ким.

Я отчаянно киваю.

— Пожалуйста, найди его.

Я буду делать его домашнюю работу в течение года. Я отдам ему все свои М&М и даже приберусь в его комнате.

Как только он вернется, я сделаю для него все, что угодно.

— Ангел?

У меня перехватывает дыхание от папиного голоса. Он переходит улицу, когда его водитель закрывает дверь.

Если папа уже дома, значит, уже поздно.

Дядя Льюис выпрямляется, когда папа подходит к нам. Мой папа высокий, со светлыми волосами песочного цвета и насыщенными карими глазами, и он похож на модели из журналов Сильвер. Он одет в свой идеальный костюм, который Мариан тратит много времени на совершенствование.

— Папочка! — я обнимаю его за талию, пачкая его костюм своими слезами. — Пожалуйста, найди Ксана.

— Что случилось с Ксаном? — он переводит взгляд с меня на дядю Льюиса.

Они обмениваются взглядом, которого я не понимаю, когда я повторяю тарабарщину, сказанную ранее.

— Это моя вина, — плачу я. — Мне так жаль.

— Не говори так, Ангел. — папа гладит меня по волосам за ухом и целует в лоб. — Давай найдем его, и уверен, что он простит тебя.

— Да, — вторит дядя Льюис с улыбкой.

Мы втроем возвращаемся в лес и вместе ищем. Мы идем туда, где были мы с Ксаном, и пытаемся понять, в каком направлении он мог уйти.

Всю дорогу я плачу, когда папа и дядя Льюис говорят мне, что все в порядке и что мы его найдем.

Мы его не находим.

Поздний вечер сменяется сумерками, и довольно скоро начинает опускаться ночь.

Я не перестаю плакать. Каждый раз, когда слезы начинают высыхать, я думаю о том, в каком страхе, должно быть, пребывает Ксандер, и тогда на меня накатывает новая волна.

Что я наделала? Что я наделала?

— Я отведу Ким домой, — говорит папа дяде Льюису.

— Что? Нет! — я кричу. — Я не уйду, пока не найду Ксана.

— Может, он ушёл к себе домой.

— Ахмед позвонил бы дяде Льюису, если бы знал, — настаиваю я.

Папа прижимает меня к себе и обращается к дяде Льюису:

— Позвони в полицию. Это может быть другой случай, как прошлый.

— Сомневаюсь в этом. Тогда мишенью был не он, а Эйден, — вздыхает дядя Льюис, его взгляд блуждает по мне. — Но да, отведи Ким домой.

Становится холодно.

Я борюсь с папой, когда он пытается увести меня.

— Нет, папочка. Я должна найти его.

— Ты не можешь, Ангел. — папина челюсть сжимается, и не знаю, почему это заставляет меня заплакать сильнее.

Я вырываюсь из его хватки, прежде чем он снова может поймать меня.

— Ким! — зовет он, и его шаги раздаются позади меня.

Понятия не имею, куда бегу, но не останавливаюсь.

Я спотыкаюсь и скатываюсь с небольшого холма. Мое колено горит и щиплет, но я встаю и продолжаю бежать.

— Ксаан! — я кричу во всю глотку.

Я плачу, бегу и задыхаюсь.

Это почти как в тот раз, когда бабушка ушла от меня, и я знала, что больше никогда ее не увижу.

Только теперь все еще хуже, потому что я причина его исчезновения.

Я причина того, что он потерялся где-то в неизвестности, пока ему холодно и одиноко.

— Ксан!

Что-то врезается мне в лодыжку, но я продолжаю бежать и звать его по имени.

Вот что он чувствовал, когда его мама села в ту машину и уехала? Когда она ни разу не оглянулась, уезжая от него?

Рыдание вырывается из моего горла, когда я стою в лесу, моя грудь вздымается так сильно, как будто сердцебиение остановится в любую секунду.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь остановиться и позволить папе поймать меня и увести домой, я замечаю фигуру у обрыва.

Джинсовая куртка и золотистые волосы, высокая фигура и худощавое телосложение.

Это он.

Сначала мне кажется, что он смотрит вниз со скалы. Но вместо этого он смотрит на меня, засунув руку в карман, и выражение его лица пустое, даже затравленное.

Его голубые глаза самые пустые, какие я видела с того дня, как он потерял маму. Он холодный и такой пустой, что это пугает.

— Ксан!

Я бросаюсь к нему, дважды спотыкаясь, но удается не упасть на задницу.

Я обнимаю его за шею и так крепко, что кажется, я могу его задушить.

— Мне так жаль, Ксан. Я не хотела этого делать. Прости меня.

Он кладет руку мне на грудь и отталкивает. Это так сердито и сильно, что я отшатываюсь вместе с движением.

Я это заслужила. Я втянула его в это.

Я также заслуживаю смертоносного взгляда, которым он меня одаривает. Может, мне придется делать его домашнюю работу в течение двух лет?

— Держись от меня подальше.

Его голос хриплый, самый резкий, какой я когда-либо слышала от него.

Ладно, я буду делать домашнее задание в течение трех лет.

— Мне так жаль, Ксандер.

— Не произноси больше моего имени. — он пристально смотрит на меня. — Никогда больше не разговаривай со мной.

— Ксан... — мой голос срывается, и я медленно подхожу к нему. Мое сердце бьется в груди, и я шмыгаю носом, осторожно протягивая руку и хватаясь за подол его куртки. — Не заставляй меня. Мне очень жаль, хорошо? Я сделаю все, что угодно, пока ты меня не простишь.

— Не прикасайся ко мне. Ты отвратительна.

Он толкает меня так сильно, что я падаю попой на твердую землю.

Это не больно.

Или больно, но ничто по сравнению с болью от его слов.

Или что я чувствую, когда он отворачивается и уходит, не взглянув на меня, не протянув мне руку.

Он бросил меня.

И никогда не оглядывался назад.

В тот день я в последний раз называла Ксандера своим другом.

Неделю спустя Луну сбила машина, и она умерла.

Семь лет спустя их потеря все еще бьется у меня под кожей, громко, сильно и невыносимо.

Глава 12

Кимберли

Вам знакомо это чувство, когда всё и все кажется неправильным?

Вы просыпаетесь и сразу же жалеете об этом, или, что еще хуже, вы хотите переделать всю свою жизнь.

Это то, за чем люди ходят к психотерапевтам, и то, из-за чего такие люди, как я, не спят всю ночь, надеясь вопреки всему, что мы не проснемся.

Только для того, чтобы потом испытывать отвращение к себе.

Вот так начался сегодняшний день, болезненный и ужасный.

Попробуй быть человеком, Ким.

Не сегодня, мозг. Оставь меня в покое.

Как и любой подросток с проблемами во множественном числе, я прячусь от них, ускользая в сад. Странно, как я понимаю, что у меня есть проблемы, но не хочу называть их — проблемами.

Назову — табу. Давать им название означает, что я должна сама залезть в кроличью нору, и мне это вроде как не нравится. Я имею в виду себя.

Сегодня это уже слишком. Слишком грубо и слишком реально, и с меня хватит всего и всех.

Я храню это внутри так же, как это сделал бы любой хороший, типичный подросток с проблемами.

Маме повезло, что у нее такая дочь, как я. Я не вымещаю это на людях или наркотиках. На вечеринках или парнях. У меня другие методы очищения, которые она одобряет.

Например, уморить себя голодом.

Я тыкаю вилкой в дно контейнера с едой, но не откусываю ни кусочка от салата. Я не в настроении блевать; это повредит мой желудок.

Нет, спасибо.

Если Эльза узнает, что я бросила ее и Тил, она расстроится, но я не хочу, чтобы она видела припухлость у меня под глазами или пустоту в них.

Независимо от того, сколько косметики я наложила, я все еще чувствую слезы со вчерашнего вечера.

Я заснула в слезах после того, как Ксандер так резко меня оттолкнул. Я все еще чувствую лезвие, слышу хруст кости и чувствую, как он выворачивает ее изнутри.

Он даже не нуждается в новом оружии. Он просто использовал тот ржавый нож, который оставил в моем сердце в тот день семь лет назад.

Мои губы все еще покалывает от того, как он поцеловал меня, как схватил меня и обнял, будто мы никогда не расстанемся ни в одной реинкарнации.

Затем он толкнул меня. Поднял меня на воздух только для того, чтобы снова уронить.

Я вонзаю вилку в кусочек помидора.

Ненавижу его.

Я так чертовски сильно его ненавижу.

— Что с тобой сделала эта еда, Кимми?

Моя война с салатом на секунду прекращается, когда Ронан скользит ко мне, широко улыбаясь.

— Вот ты где.

— Как ты меня нашел?

— У меня особые навыки, *chéri* — *дорогая*. — он крадет кусочек салата, жуёт его, затем выбрасывает. — Как ты ешь это дерьмо?

Все очень просто. Я не ем.

— Где ты была вчера, Кимми? Как ты можешь прийти на мою вечеринку и не дожидаться меня? Подожди секунду... — он оглядывает меня с ног до головы, будто может прочитать слова на моей одежде. — Что-то было?

Немного поцелуев, немного M&M's. Выбирай сам.

— Я не ты, Ро, — говорю я вместо этого.

— Конечно, нет. Если бы ты была мной, ты бы веселилась, а не пряталась от какого-то ублюдка с отвратительными ямочками на щеках.

Мои глаза расширяются. Он знает. Откуда он знает? Неужели я недооцениваю, как сильно Ронан замешан под непринужденным фасадом?

Он машет рукой перед моим лицом.

— Почему ты выглядишь так, словно у тебя на коленях только что сдохла крыса?

— Фу, гадость. — я ударяю его по плечу своим.

— Не более отвратительно, чем это, — он указывает на мою тарелку.

— Пошли со мной, и я отведу тебя в лучшую кухню, и она подходит для диеты в стиле моей матери.

— Конечно. — я улыбаюсь.

Он щелкает пальцами.

— Ты только что согласилась.

Я киваю, удивляясь, почему он кажется таким удивленным.

— Это официально. Мы идем на свидание.

— С-свидание?

— Как думаешь, почему я пригласил тебя на свидание?

Секунду я пристально смотрю на него. Ронан всегда шутил о тройничке из меня, него и Эльзы, но это все шутки.

Почему он вдруг стал таким серьезным?

— Н-но почему? — я спрашиваю. — У тебя есть все девочки, а потом еще несколько.

— Знаешь, вопреки распространенному мнению, я джентльмен — если только в этом не замешаны клоуны, тогда я не джентльмен. Страшно ненормальный. В любом случае, я делаю это для тебя, Кимми.

— Для меня?

— Прекрасно, для нас. — он вздыхает, качая головой. — Ты получишь вознаграждение.

— Вознаграждение?

Я знаю, что начинаю выглядеть идиоткой со всеми этими вопросами, но сейчас я серьезно чувствую себя не в своей тарелке.

— Найт причинил тебе вчера боль.

— Ты видел?

— Я почувствовал. — он поднимает палец. — *Premièrement* — *Во-первых* всего, Найта прогулял сегодня, ради боя и кровоточащих костяшек пальцев, и, вероятно, появится только на игре. — он добавляет еще один палец. — *Deuxièment* — *Во-вторых*, ты плакала и убежала от него, а это значит, что он перешел черту. *Finalemment* — *В-третьих*, я старомоден. Мне не нравится, когда дамы плачут.

Мои губы приоткрываются, смакуя каждое его слово.

— Ну что? Думаешь, если я пойду с тобой на свидание, это причинит ему боль?

— Именно.

Я смеюсь, и этот звук такой горький, что мне больно.

— Я ему противна, Ро. Он больше не может даже смотреть на меня.

В конце мой голос срывается, и я останавливаюсь, чтобы не пролить слезы. Простой ночью я плакала столько, что хватило бы на всю жизнь. Я больше не буду плакать.

Но это не значит, что мне менее больно.

Тот факт, что Ксандер единственный, кто видит меня, но испытывает отвращение к тому, что он видит, это совсем другой тип боли.

Самый уродливый.

От которого терапевты не могут найти лекарство.

Хотела бы я, чтобы папа был здесь, чтобы я могла его обнять. С тех пор как я была маленькой, он всегда заставлял меня чувствовать себя в безопасности и защищенной простым объятием.

И как он называл меня своим Ангелом.

— Он не смотрит на тебя так, будто ты ему противна, Кимми.

— Он не смотрит на меня. Точка.

— Ты слепая? Ты единственная, на кого он смотрит, когда думает, что никто не наблюдает. Он так хорошо это отточил, что даже ты его не замечаешь.

— П-правда?

Он кладет руку себе на грудь.

— Клянусь своей честью. Подожди, у меня ее нет. Клянусь своим священным запасом травки.

Я смеюсь, отодвигая контейнер с салатом. Я все равно не собираюсь есть, так что, пожалуй, хватит притворяться.

— Вот. — он ухмыляется. — Я знал, что ты улыбнешься.

— Ты такой идиот.

— Идиот с большим членом, Кимми. Это имеет значение.

— Да, верно.

— Я серьезно. — он поворачивается так, чтобы быть полностью лицом ко мне. — Например, я мог бы заниматься сексом втроем с тобой и Элли всю ночь напролет. Что подводит нас к моей части сделки. Вам обоим нужно надеть костюмы крольчих. Нэш сказал, что ты определенно можешь надеть это, когда напьешься, а он знает свое дело. Я принесу тебе столько текилы, сколько ты захочешь. Проблема в Элли; нам нужно как-то ее убедить. У нее есть какие-нибудь темные фантазии, которые мы могли бы исследовать?

Я смеюсь над тем, как он говорит. Я никогда в жизни не видела, чтобы Ро так серьезно относился к такой гипотетической ситуации. Но не хочется портить ему удовольствие, поэтому я соглашаюсь.

— Боюсь, что темная фантазия Эльзы это Эйден.

— *Putain — Черт.* — он потирает челюсть. — Я все еще могу подсыпать что-нибудь ему в напиток, и удержать его тело, но не разум.

Подумай о эпическом выражении его лица, когда он проснется и обнаружит Элли с нами.

Его глаза сверкают редким типом садистского озорства. Ронан, возможно, самый игривый и покладистый из всадников, но я начинаю думать, что у него тоже имеются свои тайные наклонности.

Те, кто скрывает свое истинное «я» в юморе, самые хитрые.

— Он бы убил тебя, а я не хочу твоей смерти, Ро.

Он обнимает меня за плечи и похлопывает себя по груди.

— Ты первая, кто когда-либо говорила мне это.

— Да?

— Выходи за меня замуж, Кимми. И прежде, чем ты что-нибудь скажешь, у меня аристократический титул и состояние, которое поддержит наше четвертое поколение. Обещаю удовлетворяющий секс и секс втроем.

Много секса втроем.

Я смеюсь, и звук становится спокойнее по сравнению с моим прежним состоянием ума.

— Может, тебе стоит начать искать кого-то другого, кроме Эльзы. На всякий случай.

— Ты имеешь в виду вместо того, чтобы подсыпать в напиток Кингу?

— И тот факт, что он хладнокровно убьет тебя.

Он надувает губы.

— Но у меня на уме не кто иной, как вы двое.

Мой взгляд устремляется вперед, и я замечаю Тил, идущую со стороны школы в сад.

Увидев нас, она разворачивается, как робот, и марширует обратно внутрь.

— Как насчет...

— Не она.

Ронан обрывает меня, все его внимание приковано к Тил, когда она делает жесткие, почти решительные шаги в сторону школы.

— Почему нет? Тил крутая.

— Нет.

Это первый раз, когда я слышу, как Ронан говорит что-то отдаленно плохое о ком-либо. Он даже не называет Сильвер и ее подружек сучками, даже когда они ведут себя так.

— Что Тил сделала тебе?

— Ничего. — он улыбается мне. — *Пока*. Но у нее психотические наклонности, а мне нужны мои яйца.

— Под угрозой, Ро?

— *Moi — Я?* — он притворяется оскорбленным.

— Да, *toi — ты*.

Я тыкаю его в живот, и он щекочет меня с моей чувствительной стороны.

Мы смеемся, когда он притворяется, что рычит, не оставляя мое щекотливое место. Я знала, что он сосредоточится на слабостях, он просто не любит раскрывать свои карты заранее.

Мой живот болит от смеха, пока я пытаюсь оттолкнуть его. Несмотря на то, что Ронан кажется безобидным, он все еще большой, и я беспомощна перед его огромными размерами.

Все мои удары остаются незамеченными, когда он щекочет меня, пока я не задыхаюсь от смеха.

Я не чувствую, что это происходит, пока не увижу это.

В один момент мы с Ронаном боремся, он прижимает меня к скамейке, а в следующий момент все его присутствие испаряется.

Я кричу, когда Ксандер бросает Ронана на пол.

Его глаза налиты кровью, лицо красное, и он выглядит готовым покончить с жизнью.

Глава 14

Ксандер

Война.

Они называют меня так не просто так.

Войны начинаются из-за пустяка, но в них имеется зловещий подтекст.

Войны ведутся ради разрушений.

Войны являются причиной смерти, а не наоборот.

Смерть ведёт ко дну. Война остается же.

Мой разум побелел, когда я приземляюсь на Ронана, оседлав его живот.

Хватая его за воротник, я бью кулаком прямо в лицо.

У него хватило наглости обнять ее, прижать к скамейке и прикоснуться к ней, будто он имеет на это полное право.

Внутренний голос говорит мне не показывать свои карты, но с каждым днем он становится все тусклее.

Я не смог бы остановить эту потребность в хаосе, даже если бы попытался.

Прошло чертовски много времени без войны, а войны должны случаться, чтобы очистить людей.

Войны должны происходить со Смертью, а теперь он, блядь, вынужден истекать кровью.

Он ухмыляется мне, когда я бью кулаком ему в лицо, но он не пытается отбиться от меня, хотя и не сможет, когда я на таком адреналине.

Справа от меня раздается голос, испуганный и мягкий. Где-то в глубине сознания я понимаю, что это она, но не сосредотачиваюсь на ней. Я не останавливаюсь, чтобы увидеть ее или услышать тот же голос, которым она хихикала с ним.

Мой следующий удар сильнее предыдущего, и голова Ронана откидывается в сторону.

— Кто-то слетел с катушек. — Ронан облизывает уголок окровавленного рта. — Проблемы, *тон ати* — друг мой?

Я снова бью его, заставляя его слова остановиться там, где они начались.

Не имеет значения, что я провел большую часть ночи и утра, сражаясь с бандитами, или что несколько синяков на моем теле чертовски болят. Я собираюсь закончить этот день эпично — например, смертью этого ублюдка.

— Остановись!

Тонкая рука обхватывает мой бицепс, отталкивая меня назад.

Это не так сильно, но ее прикосновение да.

Ощущение ее пальцев на моей коже, разделенных только рубашкой, похоже на то, как вода заливает мой огонь.

Размытые линии, которые были раньше, и черная дымка медленно рассеиваются, когда в поле зрения появляется ее лицо.

Она смотрит на меня своими огромными зелеными глазами, которые никогда не покидали мою голову, ни со вчерашнего дня, ни со столетней давности.

Ее губы приоткрываются в изумлении — или беспокойстве, не знаю, в чем именно. Все, о чем я могу думать, это как я наслаждался этими губами, как они ощущались под моими зубами и на моем языке.

Как я пробовал ее на вкус, как тайно фантазировал в течение многих лет, и как этот единственный вкус открыл чертов ящик Пандоры, выпустив на волю приспешников дьявола и даже джинна, о котором Ахмед рассказывал мне.

Потому что сейчас меня охватывает потребность снова попробовать ее на вкус, и на этот раз я не хочу останавливаться — или заканчивать.

Я хочу свободно упасть в ад.

Трахните меня.

Я пошел на бой, ради избавления от этих мыслей, но они только усиливаются. Ее взгляд тоже не помогает. Он похож на шторм, и мне суждено только упасть, согрешить, погибнуть, черт возьми.

— Какого черта ты делаешь? — она кричит, глядя на кровь, сочащуюся из губ Ронана. — Ты с ума сошел?

Да. Конкретно. Иначе ничего бы этого не случилось.

Ошибка.

Все это произошло из-за алкоголя.

Я могу повторять себе это весь день, но заставить свой мозг поверить в это совсем другая история.

Мозг начинает ненавидеть меня за то количество мусора, которое я ежедневно в него вливаю.

Взаимно, приятель.

Кимберли с легкостью отталкивает меня — на самом деле, нет. Все, что ей нужно сделать, это взять меня за руку, и уйду, словно меня никогда и не было.

Всего лишь прикосновение, говорю я себе. Одно единственное прикосновение.

Я поднимаюсь на ноги, направляемый ее руками, обхватывающими мои бицепсы. Ее руки на мне.

Ее. Руки. На. Мне.

Блядь, почему это так приятно? И сюрреалистично.

И чертовски неправильно.

Она так же быстро отпускает меня. Отсутствие контакта — это как пить и дать воду, чтобы ее забрать в последнюю секунду. Ее внимание падает на Ронана, и она помогает ему подняться.

Зверь внутри с ревом возвращается к жизни, когда он улыбается ей с таким чистым выражением, что оно пронзает меня сто раз одновременно.

Я вновь бросаюсь на него, и он вызывающе улыбается, даже не пытаюсь прикрыть лицо. Кимберли встает перед ним, заставляя меня остановиться, как вкопанного.

Ее поза расширяется, и она приподнимает подбородок, глядя на меня снизу вверх.

— Не знаю, что, черт возьми, с тобой не так, но перестань быть нездоровой собакой, или я позвоню директору.

Нездоровой собакой.

Вот подходящее слово. *Собака*. Из-за нее я превратился в нечто меньшее, чем собака. По крайней мере, у собаки есть принципы, верность. Но не у меня.

Хуже всего то, что у меня нет возможности остановиться.

Когда я пристально смотрю на Ронан, я притворяюсь, что ее не существует, и говорю ей:

— Это не твое дело. Уйди.

— Ну, я делаю это своим делом. Ты не можешь причинить боль Ро в моём окружении.

Ро.

Чертов Ро.

Если она называет его так нарочно, усугубляя мое безумие, то это, блядь, работает.

Кто-нибудь, запишите в отделение психиатрии. И скорую помощь, потому что, если меня посадят за то, что я сумасшедший, с таким же успехом можно убить этого ублюдка.

— Да, Кимми. Защити меня от этого сумасшедшего придурка. — Ронан надувает губы, держит ее руку в своей и гладит по спине.

Поскольку он стоит у нее за спиной, я вижу всю фальшь в этом выражении, насмешку в его глазах, а затем он просто ухмыляется мне.

Он, блядь, *ухмыляется*, указывая на ее руку в своей.

Вот и все. Он труп. Во сне, в машине, в бассейне. Не имеет значения, это произойдет.

Я смеюсь, звук невеселый и резкий, когда я обращаюсь к ней:

— Думаешь, что сможешь остановить меня? Знай свое гребаное место.

— Ты знаешь *свое* место. Ты не можешь просто толкать людей и бить их просто потому, что хочешь или можешь. Мир не вращается вокруг тебя.

Потому что он вращается вокруг тебя.

Нет, нет, я так не думаю.

Эту мысль нужно, блядь, искоренить.

Такими темпами, либо ей нужно исчезнуть, либо мне. Иначе с этого момента начнется гребаный хаос.

— Наблюдай... — я подхожу вперед, но она не двигается и не отступает.

У нее слегка дрожит подбородок, что означает, что она напугана, но не позволяет этому сказаться на ней.

Кимберли все еще стоит перед ублюдком Ронаном, не двигаясь, будто его безопасность ее цель в жизни.

Его безопасность.

Ego.

Я останавливаюсь в нескольких шагах от них, наблюдая за, происходящим с той ясностью, которая у меня имеется, после всего алкоголя и травки, которые я употреблял. У меня болит голова и горит лицо, но самая сильная боль исходит от того, что что-то неровно бьется в моей груди.

Раньше они смеялись и веселились. Сейчас она защищает его.

И он перестал спать со всеми подряд.

Реальность обрушивается на меня, как удар по носу. Я никогда не видел ее такой счастливой с кем-то, кроме Кира, до Ронана.

Я никогда не видел, чтобы он сходил с ума из-за девушки до Кимберли.

— А теперь, если ты нас извинишь, нам с Кимми нужно поговорить о нашем свидании.

Голос Ронана ясен, не насмешлив, просто констатирует факты.

Свидание.

Они идут на гребаное свидание.

Я пристально смотрю на нее, ожидая отрицания. Кимберли не ходит на свидания. Кириан вся ее жизнь, и она не любит, когда ее отвлекают от него. Кроме того, у нее нет уверенности. Я знаю это, потому что наблюдаю за ней больше, чем за собой.

Она не может пойти на свидание с Ронаном. Этого просто не может быть.

Я улыбаюсь им, но уверен, что это больше похоже на улыбку какого-нибудь сумасшедшего, чем на мою собственную.

— Хорошая попытка.

— Кто сказал, что это попытка? — Ронан улыбается в ответ.

— Ронан, — рычу я.

— Ксандер, — воркует он.

Я пристально смотрю на него, сообщая все, что ему нужно знать.

Держись, блядь, подальше.

Не испытывай меня, или я раздавлю тебя, как таракана.

Очевидно, эта судьба его не пугает, так как он говорит драматическим тоном.

— В любом случае, если у тебя имеются какие-либо возражения, скажи это сейчас или закрой рот.

Взгляд Кимберли устремляется в мою сторону. Это так обнадеживает, что я хочу, блядь, выпотрошить себя и наступить на останки.

Почему она так на меня смотрит?

Разве я не говорил ей, чтобы она прекратила меня искушать? Перестала надеяться на что-то от меня?

Чем больше она будет делать, тем сильнее я ее уничтожу.

— У меня имеются возражения. — я пристально смотрю на нее, говоря ему: — Она беспорядок, которого ты не хочешь в своей жизни.

Ее лицо вытягивается, будто я пнул ее в живот, наступил на неё, а затем сделал то же самое со щенком.

Это единственный способ держать ее подальше.

Поверьте мне, эта боль ничто по сравнению с другой.

— Позволь мне беспокоиться об этом. Я люблю беспорядок. — ухмылка Ронана меня раздражает, и хочется, чтобы мой кулак стер ее. Он тянет ее за руку. — Кимми, ничего не хочешь сказать Ксандеру, пока мы на этом священном собрании?

Она смотрит на Ронана, говоря спокойным тоном.

— Я не могу разговаривать с кем-то, кто ничего не значит. Он даже больше не существует.

Ничего.

Больше не существует.

Я притворяюсь, что ее слова не разрезают меня на части и не оставляют бездонную дыру, которая питается моей жизненной сущностью.

Моя улыбка становится угрожающей.

— Ты моя должница, Рид. Не забыла?

Наконец она смотрит на меня, выражение ее лица суровое, решительное. Закрытое.

— Я тебе ничего не должна. Я устала молить о прощении, которого ты никогда не дашь. Я покончила с тобой, твоими играми и твоим холодным плечом. Я. Закончила.

И с этими словами она тянет Ронана за руку и проходит мимо, даже не взглянув.

Не оглядываясь назад.

Я могу схватить ее за запястье и оттащить. Я могу привлечь ее на свою сторону и дать миру понять, что она всегда будет принадлежать ему.

Но я не имею на это права.

Это знание вскрывает меня сильнее, чем ее слова. Оно углубляет дыру, делая ее неузнаваемой. Словно это из другой вселенной.

— Скажи это, — шепчет Ронан так, чтобы только я мог его услышать, когда он следует за ней. — Одно слово.

Стоп.

Это слово он ожидает услышать, и я знаю, что он остановиться. Или я могу заставить его дополнительными ударами.

Мое лицо ожесточается, когда я смотрю, как он уводит ее между от меня. Я стою, как чертов дурак, неспособный сделать единственное, чего я когда-либо хотел в своей жизни.

Иногда то, чего ты хочешь, это единственное, чего ты не можешь получить.

Единственное, что у тебя отнимут.

Ронан качает головой и идет с ней.

Я смотрю, как их спины исчезают в школьном здании, и кажется, что вся моя жизнь уходит вместе с ними.

Мой телефон вибрирует от сообщения.

Ронан: *У тебя был шанс, и ты его упустил.*

Ронан: *Я пришлю фотографии.*

Я швыряю телефон о дерево, отчего он трескается. Единственные слова, которые продолжают звучать у меня в голове, это ее голос, ее слова, ее смирение.

Я. Закончила.

Глава 14

Кимберли

— Ронан?

Эльза почти кричит, и я прикрываю ей рот ладонью.

Мы сидим за столом в саду ее дома. Поскольку сегодня редкий солнечный день, мы решили позаниматься на улице. Мы потягиваем сок. Вернее, Эльза. Я пью только воду с тех пор, как приехала сюда.

Вода наполняет и частично утоляет голод.

Она убирает мою руку и шепчет:

— Ты идешь на свидание с Ронаном?

— Просто так вышло. — я пишу карандашом на черновой бумаге.

— Ты не соглашаешься только потому, что так случилось. — Эльза отодвигает блокнот, ее глаза сужаются, как у детектива, столкнувшегося с преступником. — Это из-за Ксандера?

Я рассказала ей о поцелуе и ссоре между ними ранее, потому что, если бы я этого не сделала, я бы сошла с ума, пытаюсь понять, что, черт возьми, произошло.

Даже сейчас я понятия не имею, что происходит.

— Нет. Я имею в виду, возможно... — я смотрю на нее из-под ресниц.
— Разве это неправильно, что я хочу, чтобы хоть раз все было нормально?

— Конечно, нет. — выражение лица Эльзы смягчается. — В глубине души ты всегда была романтиком; нет ничего странного хотеть это. Что неправильно, так это заставлять себя идти по пути только потому, что обстоятельства вынудили тебя.

— Разве не это произошло между тобой и Эйденем?

— Не совсем. Мне не нужно было заставлять себя быть с Эйденем. Все вышло, наоборот. Мне пришлось заставить себя игнорировать связь, которая у нас была, потому что он пугал меня до смерти. — она один раз

похлопывает меня по руке. — Я не хочу видеть, как ты совершаешь ту же ошибку.

— Это не одно и то же. Эйден всегда смотрел на тебя так, словно ты его мир, и безжалостно преследовал тебя. Все, что Ксандер когда-либо делал, это отталкивал меня. Сначала это причиняло боль, потом превратилось в постоянную боль, а теперь я не могу дышать. Я хочу дышать, Эльза.

Мои глаза наполняются слезами, а ее лицо морщится, чувствуя мою боль и разделяя ее. Эльза известна как Холодное Сердце в школе, потому что у нее лицо суки, и поведение «мне плевать на мир». Видеть, как она беспокоится обо мне, согревает сердце и немного разгоняет этот туман.

— Я с тобой, что бы ты ни решила, Ким. Если ты думаешь, что будешь счастлива с Ронаном, то я полностью за. Просто... не заставляй себя делать то, чего ты не хочешь, хорошо? Это только съест тебя изнутри.

Я киваю, вытирая влагу указательным пальцем.

— Ты все еще не сказала мне, что было у тебя на уме в тот день в больнице?

Ее внимание все еще приковано ко мне.

Я вырываю свою руку из ее и сжимаю ручку, притворяясь, что читаю свои заметки, хотя это размытые строки.

— Ничего.

— Мне не показалось, что это было ничего, Ким.

Я собиралась рассказать Эльзе о самоповреждении, но вновь струсилась, и теперь мой разум в беспорядке. Взглянув на нее, я облизываю губы. Быть может, я смогу попросить ее о помощи, быть может, я смогу это сказать.

Ты слишком сильно любишь Эльзу, поэтому ты делаешь все, чтобы казаться перед ней совершенной, и, делая это, ты медленно убиваешь часть себя, думая, что, если бы она действительно увидела, как ты причиняешь себе вред, режешь вены, глотаешь таблетки, она бы от тебя отказалась.

Слова Ксана крутятся у меня в голове по кругу. Ими он попал в самую точку, ублюдок.

Я действительно слишком сильно люблю Эльзу, чтобы напрягать ее или, что еще хуже, приносить что-то, что в конечном итоге вызовет у нее отвращение ко мне.

Когда-то Ксандер был моим лучшим другом, и я его оттолкнула. Сильвер тоже была моей подругой, но в конце концов она отстранилась, будто мы никогда не были близки.

Хотя в глубине души я знаю, что Эльза другая, я не могу рисковать потерять и ее тоже.

Что, если она не поймет, почему я поднесла это лезвие к своим венам? Или почему с тех пор я каждый день думаю о повторении?

Что, если вместо понимания будут осуждающие взгляды или, что еще хуже, жалость?

Я знаю, что только выигрываю время. Когда папа вернется, он узнает. Кажется, он всегда так много знает обо мне. Может, если я скажу папе, я скажу и ей.

Возможно.

Я уже собираюсь отвлечься, когда Тил выбегает из дома, ругаясь. На ней джинсы, с дырками на коленях, под которыми чулки в сеточку.

Эльза смеется, ее внимание отвлекает приемная сестра.

— Нокс снова напугал тебя?

— Он мудака. — Тил регулирует свое дыхание и делает глубокий вдох, наблюдая за мной в течение секунды, прежде чем присоединиться к нам.

На ее белой футболке написано: *Ничейная земля*.

— Неплохо придумано. — я улыбаюсь ей, благодарная, что она спасла меня от расспросов Эльзы.

Я знаю, что моя лучшая подруга однажды вернется к этой теме, но не сегодня.

Кроме того, когда этот день настанет, я просто буду готова.

Тил кивает, но ничего не говорит, сидя по другую сторону от Эльзы. Обычно она устраивалась, между нами, и я всегда думала, что это потому,

что она видит во мне среднюю черту между ней и ее сестрой. Я считала, мы станем друзьями. Черт, она даже ходит со мной на игры Элиты.

Но уже нет.

В последнее время она держится на расстоянии, будто не хочет связываться со мной. Не то чтобы это должно было стать сюрпризом. У меня не самый лучший послужной список с друзьями.

— Вы, девочки, собираетесь на игру? — спрашивает нас Эльза.

— Подожди, ты пойдешь?

Тил крутит наушники между пальцами.

— Конечно.

— Что произошло с тем, что я никогда не пойду на их игры? — я тыкаю ее в бок.

— Эйден. — она улыбается, как идиотка. — Это его последний сезон, и я хочу быть рядом с ним.

— О-о, — я издеваюсь над ней.

— Прекрати. Так ты идешь?

— Нет, я должна посидеть с Киrom.

И держаться подальше от определенной задницы с золотыми волосами и океанскими глазами.

Я даже не люблю футбол, но всегда ходила на игры Элиты. Я притворяюсь, что это ради команды, ради Ронана, ради острых ощущений, но это ради *него*.

Только ради него.

Я сижу, наблюдая за ним от начала до конца. Я выучила правила, потому что он играет в эту игру. Я купила майки с девятнадцатым номером Ксандера для Кира, потому что он его так сильно любит.

Это жалко.

И по этой причине это должно прекратиться.

Я имела в виду это ранее, я закончила.

— Ты должна пойти, Ким. — Тил показывает на сок Эльзы, и когда она кивает, она делает глоток. — Тринадцатому может понадобиться моральная поддержка.

— Почти уверена, что Ро может использовать другой тип поддержки.
— Эльза усмехается.

Лицо Тил остается нейтральным.

Я смеюсь.

— Это он может. Он снова говорил о тройничке.

— Он также упоминал об этом на днях. — Эльза качает головой. — Если он продолжит, Эйден убьет его до конца года.

— Я тоже сказала ему это. Клянусь, он не боится за свою жизнь.

— Нет? — вопрос Тил останавливает нас обеих на полпути. — Я имею в виду, что он не боится за свою жизнь.

Эльза хмыкает.

— На самом деле, я думаю, что нет. Он говорил, что его отец спланировал всю его жизнь, включая его брак и все такое, и он ненавидит это.

Я киваю.

— Думаю, что он рассматривает это как последнее «ура» перед тем, как его заставят унаследовать фамилию и наследство отца.

Губы Тил дергаются, и клянусь, что она собирается улыбнуться, но она возвращается к своему фирменному бесстрастному лицу.

Мы оставляем эту тему, и Тил уходит в дом, заглядывая, чтобы Нокс снова ее не напугал.

Мы с Эльзой заканчиваем заниматься, и после того, как я прощаюсь с девочками, я забираю Кира.

Как только мы возвращаемся домой, мы включаем музыку и танцуем под нее, дурачась. Он единственный человек, перед которым я могу так свободно танцевать. Я учила его движениям, а он говорил мне, что я старуха.

Придурок.

Впервые мама выходит из своей студии, чтобы забрать доставленные принадлежности. Мы убавляем музыку и продолжаем щекотать друг друга и блокировать наш смех, чтобы она не услышала.

Однако она ни разу не замечает нашего присутствия, приказывая курьерам отнести полотна в ее студию.

Надувая губы, Кириан наблюдает за ней щенячьими глазами, ерзя, ожидая капельки ее внимания. Он так похож на меня, когда я была ребенком.

Ты имеешь в виду, даже сейчас.

Я продолжаю щекотать его, отвлекая внимание от нее. Как только курьеры уедут, и она закроет свою студию — она звуконепроницаемая — мы вернемся к танцам, пока не устанем.

Все равно ему пора спать, так что я провожаю его в комнату.

— Может Ксан прийти? — спрашивает меня Кир, как только надевает пижаму, и я укладываю его в постель.

— Нет, — огрызаюсь я, а затем улыбаюсь, скрывая это.

— Но почему нет? Было бы забавно потанцевать с ним.

— Я не люблю танцевать перед другими. Только перед тобой, моя маленькая обезьянка.

— И перед папой!

— Да.

Он позвонил нам по FaceTime ранее, и мы разговаривали в течение тридцати минут. Кир не умолкал о школе, своих друзьях и о том, что он самый популярный из них.

Так и есть. Девочки начинают присылать ему письма.

По крайней мере, один из нас не полный неудачник.

Я сказала папе, что скучаю по нему, и подавила желание спросить, когда он вернется. Это только заставит его почувствовать себя виноватым, а я не хочу так с ним поступать.

— Неужели все билеты действительно распроданы? — он прищуривает глаза.

Ладно, значит, я могла солгать насчет билетов на игру Элиты. Это единственный способ удержать его от меня, вроде как.

Он фанат Ксандера до костей.

— Да, обещаю.

— Я попрошу у него билеты в следующий раз.

Конечно, он попросит. Это всего лишь временное решение. Кир умнее, чем я предполагаю.

— Не беспокой его.

— Он говорил, что я его не беспокою.

Я делаю паузу.

— Он говорил это?

Он отчаянно кивает.

— Ксан всегда просит своего повара приготовить мне пирожные и позволяет Ахмеду играть со мной. Он говорит, что я могу позвонить ему, когда ты не можешь меня забрать.

— Не говори мне, что ты звонил. — он отводит взгляд. — Кир!

— Не переживай, Кимми. — Кир усмехается. — Ксан соврет и скажет, что ты танцуешь лучше меня.

Я превращаю свои руки в когти.

— Ну, он соврёт и скажет, что ты не боишься щекотки?

— Нет, прекрати.

— Идет горилла за обезьянкой.

— Нееет! — кричит он, когда я нападаю на него, щекоча, пока он не задыхается от хихиканья и смеха.

Только после того, как он поднимает белый флаг, я, наконец, оставляю его в покое и целую три раза — два в его очаровательные щеки и один в лоб.

— Сладких снов, маленькая обезьянка.

— Спокойной ночи, Кимми.

Я откидываю его волосы назад и целую его еще раз, прежде чем покинуть его комнату.

Переодевшись в джинсовую юбку и кофточку, я выхожу на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как подъезжает Ронан.

Мы договорились встретиться, как только закончится игра, но я не думала, что он сразу приедет.

Он распахивает дверцу своей Мазды и выскакивает наружу. Синяк вокруг рта после драки с Ксандером ещё не прошёл.

Должно быть, это больно.

Точно так же, как все синяки, с которыми Ксандер пришел в школу, должно быть тоже болят.

Нет, мне на него наплевать.

Ронан заключает меня в объятия, поднимая с земли.

— Мы победили!

Я визжу, когда он разворачивает меня, прежде чем, наконец, поставить на ноги.

— Так рада за вас.

— Лгунья. — он пристально смотрит на меня. — Ты могла бы быть рада, если бы действительно присутствовала на игре.

— Я должна была провести время с Киrom.

— Или ты могла бы взять его с собой. — он наклоняется, шепча: — Что означает, что ты сбегала.

— Отлично. Мы можем ехать?

Я действительно не хочу столкнуться с Ксаном, если он сейчас вернется домой.

Хотя футбольная команда обычно празднует победу в The Meet Up после каждой игры, я не собираюсь рисковать.

— Конечно.

Он провожает меня до машины, даже открывает дверцу.

Он такой джентльмен — заботливый, внимательный. Почему я не могу заснуть, думая о нем? Почему я не могу заикнуться на нем? Чтобы моя грудь сжималась из-за него?

Если бы у меня был выбор в процессе признания моего сердца, это был бы Ронан.

Или это то, что я говорю себе.

Машина набирает обороты, выезжая из района, и я глубоко вздыхаю.

— Он не играл, — говорит Ронан с улыбкой, которая отличается от его легкой улыбки.

Ксандер не играл? Но почему? Он всегда играет, за исключением того случая, когда тренер наказал его и Эйдена за драку.

Но я не позволю втянуть себя в эту орбиту. Я смотрю в окно на особняки высшего среднего класса, мимо которых мы проезжаем.

— Мне все равно.

— Тренер знает о боях, пьянстве и отстранил его, — продолжает Ронан, глухой к тому, что я сказала.

Я смотрю ему в лицо, не в силах сдержаться.

— Бои и пьянство?

— У него есть проблема.

Ронан постукивает пальцами по рулю, будто наслаждается музыкой, которой не существует. Он не продолжает, и, если бы я не знала лучше, я бы сказала, что он играет со мной.

— И? Какого рода проблема?

Его ухмылка почти раздвигает лицо.

— Говорил же тебе, бои и пьянство. Раньше он это контролировал, но в последнее время у него появилось похмелье, и он едва держится. На его лице несколько порезов, а на теле синяки. Он не обращает внимания ни на тренировки, ни на учебу, ни даже на самого себя. Сегодня он пришел пьяный, и капитану это надоело.

— Если его отец узнает, у него будут неприятности, — бормочу я себе под нос, а затем понимаю, что сказала вслух.

— Почти уверен, что тренер уже позвонил ему, — напевает Ронан. — Думаю, что идут разговоры об отправке на реабилитацию в закрытую

клинику, и он сможет вернуться только за дипломом. Ни для кого не секрет, что Льюис потеряет на нем все свое дерьмо. В конце концов, это год выборов.

Что-то в моей груди сжимается сильнее, чем больше я игнорирую это.

— Он сам навлек это на себя, — говорю я, затем меняю тему на игру.

Ронан рассказывает о своих героических достижениях и решающем пасе, который он отдал Эйдену, чтобы тот забил их единственный гол.

Когда мы входим в ресторан, я смеюсь и улыбаюсь его глупому поведению. Мы даже делаем селфи в стиле Ронана на высшем уровне. Он обнимает меня одной рукой и прижимает к себе, целуя в щеку.

Хотя снаружи я смеюсь, что-то режет меня изнутри на мелкие кусочки.

Я заказываю салат, хотя Ронан говорит, что у них есть диетическое меню, но я ничего из этого не ем.

Мое тело прямо здесь, в этом элитном ресторане, для которого мне не следовало надевать джинсовую юбку. Обстановка имеет элегантное сочетание коричневого и белого, что придает определенный тип безмятежности.

Не для меня.

Хотя я присутствую, улыбаясь тому, что говорит Ронан, мои мысли заняты другим. Я думаю о теориях того, что Льюис может сделать с Ксандером. Ронан сказал это. Это год выборов для него и отца Сильвер. Они запрещают любые несчастные случаи в обычные дни, не говоря уже о том, что кампания так близка к старту. Интересно, имеет ли к этому какое-то отношение исчезновение Сильвер за последние два дня?

Дело в том, что Льюис всегда был так же строг с Ксандером, как мама со мной. В тот день, когда тетя Саманта уехала, и Ксандер ушёл домой, оплакивая ее, Льюис пристально посмотрел на него и сказал, чтобы он не плакал из-за нее.

С тех пор я никогда не видела слез в глазах Ксандера.

— Земля вызывает Кимми. — Ронан наклоняется, чтобы быть поближе.

— Извини, ты что-то говорил?

— Что тебе следует рискнуть.

— Рискнуть?

— Ага.

Я сглатываю несуществующую слюну.

— С тобой?

Несмотря на слова, не думаю, что смогу это сделать. Как сказала Эльза, это действительно неправильно заставлять себя. Хотя Ронан добавляет изюминку в мою жизнь, он не мой любимый аромат.

Он не фисташковый.

— Нет, с тобой. — он щиплет меня за нос.

Я отстраняюсь, сбита с толку.

— Со мной?

— Да, Кимми. Ты думала о Найте всю ночь — это не должно было рифмоваться — так как насчет того, чтобы действовать в соответствии с этим?

— Я не думала о нем всю ночь.

Верно?

— Ага, ну же, *ma chère, c'est moi* — моя дорогая, это я. — он вытирает рот, затем просматривает телефон. — Думаю, что дал ему достаточно доказательств.

Я наклоняюсь вбок, пытаюсь разглядеть, что он просматривает.

— Достаточно доказательств?

— Он был дома, когда я обнимал тебя ранее и...

Он поворачивает телефон, показывая селфи, которое он опубликовал в Инстаграм. *Подпись гласит: Новый лист. Вперед Элита.*

Мои губы приоткрываются для возражения, но в итоге я говорю:

— Не думаю, что это имеет значение.

— Имеет. Он хочет двигаться дальше, но что-то его сдерживает.

— Что-то вроде чего?

— Думал, ты знаешь.

— Не уверена.

Если он не может простить меня из-за того, что случилось семь лет назад, то он не должен так себя вести.

Он не должен целовать меня, загонять в угол, говорить, что я не могу от него спрятаться.

Это слишком жестоко.

Ронан поднимает палец.

— Позволь мне сделать последний удар.

Он печатает несколько секунд, затем показывает мне свои сообщения Ксандеру.

Ронан: *Чувствуя себя милым, хочется трахнуть милую девушку сегодня. Как Кимми.*

Ронан: *Джекпот! Она просто сказала «да».*

Ронан: *Пожелай мне удачи. Подожди, мне она не понадобится. Скажи школе, что нас не будет в течение нескольких дней.*

Его слова меня не удивляют, так как я знаю, что он шутит. Что заставляет мою грудь сжиматься, так это тот факт, что Ксандер видел все его сообщения, но ответа не прислал.

Даже сейчас.

— Он сорвется. — Ронан улыбается, я бы не была так уверена. — Или мы можем поступить так, как планировали. — его ухмылка становится шире. — У меня дома? У меня лучший запас травки.

Мой телефон вибрирует, и я вздрагиваю.

В тот момент, когда мой взгляд падает на имя на экране, сердце почти вырывается из заточения.

Ксандер: *Помнишь, как ты обещала, что никогда не бросишь меня?*

Мои пальцы дрожат, читая и перечитывая сообщение.

Прежде чем я успеваю понять ответ, приходит еще одно сообщение.

Ксандер: *Я освобождаю тебя от этого обещания.*

Глава 15

Ксандер

Возьми себя в руки. Ты больше не ребенок.

Если бы Льюис ударил меня, это, вероятно, не было бы так больно, как удар его слов.

Будучи политиком, он умеет обращаться со словами. Он знает, что использовать, чтобы заставить вас почувствовать себя самым грязным подонком на земле. Нет никакой разницы между семьей или незнакомыми людьми.

У Льюиса есть союзники и враги. Предупреждение о спойлере, я попадаю на последний пункт.

В глубине души он всегда винил меня в уходе мамы, потому что я был раздражающим маленьким дерьмом. Я винил его за то, что он никогда не заботился о ней, за то, что сказал ей: «Возьми себя в руки, Саманта».

Однажды она взяла себя в руки и ушла.

Для Льюиса люди это машины. Одна кнопка, и они едут. Еще кнопка, и они останавливаются.

Жаль, что у него машина сын, работающий на другом типе жидкости. Я выливаю последние капли из бутылки водки себе в горло и издаю стон, когда там ничего не оказывается.

Похлопываю себя по карману в поисках косяка, который украл из сумки Ронана. Ничего.

Я курил до этого?

Ты имеешь в виду, когда он обнимал ее, а ты смотрел, как киска?

Да, неважно, кто сейчас со мной разговаривает. Когда он прижимал ее тело к своему, а я смотрел. Только я кое-что сделал. Я раздавил стакан в руке и ушёл с порезом на ладони. Я перевязал рану, но ткань пропиталась кровью, уже засохшей.

Просто прекрасно.

Или ужасно — зависит от того, как на это посмотреть.

Кириан прибежал, как только Ким уехала, сказав, что не может уснуть. Я дал ему только маленький кусочек пирожного, так как сейчас ночь, и мы играли в видеоигру, пока он не задремал, и я уложил его в комнату дальше по коридору от моей.

Я уже собирался возобновить свою пьянку, когда Ронан прислал мне сообщение, и я, возможно, выплеснул хороший алкоголь через всю комнату. Потом пришёл Ахмед. Он не одобряет мои новые привычки, и это не из-за его религии.

Он бросил на меня быстрый взгляд. Взгляд, который говорит, что он может или не может разочарован тем, как я трачу его усилия на мое воспитание. Он помог перевязать мне руку и ушел.

Его молчание ранило меня сильнее, чем слова Льюиса, и я как бы тонул в океане по своему собственному выбору. В старой доброй водке.

Дверь в мою комнату открывается, и я едва оглядываюсь. Я сижу на стуле в темноте, в одной руке у меня висит пустая бутылка, а забинтованная безвольно лежит по другую сторону.

Свет загорается, ослепляя меня. Я щурюсь, но не отрываю взгляда от окна.

— Выключи, — бормочу я невнятно. — Я не вижу, не слишком ли ярко.

Ближе к полуночи ее не видно.

Просто блестяще.

Так держать, Ронан. Ты поймал меня.

И сейчас нам нужно вернуться к нашей дружбе. Или я убью его, или я убью его, нет никакого различия.

— Какого черта? — Эйден смотрит на меня сверху вниз, засунув руки в карманы. — Никто не упоминал о вечеринке, посвященной жалости к себе.

— Отвали. — я указываю на дверь своей бутылкой.

— Ты в порядке? — Коул подходит ко мне, пока Эйден ложится на мою кровать и роется в моих компакт-дисках, чувствуя себя, как дома.

— Дай мне это, — я указываю на косяк во рту Коула.

Он передает мне, и я делаю длинную затяжку, затем выпускаю дым.

— Черт, это всего лишь сигарета.

— Не за что.

Коул достает сигарету, затягивается, прежде чем выдохнуть через ноздри.

Если он курит, дерьмо, должно быть, неплохо вставляет.

Коул заядлый курильщик.

— Что сказал твой отец? — спрашивает Коул.

— Ты имеешь в виду после того, как ты настучал тренеру, что я пьян, и он позвонил директору и моему дорогому отцу?

— Все учуяли запах водки от тебя, Найт.

— Скорее, вдохнули. — Эйден опирается на локоть и хватает мяч, крутя его на указательном пальце.

Я откидываю голову назад.

— Как обычно. Мне не позволено портить его имидж и бла-бла-бла, мать твою.

— И реабилитация, — добавляет Эйден. — Он попросил у Джонатана рекомендаций. Если уже мой отец знает, значит, этому быть.

— По крайней мере, ты перестанешь напиваться, как ублюдок. — Коул поднимает бровь. — И прекратишь вечеринки с жалостью к себе.

— И моменты с кисками.

— Кстати говоря, почему бы тебе не забрать немного?

— Отличная идея. — Коул достает свой телефон. — Я могу позвонить Саммер или Веронике, или, быть может, обеим.

— Добавь Сильвер в меню, и мне, возможно, станет интересно. — я ухмыляюсь.

Выражение его лица не меняется, когда он убирает телефон.

— Тогда никаких.

— Почему нет? — Эйден ухмыляется. — Мне нравится идея Найта.

Коул наклоняет голову в сторону Эйдена.

— Ты из всех людей должен заткнуться на хрен, Кинг.

— Маленький ублюдок. — внимание Эйдена возвращается ко мне. —

Итак, ублюдок номер два, у меня нет всей ночи, чтобы нянчиться с твоей пьяной задницей. Ты собираешься взять себя в руки или мы все должны проголосовать за реабилитацию?

— Он собирается лишить ее девственности, — говорю я единственное, о чем не мог перестать думать.

В моем голосе так много боли, так много... покорности судьбе.

— Кто и кто? — спрашивает Коул.

— Да, по подробнее. У Нэша девственный заскок. — Эйден поднимает бровь.

Коул прищуривается, смотрит на него, затем вновь фокусируется на мне.

— Ронан, *этот* ублюдок, собирается лишить ее девственности, — бормочу я. — То есть, если она все еще девственница.

Эйден подбрасывает мяч в воздух.

— На дворе двадцать первый век. Не все ждут рыцаря в сверкающих доспехах. Извини, я имел в виду пьяного мудака.

— Кимберли может выглядеть невинной, но такие самые дикие, — добавляет Коул.

— Поверь ему на слово. Он знает свое дерьмо. — Эйден указывает на Коула.

— Не лучше, чем ты. Эльза, похоже, из тех, кто любит по жёстче.

Серые глаза Эйдена почти чернеют, когда его левый глаз дергается.

— Подумай об Эльзе еще раз в такой манере, и будешь похоронен на новой строительной площадке Джонатана.

Коул ухмыляется.

— Это обещание?

— Нет, обещание снимает с *неё* подозрения, — говорит Эйден.

— *Она* не твое гребаное дело.

Эйден поднимает бровь.

— Но ты все же уверен?

Коул отмахивается от него, а затем снова изучает меня, словно я одна из его философских теорий, которую нужно понять.

— Почему ты уверен, что Ким девственница?

— Она просто такая, хорошо? Я знаю.

И я слышал, как она упомянула об этом Эльзе неделю или около того назад, когда они разговаривали о сексе, и я, возможно, узнал дерьмо об Эйдене, которое не могу выбросить из головы.

И да на случай, если вы еще не поняли, я ненормальный.

— Не то, чтобы ты мог что-то с этим поделать. — Эйден обрушивает на меня суровую реальность. — Так что мы могли бы также вернуться к моему предложению о киске.

— *Или* ты можешь что-то с этим сделать. — Коул засовывает руку в карман, глубоко затягиваясь сигаретой. — Трахни ее. Выбрось из своей системы.

Я вскакиваю так быстро, что он даже не замечает, когда я бью его по лицу. Удары становятся шаткими и слабыми, когда люди пьяны. Мои становятся сильнее.

Коул отшатывается, прикрывая рот рукой.

— Скажи еще раз слово «трахни» и ее имя в одном предложении, и я, блядь, убью тебя, — рычу я ему в лицо.

— Технически он не называл ее имени. — Эйден говорит позади, и я чувствую его ухмылку, даже не глядя на него.

— Я просто играю адвоката дьявола и говорю то, о чем ты думаешь. — легкая, почти невинная улыбка изгибает губы Коула. — Я не виноват, что

твой разум уже там. Я только перевожу твои мысли, Найт. Я не формирую их для тебя.

— Ты всегда можешь самоуничтожиться и позволить Астору сделать это. — Эйден свистит. — Уверен, что он хорошо о ней позаботится. Он знает, как заниматься любовью и все такое дерьмо.

Я стону глубоко в горле и отталкиваю Коула, вытаскивая бутылку водки из ящика и открываю ее дрожащими руками. Ни Коул, ни Эйден не остановят меня. Во-первых, им на самом деле все равно. Во-вторых, им нравится хаос, поэтому они используют каждый шанс, чтобы понаблюдать за развитием. Если мой нынешний случай не соответствует определению хаоса, не знаю, что это.

Я едва чувствую жжение от первого глотка, прежде чем следую за вторым.

— Значит ли это, что Астор может это сделать? — спрашивает Коул.

— В конце концов, это должно быть сделано, — добавляет Эйден.

— Тогда какого хрена вы предлагаете? — я вытираю капли спирта в уголке рта. — Что я это сделаю?

— Это один из вариантов. — Коул пускает дым мне в лицо.

Я пристально смотрю на Эйдена.

— Если бы это была Эльза, ты бы это сделал?

— Это не Эльза, и я не рассматриваю гипотетические ситуации.

— Я бы сделал, — говорит Коул. — Без каких-либо мыслей.

— Ты чертов дьявол. Ты не в счет.

Коул приподнимает плечо.

— Тогда я просто отправлюсь в ад, если он вообще существует.

Эйден встает и останавливается передо мной.

— Учитывая твою ситуацию с правами человека, я отвечу на твой вопрос. Да, я бы это сделал. Есть мир, и есть Эльза, и она всегда на первом месте. Теперь тебе просто нужно решить, готов ли ты сгореть.

Я падаю на кровать, прижимая бутылку к груди.

— Это значит «нет»? — спрашивает Эйден.

— По крайней мере, мы пытались. — Коул садится на стул рядом со мной. — Это будет чертовски долгая ночь.

— К черту это. — Эйден садится по другую сторону от меня. — Я не должен быть здесь.

— Он прислал мне сообщение, в котором сообщил, что она согласилась переспать с ним сегодня. Первое свидание и все такое. — я смеюсь, но в этом нет юмора. — Она, блядь, сказала «да», и я освободил ее от обещания, которое всегда держал над ее головой. — я пытаюсь сделать глоток из бутылки, но Коул забирает ее.

— Ты начнёшь блевать, а я не в настроении убирать это дерьмо.

— Он имеет в виду, помимо того, что нянчится с твоей вечеринкой по поводу жалости к себе, — добавляет Эйден.

Я падаю на кровать и смотрю в потолок.

— Я освободил ее от себя.

— Как думаешь, ты поступил правильно? — Коул смотрит на меня сверху вниз своими гребаными зелеными глазами, и меня так и подмывает выколоть их и, может, положить в банку.

— Да.

Мой голос срывается, и я прикрываю глаза тыльной стороной ладони, пряча влагу, которая собирается там.

Нет.

Каким-то образом я засыпаю и каким-то образом вижу ее во сне.

Она всегда снится мне, когда я нахожусь на самом дне, и на самом пике.

Вместо идиотского присутствия Эйдена и Коула нежные руки отводят мою руку от лица. Бездушные зеленые глаза Коула сменяются ее мягкими, манящими.

В их блеске тоже стоит влага, будто ей тоже хочется заплакать.

Ким в моих снах — это игра воображения. Она выглядит такой настоящей, прикасаясь ко мне, гладя меня по волосам, как делала это в детстве.

Некоторые из моих любимых воспоминаний всегда начинаются с того, как я кладу голову ей на колени, она гладит меня по волосам, и я выбираю для нее гребаный зеленый M&M, прежде чем съесть другие цвета.

Затем я кормлю ее фисташковым мороженым, пока она читает вслух свои волшебные истории о волшебниках, принцах и королевствах.

И рыцарях.

О куче рыцарях. Даже если их не было, она их придумывала и вставляла повсюду.

Мой рыцарь, так она называла меня.

Теперь я ржавый, без доспехов и меча.

Я отказался быть ее рыцарем, став Войной.

— Почему ты снова напился? — спрашивает она ломким голосом. —
Что произошло с твоей рукой?

— Ш-ш-ш, не порть все. Просто оставайся такой.

Я поднимаю голову и кладу ее ей на колени так, чтобы смотреть на нее снизу вверх.

Кимберли из моих снов всегда говорит мне, какой я хреновый и что я могу стать лучше, как и раньше. Я могу стать рыцарем вместо Войны.

Но не сегодня. Сегодня все испорчено.

Сегодня она с Ронаном, и я ничего не могу с этим поделать. Сегодня у меня Коул и Эйден в качестве опекунов, потому что они не хотят, чтобы я совершил какое-то глупое дерьмо, например, чтобы меня убили в бандитском бою.

Я протягиваю руку и касаюсь пальцами ее щеки. Она дрожит под моей кожей, словно всегда хотела, чтобы я это сделал. Моя ладонь горит из-за пореза, но я почти не чувствую этого.

— Ты такая красивая, Грин, и я чертовски ненавижу тебя за это.

— Ксан... — мое прозвище застревает у нее во рту, будто она не хочет его произносить. — Какого черта? Ты не должен так меня называть.

— И ты не должна быть здесь. Я освободил тебя.

— Что, если я не хочу быть освобождённой?

— Ты мазохистка, не так ли?

— Возможно.

— Возможно, а? — я улыбаюсь. — Я собираюсь сделать с тобой плохие вещи.

Я возненавижу это утром, и возненавижу себя за это, но если я получу это только во сне, то так тому и быть.

Ее глаза расширяются.

— П-плохие вещи, такие как что?

Я поднимаю голову и обхватываю рукой ее затылок.

— Как это.

Мои губы встречаются с ее губами, и я наслаждаюсь ею так, как всегда, хотел.

Я принимаю искушение, от которого всегда убегал.

Глава 16

Кимберли

Поцелуи всегда были для меня фантазией. Всепоглощающей страстью, потребностью в большем.

Кстати, я виню в этом любовные романы.

В тот день на вечеринке у Ронана я думала, что знаю, что такое поцелуи. Немного страсти, немного силы, много горя.

Теперь, когда Ксандер овладевает моим ртом, в меня просачивается другой тип эмоций.

Отчаяние.

Это правильное слово. Это единственная эмоция, которая пронизывает меня, и делает это с разрушительной силой.

Я позволяю ему поцеловать меня, будто это наш первый и последний поцелуй. Мне все равно, если у нас никогда и ничего не будет после этого, пока он целует меня с этим отчаянием и потребностью владеть мной, быть со мной.

У него вкус водки и мяты, сильная смесь, которая бьет прямо в грудь. Я глубоко вдыхаю его и не осмеливаюсь выдохнуть, боясь, что этот момент закончится, и мы вернемся в наши разные миры, словно нам никогда не суждено было быть.

Когда Мари сказала мне, что обезьянка Кир ушел к нему переночевать, я, возможно, прокляла своего младшего брата.

После сообщения, которое Ксандер отправил мне, вновь нагло оттолкнув, я была готова к своим комфортным К-драмам и мрачному плейлисту.

При мысли, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, мне захотелось заплакать, но я так старалась все это время не зарыдать, так что сейчас я этого делать не буду.

Туман становится сильнее, когда я плачу, и он кормил его без остановки в течение многих лет.

Ахмед поприветствовал меня, сказав, что Кир спит. Я подумывала разбудить его, но не могла беспокоить. Кроме того, как только я оказалась в комнате для гостей, в которой спал Кир, Коул и Эйден постучали в дверь. Они сказали, что Ксандер в беде.

Я не думала, когда бежала сюда. толкнула дверь и вошла внутрь на дрожащих ногах. Он спал на кровати вниз головой, свесив голову набок, а его рука, забинтованная, покрытая засохшей кровью, свисала с края.

Первое, что я сделала, это проверила его пульс. Я собиралась уйти, как только удостоверюсь, что он жив, я действительно собиралась. Но одно прикосновение к его волосам превратилось в два, и не успела я опомниться, как уже сидела на его кровати, а потом он открыл глаза и назвал меня Грин, и я как бы потеряла рассудок.

Я потеряна прямо сейчас.

Потому что по опыту знаю, что его поцелуи, его легкие моменты близости связаны только с разбитым сердцем. Если он освободил меня от нашего двенадцатилетнего обещания после первого поцелуя, что он собирается сделать сейчас? Потребовать, чтобы я продала душу дьяволу? Заставить меня смотреть, как он топчет мое сердце?

Я кладу две руки на его сильные плечи и отталкиваю. Его губы покидают мои со стоном — с моей стороны, не с его. Какого черта я оплакиваю его потерю, если он никогда не был со мной?

— Ксандер, я...

— Шшш. — он прикладывает указательный палец к моим губам, к горячим и покалывающим из-за него. — Не разрушай это.

Я отталкиваю его руку, осторожно, чтобы не повредить рану, и делаю еще один глубокий вдох, а затем сожалею об этом, потому что все, чем я дышу, это он.

— Ты тот, кто все разрушает.

— Нет, ты. — его глаза наполовину опущены, а лицо такое страдальческое, будто в него стреляют и он не может умереть.

— Я? — повторяю я.

— Если бы ты не отвела меня туда, если бы ты... — он замолкает и качает головой. — Но сейчас это не имеет значения. Позволь мне поцеловать тебя. — он тянется ко мне, но я изо всех сил пытаюсь оттолкнуть его.

Он силен, даже будучи в нетрезвом состоянии.

— Нет. Я не готова платить такую цену.

— Никакой цены. — он улыбается, и на его щеках появляются ямочки.

Эти прекрасные ямочки на щеках.

Мое сердце могло бы на секунду перестать биться.

Он сказал, что я красивая, и он ненавидит меня за это, и для него это то же самое.

Он, так зверски красив, что я проклинаяю его за это каждый день.

Я проклинаяю его каждый раз, когда вижу красивого мужчину и сравниваю его с Ксандером.

Я проклинаяю его каждый раз, когда у меня возникают фантазии, и он всегда в них главный герой.

Я проклинаяю его идеальные волосы, глаза океанской глубины и очаровательную улыбку, потому что они никогда не принадлежали мне.

— Я ненавижу тебя, — бормочу я, хотя мои пальцы впиваются в его футболку. — Я так сильно тебя ненавижу.

— Я тоже ненавижу тебя, Грин. — его губы висят в нескольких сантиметрах от моих.

— Перестань меня так называть.

— Я буду называть тебя так, как мне, блядь, заблагорассудится. Ты моя Грин. — он хватает меня за руку и переворачивает так, что я лежу на кровати, а он нависает надо мной. — А теперь заткнись и позволь мне поцеловать тебя.

Хотя мое тело кричит, чтобы я разрешила ему воплотить мои фантазии в реальность, потому что я знаю, что он это сделает, я не поддаюсь порыву.

Я кладу обе руки ему на грудь.

— Ты испытаешь ко мне отвращение после этого?

— Я никогда не испытываю к тебе отвращения.

— Но..

— Замолчи, Грин.

В его словах нет злобы. Во всяком случае, они игривы, даже забавны, с небрежным появлением ямочек на его щеках.

— В другой раз ты...

— Замолчи блядь, Грин.

— Нет, пока...

Мои слова умирают, когда он хватается меня за затылок и вторгается в мой рот. И я не имею в виду простой поцелуй.

На этот раз он действительно пожирает меня. Словно он голоден, а я ужин.

Словно он на выброшенном берегу острова, и я его спасение. Стон вырывается из меня, когда его тело прижимается к моему. Трение его твердой груди о мою грудь и бедра вызывает сильную дрожь. Мои соски напрягаются под одеждой. Меня охватывает дрожь, а руки трясутся, когда я впиваюсь пальцами в его спину — его сильную, скульптурную спину.

Как будто мои руки не верят в, происходящее. Как обычно реагируют люди, когда сбываются их самые сокровенные, самые мрачные фантазии?

Если бы я знала, я бы, наверное, что-нибудь с этим сделала. Но прямо сейчас я просто позволяю себе упасть в него, в свободное падение и все такое.

Жестко и быстро. Без какой-либо посадки в поле зрения.

— Черт, — рычит он рядом с моим ртом. — Почему ты на вкус лучше, чем в других снах?

— Ч-что?

— Ш-ш-ш, не разговаривай. Если ты это сделаешь, я проснусь. — его пальцы вцепляются в подол моей кофточки и стягивают ее через голову.

Моя грудь вздымается, когда его взгляд скользит по моему телу, растяжкам и не очень плоскому животу. Это совсем не похоже на фигуры моделей, к которым он привык. Я презираю сравнение себя с ними, но ничего не могу поделать.

Он моя лучшая фантазия, и больно стать его худшей.

— Раньше ты была красивее. — он проводит рукой по моему животу.
— Я ненавижу фальшивую тебя, она не моя Грин.

А потом он целует меня в живот, по каждой растяжке, по каждому изгибу и части меня, на которую мне даже не нравится смотреть.

Его горячие губы оставляют за собой обжигающие следы, похожие на быстро разгорающийся огонь.

— Не меняйся. — *поцелуй*. — Не притворяйся. — *поцелуй*. — Будь собой. — *поцелуй*. — Будь моей прекрасной Грин.

Рыдание вырывается из моего горла с каждым его словом и дыханием на моей коже. Я прикрываю глаза, не желая, чтобы он увидел меня такой.

Какого черта он со мной делает?

— Посмотри на меня.

Приказ в его голосе заставляет меня медленно опустить руки.

Он вновь нависает надо мной, его руки исчезают у меня под спиной, расстёгивая лифчик.

Темно-синие глаза держат меня в заложниках, когда он говорит низким, выворачивающим наизнанку тоном.

— Всегда смотри на меня, а не в сторону, хорошо?

— Хорошо.

— Даже если я ненавижу тебя, и ты ненавидишь меня.

— Хорошо.

— Даже если мы проснемся от этого.

— Хорошо, — мой голос срывается в конце.

Одним рывком он снимает лифчик и позволяет ему упасть в сторону. Мои соски твердеют, превращаясь в крошечные бутоны, но не из-за воздуха. А из-за голодного выражения на его смертельно привлекательном лице.

Он даже не прикасается к ним, но почти, как если бы прикасался.

— Твои сиськи такие упругие и маленькие. — его сильные пальцы обхватывают мою грудь. — Такие идеальные в моей руке. Я знал.

Все еще обхватывая мою грудь, его большой и указательный пальцы хватают мой сосок и тянут. Я кричу, сердце сжимается в горле.

Он делает это снова, на этот раз крутя, а затем сильно щипая. Трение его повязки о мою кожу добавляет еще одно приятное ощущение, которое проносится прямо между ног, пропитывая бедра.

— Знаешь, как сильно я хотел это сделать? Как сильно я хотел тебя вот так и ненавидел себя за это? Как сильно это, блядь, убивало меня?

Пока он продолжает терзать мой сосок, его рот захватывает другой, покусывая.

Моя спина выгибается над кроватью от пытки. Это как будто меня левитируют. Мое тело больше не принадлежит мне, поскольку оно парит в воздухе без какой-либо посадки в обозримом будущем.

Его свободная рука опускается между нами и расстегивает пуговицы на моей джинсовой юбке. Я не думаю, когда нажимаю на нее.

— Прекрати, — рычит он мне в плоть. — Это мое шоу, мои правила.

Черт бы его побрал. Мне даже не разрешено ничего сделать во время моего первого сексуального опыта. Но опять же, почему я удивляюсь, что Ксандер такой властный тип?

Во всяком случае, я могла бы втайне надеяться на это. Возможно, втайне я буду немного более мокрой от его слов.

Он одним безжалостным рывком стягивает с меня юбку и нижнее белье, отталкивается от меня и скользит вниз по телу.

От пустого воздуха моя грудь кажется покинутой, но выражение его глаз, когда он смотрит, как я лежу перед ним, того стоит.

Он тянется за спину и стягивает футболку через голову, обнажая свой рельефный пресс. Дело не в том, чтобы быть подтянутым или мускулистым, а в харизме, которую он добавляет к этому, в определенной беспечности, в том, чтобы быть таким смертоносным и аппетитным.

Ксандер — воплощение мужской красоты — высокий, светловолосый, крепкий, слегка загорелый.

Стоя на коленях в ногах кровати, он смотрит прямо на мою киску, и я инстинктивно сжимаю бедра.

— Не-а. — он качает головой, на его лице неодобрительный взгляд. — Раздвинь их пошире.

— Но я не могу.

— Да, ты можешь и хочешь.

— Но...

— Ты не хочешь?

Я прикусываю нижнюю губу.

— Ответь мне, Грин.

Я могу сделать больше, чем просто ответить ему, когда он так меня называет. Я могу полететь на Луну и высечь свое имя на звездах, как он однажды принес мне звезду, которую я, возможно, все еще прячу.

Это имя означает, что он все еще мой щит в этом мире, а я все еще его.

С этим именем я могу делать все, что угодно.

С этим именем я непобедима.

Медленно я раздвигаю ноги, отворачиваясь от него.

— Что я сказал насчет того, чтобы смотреть на меня?

Я переключаю свое внимание на него, и мое дыхание прерывается.

Одобрение в его взгляде вызывает у меня желание замурлыкать, как какого-нибудь котенка.

Он вдыхает воздух.

— Ты промокла для меня насквозь. Я чувствую это.

Боже, он может просто не комментировать. Это поднимает температуру на ступеньку выше, и не думаю, что смогу с этим справиться.

— Твоя киска не должна быть мокрой для меня.

— Что?

— Этого не должно быть, и все же ты мокрая. Ты возбуждена, потому что я приказал тебе, Грин?

Да, я так думаю.

— Не отвечай, — ворчит он. — Не хочу, чтобы это было по-настоящему.

По-настоящему?

Прежде чем я успеваю сформулировать ответ, он хватает меня за лодыжки и перекидывает их через свои широкие плечи, затем ныряет внутрь.

— Привет, грех.

Первое прикосновение его языка к моим складкам похоже на прямое орудие пытки, хорошее, умопомрачительное.

Он повторяет, словно пробует меня на вкус, смакует, запечатлевает в памяти.

Я корчусь на матрасе, руки вцепляются в простыню в смертельной хватке.

— Ты убьешь меня, Грин, и я готов к смерти.

Грохот его голоса в моей самой интимной части заставляет бредить.

Он вводит свой язык внутрь, и я уношусь прочь. Странное ощущение пронизывает меня с пугающей силой. Моя спина выгибается над кроватью от силы стимуляции, и я просто падаю.

Я кончаю так легко, так изящно и без всяких ограничений. Хотя я и раньше доводила себя до оргазма, ни один из них не был таким сильным или разрушительным.

Не думаю, что когда-нибудь буду чувствовать себя так же после этого. Как будто Ксандер проник внутрь меня и щелкнул по кнопке, и теперь пути назад нет.

Теперь, каждый раз, думая о сексе, я буду думать о том, как он боготворил мои шрамы, как целовал мои несовершенства и называл их прекрасными, и как приказал мне раздвинуть ноги, просто чтобы он мог поклоняться мне совершенно по-иному.

Это вызывает слезы на глазах. Мысль о том, что я буду думать о них, пока его здесь нет, превращает меня в эмоциональный беспорядок.

Я в таком беспорядке. Сейчас не время плакать.

— Эй.

Он поднимается, ползая, и делая то, что я никогда не думала, что Ксандер когда-нибудь сделает снова.

Он обнимает меня, его рука лежит на моей пояснице, в то время как наши тела сливаются воедино.

Его большой палец проводит по моей коже, вытирая слезы.

— Ты не должна плакать.

— И ты не должен быть лучше, чем фантазия.

— Так и есть, да? — он показывает мне свои ямочки на щеках.

— Не будь таким высокомерным.

— Высокомерие мое второе имя, Грин. Ты забыла?

— Как я могла?

Я возвращаю ему улыбку, все еще не в силах поверить в то, что он вновь называет меня Грин. Что он обнимает меня, вытирает мои слезы.

Если это сон, пожалуйста, закончись сейчас. Не мучай больше.

В ответ на мою молитву Ксандер трется своим носом о мой, совсем, как в детстве.

— Может, мне следует сгореть.

— Сгореть?

— Да. — его глаза закрываются. — Потому что ты стоишь того, чтобы за тебя сгорели.

И с этим его дыхание выравнивается. Я кладу голову ему на плечо и изо всех сил сопротивляюсь сну.

Я просто собираюсь наблюдать за ним всю ночь.

Может, тогда сон не закончится.

Может, тогда мы окажемся в ловушке этого момента вечного блаженства, где нет ни тумана, ни внешнего мира.

Или это то, что я планирую.

Но в ту секунду, когда он рассеянно гладит меня по волосам, я проваливаюсь в самый глубокий сон, который у меня был за последние годы.

Глава 17

Ксандер

Бывают моменты, когда вы знаете, что что-то не так, но все равно делаете это.

Моменты, когда ты останавливаешься и думаешь: *Нет, я не должен этого делать*, но все равно продолжаешь.

Так происходит в моем подсознании. В моём эротическом, порнофестивальном подсознании.

Отныне мои сны должны соответствовать этому состоянию. Мягкие руки обхватывают выпуклость на моих джинсах, и я издаю стон.

Когда я открываю глаза, она рядом. Сон все еще здесь, прямо передо мной.

Она тоже полностью обнажена, ее грудь и эти дерзкие соски так и просятся в рот. Кимберли стоит на коленях между моих ног, как хорошая маленькая девочка, ее лицо красное, зеленые волосы в беспорядке.

И все же она выглядит, как богиня секса.

Лучшее, что когда-либо существовало.

Она возится с моим поясом, стягивая мои джинсы и боксеры вниз. Ее прикосновение неуверенное, даже невинное.

Точно так же, как я представлял себе свою Грин.

Мой член оживает от ее неопытных ласк. Он твердый, с того момента, как я попробовал на вкус ее киску, и требует погрузиться в нее и получить свою очередь.

Но я могу причинить так много вреда, даже во сне.

Ты уже это сделал. Дьявольский голос Коула звучит у меня в голове. С таким же успехом можно было бы пойти до конца.

Заткнись, демон.

— Что ты делаешь, Грин?

Мой голос хриплый от возбуждения.

Ее зубы покусывают нижнюю губу, ту полную, которую я хочу попробовать. Когда ее глаза встречаются с моими, они наполняются редким блеском, тем, который появлялся у нее, когда мы ездили в новые места, рисковали, а потом громко смеялись, добираясь до места.

Ее любопытная натура сияет, ее настоящая, ненастоящая.

— Я тоже хочу, чтобы тебе было хорошо. — ее хриплый голос, как афродизиак для моего изголодавшегося члена.

— Как заставить меня почувствовать себя хорошо?

Я все еще лежу на спине, но внимание не отвлекается от нее. Я хочу запечатлеть ее в своем сознании, чтобы, когда я проснусь, эти воспоминания не исчезли.

Возможно, проснувшись, ее вкус тоже останется на моих губах, и я вспомню, как она извивалась у меня во рту и кончала мне на язык.

Это другое, чем порно. Там они издают неглубокие, фальшивые звуки. Тихие всхлипы и вздохи моего сна были пыткой для члена.

— Я не знаю.

Она обхватывает руками основание моего члена, и я издаю глубокий горловой стон.

— Ты никогда не делала этого раньше?

Она один раз качает головой. Я ухмыляюсь, зная, что мой сон скажет то, что я хочу услышать больше всего.

— Почему нет?

Она приподнимает плечо.

— Обещай, что не сочтешь меня странной.

— Ты не странная, ты слегка странная.

— Обещай, — настаивает она.

— Отлично. Обещаю.

Она прикусывает уголок губы.

— Я думала, это будет противно.

— Что насчет сейчас?

— Это совсем другое. — ее щеки краснеют. — Я хочу этого.

— Потому что это я?

Она один раз кивает, проводя пальцами вверх и вниз по моей длине.

Рычание, которое вырывается из моего горла, это рычание животного.

Я не должен получать от этого удовольствие, но это самое сильное, что меня заводило за всю мою жизнь.

— Скажи это вслух, Грин.

— Потому что это ты, Ксан.

Ее глаза остаются на мне, когда она опускает голову и берет меня в свой горячий маленький рот.

Она мягкая, слишком мягкая, когда облизывает меня своим крошечным язычком маленькими поглаживаниями.

Я испытываю искушение позволить ей двигаться в таком темпе вечно, просто чтобы увидеть, как ее голова качается вверх и вниз, чтобы она оставалась такой до конца времен.

Хотя у моего члена другие идеи. Это достаточно мучительно.

Я наклоняюсь и зарываюсь пальцами в ее зеленые пряди. Она стонет, как лучшая эротическая фантазия.

— Ты убиваешь меня, Грин.

Ее ответ в виде движений ускоряется, но недостаточно быстро или недостаточно жестко.

— Посмотри на меня, — говорю я ей.

Она делает это, ее глаза такие огромные, что я почти вижу в них свое отражение.

— Я возьму все под контроль, и это может причинить боль.

Не знаю, почему я говорю ей это, но даже если она сон, она все равно моя Грин, в я всегда рассказываю своей Грин все.

Она медленно кивает, но ее губы дрожат вокруг моего члена.

Обхватив ее голову обеими руками, я игнорирую боль в забинтованной ладони и толкаю бедра так, оказываясь глубоко в задней части ее горла, как я всегда мечтал. Словно я всегда хотел этого, но у меня никогда не было возможности.

Кимберли не сводит с меня глаз, даже когда мои движения становятся дикими и жестокими. Она широко открывает рот и вбирает меня в себя так глубоко, как только может. Во всяком случае, этот любопытный блеск в ее глазах загорается сильнее, когда я сильнее в нее вонзаюсь.

Чем больше я трахаю ее рот, тем больше ее возбуждение наполняет воздух, ее соски твердеют, превращаясь в камешки.

Она возбуждена.

Так, так. Коул был прав. Самые, казалось бы, невинные самые дикие.

— Тебе нравится, когда я трахаю твой рот, Грин? — я хмыкаю.

Она отчаянно кивает, ее руки сжимают мои бедра, ногти впиваются в мою кожу, будто она что-то держит.

— Не позволяй никому другому трахать твой рот, — говорю я, как жалкая задница, забывая о том, что это не имеет значения. — Не позволяй им прикасаться к тебе, целовать тебя или видеть тебя голой. — она хмурит брови. — Если бы ты была моей, никто, блядь, не приблизился бы к тебе в радиусе двух метров.

Быть может, это мои слова или этот похотливый, любопытный взгляд в ее глазах, но я кончаю так сильно, что удивлен силой своего освобождения.

Моя спина и яйца напрягаются, когда я со стоном выливаюсь в ее горло. Сперма стекает с уголка ее рта на подбородок.

Я выхожу.

— Не глотай.

Она смотрит на меня со смущением в глазах, но подчиняется. Я протягиваю руку и хватаю ее за подбородок, открываю ей рот и смотрю на свое семя на ее губах и языке.

Помечено и заявлено.

Хотя бы на этот момент я хочу верить, что она моя.

Я закрываю ей рот.

— Проглоти все до последней капли.

Она глотает, ее горло работает в такт движению. А потом она делает что-то, что меня до чертиков удивляет.

Кимберли обвивает руками мою шею и набрасывается на меня со свирепым поцелуем, заставляя потерять равновесие и упасть на матрас.

Я лежу на спине, а она на мне всем телом, небрежно целуя, словно ждала этого долгое время.

Моя рука обнимает ее, и я возвращаю поцелуй. Попробовать себя на ее языке самое возбуждающее, что я делал в своих недавних воспоминаниях.

Официально это лучший сон на свете.

Мы целуемся, кажется, целую вечность, целуемся, как голодные животные, будто в тот момент, когда я проснусь, наступит конец света.

Это, вероятно и произойдет, не так ли?

В тот момент, когда я открою глаза, я не увижу ее зелень, не почувствую ее вкус на своем языке или не вдохну ее глубоко внутри себя.

Я закрываю ей глаза рукой, медленно стирая ее из памяти, заставляя исчезнуть.

Она не сопротивляется, даже когда ее тело дрожит над моим. Вместо этого она шепчет мне в губы:

— Что с нами произошло, Ксан?

— Не говори. Не разрушай это.

Я переворачиваю нас так, чтобы она оказалась подо мной, маленькая, красивая и готовая к тому, чтобы ее взяли.

— К черту все это. Я пойду до конца.

— До конца?

— Да, Грин. Я собираюсь трахнуть тебя жестко, быстро и грязно. Я буду ненавидеть себя за это и пожалею, что не могу надеть веревку на шею,

когда проснусь, но знаешь что? — я наклоняюсь, прикусывая ее мочку, прежде чем бормочу: — Это того стоит.

— Подожди. — она кладет свои тонкие руки мне на плечо. —

Проснусь?

— Я не хочу просыпаться.

— Ты уже проснулся. — ее глаза расширяются. — Это не сон, Ксан.

— Так говорят сны.

— Нет. Мы...

Дверь распаивается, прерывая ее.

— Ксан! Ахмед говорит, что я могу съесть пирожные и... — рыдания Кириана обрываются на полуслове, и его глаза увеличиваются вдвое, когда он смотрит на нас, а затем ухмыляется. — Привет, Кимми. Ты не говорила, что останешься ночевать у Ксана.

— Ой, черт, — бормочет она, прячась подо мной и натягивая на нас одеяло.

— Что вы делаете? — он спрашивает.

— Э-э... боремся. Это похоже на специальную борьбу.

Она с трудом подбирает слова.

— Могу я присоединиться? — ухмылка Кира огромна, когда он трусит в нашу сторону.

— Нет, Обезьянка. — она неловко улыбается. — Мы сейчас выйдем, хорошо?

— Я хочу присоединиться. Почему вы боретесь без меня?

Он хватается меня за предплечье, его крошечные ручки сжимают мои мышцы, которые все еще напряжены от того, как я прижимаю свое тело к ее.

Нет.

Черт возьми, нет.

Я протягиваю руку и щиплю ее за щеку, и... она не исчезает.

Почему, черт возьми, она не исчезает?

Потому что она настоящая, придурок. Очень настоящая.

Я не пьян и не сплю, пока Коул и Эйден сидят там в качестве демонов-хранителей.

Кимберли вздрагивает, прежде чем прошептать:

— Для чего это было?

Доказательство того, что я облажался.

Глава 18

Кимберли

— Где мои пирожные?

Голос моего младшего брата отвлекает меня от мыслей. Я была слишком сосредоточена на Ксандере, чтобы обращать на него внимание.

Он стоит за прилавком, снова режет пирожные на крошечные кусочки и вновь выходит из себя.

С тех пор как Кириан прервал нас этим утром, Ксандер оттолкнул меня, будто у меня заразная болезнь, и ни разу не посмотрел мне в глаза.

Он схватил свою одежду и умылся в другой комнате, взяв Кириана с собой.

Я даже не помню, как принимала душ. Все, что я помню, это дурное предчувствие, когда я оделась и чувствовала каждое его прикосновение, словно оно было выгравировано на коже.

Его язык, его руки. Черт, мой рот все еще болит от того, как он трахнул его и полностью овладел мной.

Затем он оттолкнул меня.

Затем сон, как он это называл, закончился.

Я стараюсь сохранять спокойствие, чтобы не было срыва, но чем дольше он избегает меня, чем больше я прикасаюсь к своему запястью, тем сильнее становится зуд, и я не хочу, чтобы этот зуд вышел на поверхность. Ни сейчас, никогда-либо.

Ксандер не разговаривает со мной уже тридцать минут, и всякий раз, когда он случайно встречается со мной взглядом, он замирает на секунду, прежде чем покачать головой и отвернуться.

Услышав слова Кириана, он улыбается и ставит тарелку перед нами. Я протягиваю руку и бросаю кусочек в рот, позволяя насыщенному

шоколадному вкусу занять мысли. Кириан ухмыляется, с удвоенной энергией набрасываясь на пирожные.

Я не осознаю, что ела с ним, пока мой рот не становится слишком сладким.

Черт. Это по меньшей мере пятьсот калорий с утра.

Тем не менее, я не чувствую себя плохо из-за них, как обычно. Наверное, потому что мамин голос сейчас не звучит в голове. Я не слышу, как она ругается, и не вижу цифр веса.

Единственное, что занимает мои мысли, это человек, стоящий за прилавком, наблюдающий, как Кириан ест, и полностью стирающий меня, словно меня не существует.

Никогда не думала, что настанет день, когда я буду ревновать Кириана, но это день настал.

— Ксандер, — шепчу я его имя, будто не должна была его произносить.

Как и раньше.

В течение многих лет он огрызался на меня за то, что я произносила его имя, но не прошлой ночью. Простой ночью ему нравилось, как прозвучало его имя на моих губах. Простой ночью он смотрел на меня по-другому, когда я называла его так, как мне всегда нравилось называть его — Ксан.

Его челюсть сжимается. Он зол, потому что стирал меня, а я предупредила его, что существую прямо здесь, у него на глазах.

Он ничего не говорит.

Я наклоняюсь, говоря ближе к его лицу. Он пахнет свежестью с оттенком мяты и бездонного океана.

— Я с тобой разговариваю.

— А я нет, — произносит он так небрежно.

Я собираюсь сказать что-то еще, когда Льюис Найт спускается по лестнице. Я вздрагиваю, понимая, что мы с Ксандером могли быть шумными, пока его отец был дома.

Потом вспоминаю, как Кир вошел к нам — что было намного хуже. Борьба? Действительно? Конечно, я могла бы придумать что-нибудь получше. Надеюсь, мы не оставили шрамов на всю жизнь моему младшему брату, и он верит в историю борьбы.

Льюис собирается направиться прямо к двери, но останавливается, заметив нас. Редкая улыбка появляется на его лице, когда он приближается к нам.

— Привет, мужчина. — он хватается салфетку и вытирает шоколад с щеки Кириана.

— Совершенно, верно, дядя. — Кир ухмыляется, показывая свои растущие зубы. — Я мужчина. Расскажи об этом всем остальным.

И Льюис, и я улыбаемся.

Но не Ксандер. Он поворачивается к нам спиной, взяв с кофеваркой. Его жесткая, напряженная спина, которая, кажется, вот-вот готова вырваться из футболки.

— Как ты, Ким? — Льюис спрашивает меня с теплым выражением лица, еще одна вещь, которую так нетипично для него показывать.

Он известен как влиятельный политик со строгими решениями. Вот почему он так хорошо ладит с отцом Сильвер.

Несмотря на свою среднюю внешность, он обладает красноречивым языком и харизмой, которая в десять раз компенсирует внешность. Возможно, Ксан пошел в него только по форме глаз. По форме, которая так похожа на форму глаз Кириана.

Я всегда шутила Ксандеру, когда мы были детьми, что Кириан похож на него, а не на меня.

Подождите.

Нет. Я качаю головой. Это абсолютно невозможно.

Уходите, глупые мысли.

Я притворно улыбаюсь.

— Я в порядке, спасибо.

— Как Кэлвин и Джанин?

Какого черта ты спрашиваешь о них? Я знаю, почему. Потому что они всегда были в некотором роде друзьями, особенно папа и Льюис; они вроде как выросли вместе, учились в одной школе, в одном университете и в одном чертовом мире.

Однако сейчас мой разум движется в совершенно неправильном направлении.

— Хорошо.

Ксандер оглядывается на меня, как только я заикаюсь, его брови сведены, затем он переключает свое внимание на Кириана, который совершенно не замечает напряжения, повисшего в воздухе.

Льюис вновь вытирает Кириану щеку. Я пытаюсь разглядеть сцену передо мной, любящий жест Льюиса или его улыбку, которая так же исчезла, как проходящий единорог, но не могу. Это невозможно.

Это все, что сейчас зреет у меня в голове.

— Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, — говорит мне Льюис.

— Что ты имеешь в виду?

Я стараюсь не казаться испуганной или на грани того, чтобы выпалить эти мысли, которые я сама не совсем понимаю.

Выражение его лица возвращается к нормальному, словно он осознает, сколько раз он, улыбнулся, выглядя чертовски влюбленным.

— С Кирианом или кем-то еще.

— Хорошо.

Ни в коем случае.

Он бросает неодобрительный взгляд на Ксандера, затем на забинтованную руку. Удивительно, как много он может сообщить только своими глазами. Он был приветлив со мной и Кирианом, но явно зол на своего сына.

И это понятно, учитывая то дерьмо, в которое вляпался Ксан. Алкоголь, бои, а теперь и рука.

Я сглатываю.

Он порезал руку, и полилась кровь. Как у меня.

Только, так ли это? Уверена, что он сделал это не нарочно. Однако это не значит, что рана не причиняет ему боли.

Ксандер улыбается своему отцу, и хотя на его щеках появляются ямочки, это вынужденная улыбка, за которой скрывается то, что кажется горечью.

— И тебе доброе утро, отец.

— Мы поговорим позже.

И с этими словами Льюис выходит за дверь.

Я смотрю на то место, где он стоял, рядом с Кирианом, мой разум заполнен всевозможными запутанными теориями.

Нет, нет. Я не буду думать об этом.

Ксандер улыбается Киру сверху вниз.

— Я пойду собираться в школу. Хорошо, Супермен?

Кириан, не поднимая головы, дает ему кулак, а затем они издают звук.

Я была бы тронута этой сценой, если бы мои внутренности не таяли.

Ксандер уходит с другой стороны — со стороны Кириана. Если он думает, что может убежать от меня, от этого, его ожидает ещё кое-что.

Он не может поцеловать меня, прошептать мне эти слова и зажечь мое тело в огне, чтобы просто уйти, будто этого никогда не было.

Он назвал меня Грин. *Его* Грин.

Спустя целых семь лет он наконец снова назвал меня Грин, и я не собираюсь притворяться, что это игра моего воображения или какой-то сон.

Мне надоело, что он мной помыкает, а я позволяю ему принимать решения во всей этой истории.

Мы всегда делали что-то вместе, и это не должно измениться.

Я бросаюсь к нему и становлюсь перед ним, не давая ему доступа к лестнице.

— Ты не можешь убежать.

— Убежать? — он смеется, и жестокость в его смехе медленно сокрушает меня. — Кто ты такая, чтобы я убегал от тебя?

— Но...

— Ты ничто, Рид.

— Пошел ты.

Я хотела сказать со злостью, но выходит слабо и с такой болью, что это жалко.

— Нет, спасибо.

— Но ты сделал это. Ты не можешь притворяться, что этого никогда не было.

Злобы в его глазах я никогда раньше не видела. На этот раз она ощутима и с явным намерением сломаться.

— Наблюдай.

— На этот раз я не буду стоять на месте. — я борюсь с резкостью в своем голосе. — Я не та девушка, ожидающая твоего одобрения, как потерянный щенок. Этой девушки больше нет. Если ты сотрешь меня, я сотру тебя еще сильнее.

— Конечно, — рычит он мне в лицо. — Сделай. Это.

— Что, черт возьми, с тобой не так? Почему ты продолжаешь это делать, Ксан?

— Прекрати произносить мое имя. — его глаза яростно сверкают, пока не становятся пугающе синими. — Прекрати со мной разговаривать. Прекрати находиться рядом со мной, блядь. Исчезни из моей гребаной жизни.

Затем он поворачивается и уходит по лестнице, оставляя меня, метафорически истекающую кровью.

Я содрогаюсь от эффекта его слов. Каждый из них подобен удару ножом в горло.

Мне было интересно, какую цену мне придется заплатить на этот раз, и вот мой ответ.

Это хуже, чем когда тебя называют отвратительной. Это все равно, что разрывать меня изнутри без всяких шансов на исцеление.

Когда-то он был моим рыцарем, моим якорем, моим теплым плечом. Теперь он злодей, который охотится за моей жизнью.

Теперь он хозяин этого удушливого тумана, который медленно обвивает своими щупальцами мое горло и перекрывает доступ воздуха.

Его спина это все, что я вижу, когда он поднимается по лестнице.

И я знаю, я просто знаю, что он прощается в самый последний раз.

Глава 19

Кимберли

Следующие три дня проходят как в тумане. Будто они есть, но их нет.
Не совсем.

Я сказала Эльзе, что заболела, и не пришла в школу.

По правде говоря, я устала.

Это один из тех случаев, когда всего слишком много. Воздуха, звуков, людей.

Всего этого.

Я смотрю на пустые пачки из-под чипсов, окружающие меня, и вытираю соль с губ.

Технически это называется расстройством пищевого поведения, когда вы едите все подряд, что попадает на глаза. Только не мои M&M's и фисташковое мороженое. Они священны, и я не хотела разрушать их на этом нечестивом месте.

Поэтому, завезя Кира домой к Генри на ночевку, я отправилась в продуктовый магазин и скупилла все чипсы и колу — не диетическую. Затем заехала в Макдоналдс и заказала самое большое меню гамбургеров и картофеля фри. Я закончила поход по магазинам, купив больше пирожных и тортов, чем могла унести. Много. Я все съела без определенного порядка.

Я просто ела, ела и ела, пока у меня не заболела челюсть, а желудок не запротестовал, но я не остановилась.

Даже после того, как меня стошнило, я перешла к заначке, сидя в туалете и продолжая есть, будто еда каким-то образом зашьет дыру внутри меня.

Этого не произошло.

Поэтому я выпила полбутылки текилы и приняла таблетку Ксанакса — или две?

Я сбилась со счета после того, как меня вырвало всем, что я съела. Алкоголь определенно пошёл после рвоты, потому что он в пустом желудке, как чистая, жгучая кислота.

На этот раз мне не пришлось совать палец в горло. Это похоже на то, как если бы мое тело отвергало пищу, потому что оно стало чужеродным существом.

Я кладу голову на закрытый унитаз после того, как во второй раз опорожняю желудок. Мой взгляд продолжает скользить по блестящему металлу среди беспорядка. Во мне больше нет сил встать и приводить себя в порядок. Я просто хочу остаться здесь и... исчезнуть.

Да, исчезнуть. Насколько это будет тяжело?

Ирония в том, что это даже не из-за, произошедшего с Ксаном — или этого не было.

Я могу пережить это, его отвержение и его полное замыкание. Чего я не могу пережить, так это надежды, которые были у меня в ту ночь, чувства, что у меня наконец-то появилась цель.

Всю свою жизнь я боролась с этим, с поиском места и кого-то, кому я могла бы обнажиться.

Ксандер дал мне это. Он увидел меня, и в отличие от того, чего я всегда боялась, он не испытывал ненависти к, увиденному.

Но потом он выдернул ковер у меня из-под ног.

Найти место, которому ты принадлежишь, просто чтобы понять, что ты никогда не принадлежал, похоже на предательство. Возможно, это худший вид предательства.

Возможно, в тот день, когда я бросила его в лесу, Ксандер тоже почувствовал себя преданным, и именно поэтому с тех пор мстит.

Я понимаю — я все равно думаю, что могу. Я просто не могу притворяться, что это не влияет на меня или что я могу быть сильной.

На что вообще похоже быть сильной?

Это просыпаться по утрам и не смотреть на острое лезвие, которое я украла из кухни Мари? Улыбаться, общаясь с папой по FaceTime, хотя мне хочется крикнуть ему, чтобы он вернулся? Заставлять себя смотреть в зеркало, чтобы сделать макияж?

Или, возможно, смотреть в глаза своему рыцарю, а видеть незнакомца, смотрящего на меня в ответ.

Когда-то давным-давно он был моим. Сейчас он, что угодно, но не мой.

Туман становится гуще с каждым вдохом, обволакивая, как петля.

Впервые в жизни у меня нет ни сил, ни желания бороться с этим.

Мне абсолютно нечего терять, и мне есть от чего страдать.

— Какого черта, Кимберли? — мамин голос звучит как сигнал тревоги, прежде чем ее тень падает на меня в ванной.

Как маленький ребенок со сломанными крыльями, я подползаю, сажусь и смотрю на нее. Понятия не имею, как выгляжу. На мне пижама, а волосы собраны в беспорядочный пучок. Сегодня утром я нанесла тушь, чтобы ее можно было размазать по всему лицу. Я не стала проверять, потому что при мысли о том, что я увижу своё лицо, мне захочется все испортить.

Мама, однако, в своих дизайнерских брюках с рубашкой цвета хаки и туфлями на каблуках. Ее густые каштановые волосы элегантны и красиво завиты.

— Привет, мам, — бормочу я, затем прикрываю рот рукой.

Я пьянее, чем предполагала. Ой.

— Ты пила? — она качает головой и указывает на контейнеры с едой, полупустые пачки: — И что это за нездоровая пища? Что я говорила о похудении, Кимберли?

— Прости. — мой подбородок дрожит. — Мне жаль, что я тебя разочаровала, мам. Мне жаль, что тебе приходится торчать с кем-то вроде меня.

С каждым словом, слетающим с моих губ, слезы текут по щекам. Но это не только слезы. Они все, что я чувствовала с тех пор, как была ребенком.

Каждый раз, когда мама появляется на виду, я чувствую себя такой маленькой; я неправильно одеваюсь, неправильно дышу, неправильно веду себя.

Я существую неправильно.

— Если тебе жаль, исправь это. — она смотрит на меня свысока. — Будь достойна быть моей дочерью хоть раз в своей бесполезной жизни.

Я отчаянно киваю.

— Я все исправлю.

Она еще раз оглядывается, и ее губы сжимаются в тонкую линию, в отвращении, в разочаровании.

Мама не видит ни меня, ни шрама на виду, так как моя пижама с короткими рукавами. Она не видит слез, собирающихся в глазах, или криков, скрывающихся за этими слезами.

Она видит беспорядок, в котором застряла. Она видит кого-то, кто может разрушить ее имидж.

Это все, чем я была для нее с тех пор, как родилась, — обузой, чертовой ошибкой.

Я слышала, как она сказала это папе в прошлом году, примерно в то время, когда мое психическое здоровье резко ухудшилось и туман стал моим постоянным спутником.

Мы не должны были позволять ей появиться на свет. Посмотри на нее. Она в полном беспорядке, Кэлвин.

Папа боролся с ней и вступился за меня, но я не помню его слов. Странно, как человеческий разум фокусируется только на определенных вещах. Я помню только, как она говорила, что я в беспорядке.

Возможно, это потому, что я всегда жаждала внимания, которого она никогда не давала, любовь, которую она никогда не проявляла, и заботы, на которую она не способна.

И все же я ловлю себя на том, что умоляю ее взглядом.

Посмотри на меня, мама.

Помоги мне.

Стань моей мамой.

Она поворачивается и уходит, даже не взглянув. Выходя, она бормочет себе под нос:

— Что я сделала, чтобы заслужить это?

Сильная волна тошноты накатывает на меня, и я открываю крышку, хватаясь за края обеими руками, и жду, пока ничего не выходит. У меня кружится голова, и я чувствую, будто меня вырвало душой, а не внутренностями.

Туман вторгается в ванную, как существо. У него большое тело, наполненное черным дымом в то время, как невидимые руки обвиваются вокруг моего горла.

Исправь это, Кимберли.

Будь достойна быть моей дочерью хоть раз в своей бесполезной жизни.

Посмотри на нее. Она в полном беспорядке.

Мамины слова затягивают воображаемую петлю на моей шее, или все это выдумка? Может, это те слова, которые мне всегда нужно было услышать. Это все, чем я являюсь.

Неудачница, мусор. Никому не нужная.

Ничто. Как насчет того, чтобы стать ничем?

Эти голоса усиливаются и сжимаются вокруг моей груди, как шипы, впиваясь в сердце.

Исчезни из моей гребаной жизни.

Слова Ксандера подобны тому последнему удару. Они даже не самые сильные, но самые смертельные.

С тех пор как мы были детьми, он был моим убежищем от мамы. Он не только отнял это, но и занял свою позицию в качестве моей поддержки, моего безопасного убежища.

Потом он притворился, что меня не существует.

Он еще хуже, чем она. По крайней мере, она никогда не притворялась, что заботится обо мне.

Он показал мне мир, а затем столкнул меня с края.

Он нарисовал звезды на темном небе, а затем одним движением опустил их вниз.

Когда мы были маленькими, и я сказала ему, что люблю звезды, он подарил мне одну, особенную звезду. *Это от настоящей звезды*, сказал он. Он украл ее у своего отца, и я должна держать ее в секрете.

Я роюсь в кармане и достаю браслет с уродливым черным мотивом посередине.

Он сказал, что снаружи он уродлив, но только потому, что он путешествовал по планетам, чтобы оказаться со мной навечно.

Лжец.

Я достаю телефон и набираю сообщение, которое всегда хотела ему отправить, но так и не набралась смелости.

Это может быть алкоголь, или таблетки, или и то, и другое.

Кимберли: *Хотела бы я, чтобы ты никогда не был моим другом. Хотела бы я, чтобы ты никогда не говорил мне, что будешь рядом со мной. Хотела бы я, чтобы ты не знал так много обо мне и все равно предпочел не быть со мной. Хотела бы я, чтобы никогда не было ни меня, ни тебя, ни нас.*

Я роняю телефон на бок.

Туман, держащий меня за шею, превращается в веревку, тугую и твердую.

Это место, где все и вся возможно. Мир у меня на кончике пальца, так что я беру его.

Сунув руку под пустые пакеты из-под чипсов, я достаю лезвие. Оно лежало там все время с едой, алкоголем и таблетками — теми, которые мама не видела, потому что она никогда не видит меня.

Когда все так быстро ухудшилось? Когда я начала так сильно терять себя и не иметь возможности выбраться?

Вот каково это, когда ничего не осталось и все это просто... туман?

Туман не лжет. Туман был здесь много раз раньше, когда я терялась в этом порыве и не могла выбраться.

Или это порыв?

Может, это то, что я всегда должна была сделать.

На этот раз моя рука не дрожит, она тверда и точна. На этот раз я не плачу и не смотрю на дверь, ожидая, *надеясь*, что мама придет и скажет, что она здесь ради меня.

На этот раз все кончено.

Я разрезаю вены вертикально двумя длинными быстрыми движениями. Сначала это жалит. Я чувствую, но в то же время не чувствую.

Кровь сочится в устойчивом ритме, красная и яркая. С ее помощью вся боль отфильтровывается, и приносит... облегчение. Полное облегчение.

Но этого недостаточно.

Поэтому я делаю порез сильнее, не горизонтально, как новичок, а вертикально и глубоко, пока кровь не брызгает небольшим фонтаном вокруг.

Полный беспорядок, как и говорила мама.

Может, она тоже назовет это беспорядком, когда найдет меня.

Головокружение накатывает на меня почти сразу. Мой взгляд сосредоточен на крови, когда голова откидывается к стене. Я пытаюсь сосредоточиться на ране и на том, как она очищает меня от тумана, как освобождает меня, но все, что я вижу, это браслет и эту дурацкую звезду.

Звезду, которую у меня не было возможности надеть, потому что я всегда боялась, что он отнимет.

Теперь ничего не изменится.

Теперь я та, кто забирает все и оставляет это пустым. Туман медленно рассеивается, но никто не проходит, никто не врывается в дверь и не говорит мне не уходить.

Может, это потому, что я всегда должна была уйти.

Звук всего, что заканчивается, это... и есть конец.

Слеза скатывается по моей щеке, когда я закрываю глаза и отдаюсь
темноте.

Глава 20

Ксандер

С самого утра сплошная неразбериха.

Или, может, моя жизнь с самого начала сплошное дерьмо, и я только начинаю это понимать.

Мы с отцом поговорили о реабилитации — секретно, конечно, потому что он не может рисковать, чтобы его политические враги или пресса узнали, что его сын неудачник.

Очевидно, я отказался. Потом он напомнил мне о проблемах мамы с алкоголем и о том, что я становлюсь похожим на нее.

Поэтому я ответил, что хотел бы остаться со своей мамой, ее алкоголизмом и психическими проблемами, а не с ним.

Он странно посмотрел на меня, что заставил меня немного пожалеть о, сказанном, а затем ушел.

Я не должен жалеть отца; он должен жалеть меня. Он разрушил мою жизнь многими способами, и я даже не имею в виду с мамой.

Он сделал что-то гораздо худшее, что медленно, но верно разрушало мою жизнь.

В конце концов, он Льюис Найт. Если он сможет пережить допрос в парламенте, он сможет пережить своего сына.

Потом я вроде как попытался избить Коула и Эйдена за то, что они позволили Кимберли прийти в мою комнату той ночью и спровоцировали все дерьмо. У меня нет никаких сомнений в том, что они являются причиной этого.

Коул просто рассмеялся и сказал:

— Значит, что-то все-таки произошло.

Эйден ухмыльнулся, как гребаный псих, и похлопал меня по спине.

Я был слишком пьян, чтобы ударить их, так что все закончилось полу ударами.

Они могли бы подготовить почву, но я тот, кто поцеловал ее, завладел ее языком, проглотил ее, как изголодавшееся животное, а затем трахнул ее рот, словно он всегда принадлежал мне.

Мои внутренности сжимаются при мысли, при воспоминании, при мысли о том, что, черт возьми, я натворил.

Я солгал ей.

Я никак не могу притвориться, что этого не было. В течение трех дней эта ночь все, о чем я думал.

Я могу солгать себе и сказать, что со временем все пройдет, но, как и все мои воспоминания о ней, они просто усилятся, и все, чего я захочу, это ворваться в ее комнату и повторять это вечно.

Пошел ты, извращенный разум. Ты должен сгореть вместе с Коулом.

Как будто моя неделя еще не была полным дерьмом, я также сижу не с кем иным, как с главным ублюдком, убийство которого я замышлял уже некоторое время.

Мы с Ронаном в The Meet Up, потому что капитан назначил встречу команды. Я готов ко всему, что помешает мне действовать в соответствии со своими импульсами.

Я мог бы выпить по дороге сюда, но только раз. Я не настолько схожу с ума, чтобы не признать, что этот ублюдок, Коул, подставил нас.

Ронан ухмыляется, как гребаный идиот, сидя напротив. Я сжимаю кулак, в желании повалить его.

— Давно не виделись, Найт. Ну, знаешь, отдаленно трезвого Ксандера.

— Пошел ты, Астор.

Я смотрю куда угодно, только не на него.

The Meet Up это небольшой коттедж, принадлежащий Эйдену, с прямым выходом в лес и озером на заднем дворе. Он уютный, оформлен в теплых деревянных тонах. Мы вчетвером всегда приезжаем сюда, сбегая от

своих семей. Есть что-то освобождающее в избавлении от наших ограничений, наших имен и фамилий и всего того дерьма, которого от нас ожидают.

Нас учили, кем мы должны стать, прежде чем мы узнали, каково это быть детьми. Наверное, поэтому мы никогда не были настоящими детьми.

Молодые в телах. Взрослые в умах.

Помню, как Эльза впервые привезла сюда Кимберли. Она смотрела в пространство с удивлением в зеленых глазах. Такой же взгляд у нее бывает, когда она читает свои книги и смотрит драмы.

В течение многих лет я старался отделить ее от компании, потому что, если бы она сблизилась с моими друзьями, она бы сблизилась со мной, а я не мог этого допустить.

Пока я все не испортил.

Возможно, я игнорировал ее последние несколько дней, но она единственная, кого я видел. Единственная, за кем я наблюдал. Единственная, кто существует в море размытых существований.

Есть люди, а есть она. И она всегда ярко сияет среди них.

— Почему ее не было сегодня, Найт?

— Я не ее гребаный опекун.

Я взял за правило не смотреть на нее сегодня, если не считать того времени, когда она забирала Кириана. Я наблюдал за ним, а *не* за ней.

— Ты прав, я должен навестить и спросить сам. — он ухмыляется. — В конце концов, мы встречаемся.

— Или я могу надрать тебе зад, — улыбаюсь я в ответ.

— Отлично. Выплесни всю эту энергию наружу. Чем быстрее ты закончишь, тем скорее я поеду к ней.

— Что, черт возьми, с тобой не так, Астор? С каких это пор ты так сильно о ней заботишься?

— Раз тебе не все равно, *mon ami* — *мой друг*. Я за замученных героинь.

У меня вырывается вздох.

— Это не то, что ты думаешь.

— Тогда скажи мне.

Я подумывал об этом с тех пор, как он начал придуриваться из-за всей этой ситуации. В конце концов, Эйден и Коул знают. Я рассказал Эйдену только в пьяную ночь, а Коул понял сам.

У Астора, однако, длинный язык. Если он узнает, узнает и она, а мое душевное состояние на нуле, чтобы справиться с этим.

— Ты ей расскажешь. — я поднимаю плечо.

— Если это касается ее, то, черт возьми, я ей расскажу. — он делает паузу. — *Attend une seconde* — *Подожди секунду*. Остальные знают?

— Да.

— Какого черта, Найт? Я рассказываю тебе все свое дерьмо.

— А я не публикую это в *Daily Mail*, в отличие от тебя, ублюдок.

— Ну, раз уж мы об этом. — он улыбается своей невинной, но тайно злой улыбкой, когда встает. — Я рассказал ей о реабилитации, отъезде из страны и о том, что ты всегда наблюдаешь за ней.

— Что. За. Черт.

Он оглядывается на меня.

— Знаешь что? Я забираю ее, Найт. Все кончено.

В одно мгновение я сижу, в следующее вскакиваю, падаю вместе с ним на пол и начинаю бить его. На этот раз он борется со мной. Мы катаемся и бьемся друг с другом. Стол падает, и что-то разбивается, но мы не останавливаемся.

— Ты должен быть моим другом, *моим* блядь другом. — я бью его кулаком.

— А ты должен быть лучше, чем ты есть. — он ударяет меня.

Не знаю, как долго мы бьемся, но этого достаточно, чтобы я перестал чувствовать свои удары, а рот и нос Ронана стали окровавленными. Я, наверное, тоже истекаю кровью, учитывая боль на нижней губе.

Мы падаем на ковер, лежим бок о бок, тяжело дыша в тишине комнаты.

— Я просто разочарован в тебе, — говорит Ронан самым серьезным тоном, который я когда-либо слышал от него. — Я ненавижу видеть, как ты причиняешь ей боль и страдаешь в ответ. Кто ты, черт возьми, такой?

Мазохист?

Я смеюсь, но смешок невеселый.

— Возможно, да.

— Твоя мать ушла, потому что твой отец причинил ей боль. Как ты можешь повторять этот цикл, *connard* — *мудак*?

— Поверь мне, это не одно и то же.

— Как это?

Я вздыхаю, собираясь сдаться и просто выпустить все это наружу. Возможно, я и вырос с Эйденом и Коулом, но Ронан мне ближе всех. Мы всегда тянулись друг к другу, как Эйден и Коул. Такова природа. И с тех пор, как Ронан рассказал мне свою смертельную тайну несколько лет назад, я стал с ним ближе, чем когда-либо прежде.

Единственная причина, по которой я не раскрыл ему секрет, заключается в том, что, в отличие от меня, он действительно не держит рот на замке.

Прежде чем я успеваю продолжить эту безумную идею, дверь открывается.

Эйден и Эльза заходят внутрь, обнимая друг друга, в то время как Тил идет рядом. Мы смотрим на них вверх ногами, учитывая наше положение.

У меня сжимается грудь, когда я обыскиваю их сзади и не вижу никаких ее следов.

Не то чтобы я хотел ее увидеть.

Лжец.

Ты чертов лжец.

Мне нужно выпить прямо сейчас.

— Черт, я пропустил бой.

Эйден выглядит искренне огорченным. Мудак.

Ронан встает первым и протягивает мне руку. Я хватаюсь за него, поднимаюсь на ноги и вытираю нижнюю губу большим пальцем.

— Где этот ублюдок Нэш? — я спрашиваю.

— Занят. — Эйден указывает на нас. — Во что бы то ни стало, не останавливайтесь из-за нас. Мы можем повторить?

— Секс, наркотики, а теперь и насилие. — Тил смотрит на Ронана сверху вниз, как на бездомного, грязного пса. — Какое очарование.

Поскольку он находится рядом со мной, я замечаю изменение в его поведении, то, как его тело наклоняется вперед, будто для борьбы, но он ухмыляется, показывая зубы.

— Рад быть развлечением, *ma belle* — красавица.

— Развлечением? — она закатывает глаза. — Больше похоже на зону военных действий.

— Тогда тебе следует укрыться, а?

— Ты в порядке?

Эльза отходит от Эйдена и достает из рюкзака салфетки, чтобы вытереть кровь со рта и носа Ронана.

Тил надевает наушники и неторопливо двигается посреди всего этого беспорядка, словно этого не существует. Затем садится на диван, недвусмысленно говоря, что потеряла интерес к этой сцене.

В любом случае, я понятия не имею, почему она здесь.

Пока Эльза вытирает лицо Ронана, левый глаз Эйдена дергается, а это значит, что его внутренний демон вот-вот выйдет наружу.

Просто чтобы быть придурком, я говорю:

— Что насчет меня, Эльза? Он испортил мне лицо.

— Не ты. — она не отрывает своего внимания от Ронана.

— И не он тоже. — Эйден тянет ее за руку и швыряет салфетки в грудь Ронана.

Последний ухмыляется.

— Но мне нравятся мягкие руки Элли.

Эйден одаривает его насмешливой улыбкой.

— Уверен, тебе также понравится могила, которую я для тебя выкопал.
Я делаю ее красивой и уютной.

— Почему не я? — я спрашиваю Эльзу. — Ты ведешь себя так, будто не знаешь?

Она складывает руки на груди, пригвоздив меня хмурым взглядом, как строгая учительница.

— Я не знаю.

— Не могу в это поверить. Ты такой самонадеянный ублюдок.

Я одариваю ее самодовольной ухмылкой.

— Я бы, наверное, лучше воспринял комплимент, если бы мы поместили его в контекст.

— Ким притворилась, что у нее грипп, чтобы она могла сбежать от тебя сегодня. Она даже не отвечает на мои звонки или сообщения.

Ронан смотрит на меня так, словно хочет сказать: Я же тебе говорил.

Я сопротивляюсь желанию пихнуть его.

— Как я уже говорил, я не ее опекун.

— Тогда перестань сбивать ее с толку, черт возьми, — огрызается Эльза. — Оставь ее в покое, чтобы она могла начать свою жизнь без твоей грязи.

— Жаль, что ты не можешь указывать мне, что делать. — я машу им.
— Я ухожу.

— Ты просто трус! — Эльза кричит мне в спину. — Ты никогда ее не заслужишь.

Я бросаю на нее взгляд через плечо, когда Эйден удерживает ее на месте, обхватив обеими руками за живот, в то время как она безуспешно пытается освободиться.

— Мы согласны на это, — говорю я, а затем выхожу в ночь.

От холодного воздуха по коже бегут мурашки. Мое лицо немеет, а морозный воздух проникает до костей.

Я останавливаюсь перед своей машиной, достаю сигарету и закуриваю. Дым действует как транквилизатор мгновенного действия. Я ненадолго закрываю глаза, наслаждаясь острым вкусом.

У меня есть выбор: либо выпить, либо подраться.

Или я могу сделать и то, и другое.

В конце концов, у меня ограниченное время, пока меня не отправят туда, куда отец сочтет нужным. Мне восемнадцать, и я мог бы уйти сам, но куда бы я пошел?

Может, мысль об одиночестве раздражает меня больше, чем отсутствие роскошной жизни.

Я могу представить себя через десять лет, веселящимся, дерущимся и пьющим. Или, может, меня не будет в живых через десять лет, потому что меня убьют в одном из боев.

Или из-за того, что я утопил свою печень в алкоголе.

Мой телефон вибрирует.

Я оставляю сигарету во рту, доставая мобильник.

Паразит в моей груди немедленно набирает скорость. Как будто я нахожусь в мрачном мире, а потом врывается она в виде искры.

Искра, которую я медленно убивал — одновременно убивая и себя.

Это сообщение.

Кимберли: *Хотела бы я, чтобы ты никогда не был моим другом.*

Хотела бы я, чтобы ты никогда не говорил мне, что будешь рядом со мной.

Хотела бы я, чтобы ты не знал так много обо мне и все равно предпочел не быть со мной. Хотела бы я, чтобы никогда не было ни меня, ни тебя, ни нас.

Мои губы приоткрываются, а сигарета почти падает на землю, пока я читаю и перечитываю текст.

Нет.

Нет, она этого не сделала.

Я набираю ее. Она не поднимает трубку. Я пинаю машину и не останавливаюсь, чтобы подумать о боли, пока печатаю.

Ксандер: *Возьми, блядь, трубку, Кимберли.*

Ответа не следует.

Ксандер: *Я не жалею, что встретил тебя. Я никогда не жалел.*

По-прежнему без ответа.

Черт!

Я выбрасываю сигарету и прыгаю в свою машину, возвращаясь домой на скорости, на которой раньше никогда не ездил.

Я прибываю ровно через пять минут. Все время я продолжаю звонить ей.

Потом я звоню Киру, и он говорит, что проведет ночь со своим другом.

Это заставляет меня ударить по рулю, как только я вешаю трубку. Он был ее равновесием и тем, на кого она смотрела, когда ее поглощали эти разрушительные мысли.

Теперь, когда его нет рядом, ее ничто не останавливает.

Не смей, Грин. Не смей, блядь, так поступать.

Я сворачиваю на подъездную дорожку к дому Рид и выбегаю, не потрудившись закрыть дверцу Порше.

Я не притворяюсь невежественным, когда набираю код их дома. Я видел, как она вводила его тысячу раз. Кроме того, Кир часто забывает код, и мне приходится ему помогать.

Никто не приветствует меня, когда я захожу внутрь. Эта сука Джанин, должно быть, у себя в студии, а Мари, наверное, крепко спит.

Я вновь набираю код, отключая сигнализацию, затем поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Что-то такое у меня в груди с тех пор, как я прочитал ее сообщение. Что-то нездоровое, темное и такое чертовски неправильное.

Не смей.

Не смей.

Не смей.

Я останавливаюсь у ее комнаты, пальцы неуверенно толкают дверь, открывая ее.

Не было дня, чтобы я забыл, где ее комната, или как мы вместе сидели и смотрели шоу, или как она рассказывала мне анекдоты, которые не были смешными, но я все равно смеялся, потому что выражение ее лица было очаровательным.

Тот факт, что я возвращаюсь сюда при таких обстоятельствах, подобен удару прямо в пах.

— Кимберли.

Ее имя застревает у меня в горле, когда ноги медленно волочатся по полу.

Ответа не следует.

— Я вхожу.

По-прежнему без ответа.

Я вхожу в ее комнату, и никого. Только ее застеленная кровать и открытый шкаф, набитый зеленой одеждой.

Вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, я не могу дышать. Мои легкие горят, когда я направляюсь в ванную, странное предчувствие говорит мне, что она там.

— Кимберли?

Я зову в беспомощной попытке получить ответ. Или звук.

С ее стороны сойдет все, что угодно.

Я волочу ноги ко входу, и передо мной материализуется наихудший сценарий.

Кровь.

Так много крови.

Кимберли сидит на полу возле унитаза, прислонившись спиной к стене, ее окружают пакеты с чипсами, таблетками и бутылкой алкоголя.

Ее голова склонена под неловким углом, а зеленые пряди наполовину скрывают выражение ее лица.

Мои глаза устремляются прямо на кровавый след, пропитывающий ее пижаму и плитки под ней.

Так много крови.

Одна из ее рук держит лезвие, а ее ранее покрытое шрамами запястье теперь разрезано, кровь сочится по всей белой плитке.

Я бегу к ней, громко ругаясь, как сумасшедший, и хватаю по дороге полотенца.

Первое полотенце впитывается сразу после того, как я его заворачиваю, поэтому добавляю еще одно. Затем что-то блестит в ее порезанной руке.

Окровавленный браслет свисает с ее пальцев.

Я почти ломаюсь от этого. Это браслет, который я подарил ей на одиннадцатый день рождения. Последний подарок, который я ей сделал, который, как я думал, она выбросила.

Я выталкиваю эту мысль из настоящего и кладу два пальца на точку пульса на ее шее, продолжая давить на запястье.

Время ожидания, вероятно, составляет секунды, но кажется, что прошли века. Чем больше она не подает никаких признаков жизни, тем больше я перестаю дышать.

— Давай, Грин.

Мой голос хриплый от сдерживаемых эмоций, бурлящих внутри.

Я крепче сжимаю ее запястье, прижимаясь лбом к ее лбу.

— Не уходи, пожалуйста. Я буду тем, кто уйдет, я обещаю.

В тот момент, когда ее пульс бьется под моим большим пальцем, я глубоко вздыхаю. Как будто я выхожу из темного, удушливого подземелья.

Ее пульс слабый и едва заметный, но он есть.

Я обматываю еще одно полотенце вокруг ее запястья, удерживая давление, пока набираю 999.

С этого момента есть только два варианта. Либо она выживет, либо я нет.

Глава 21

Кимберли

Оцепенение.

Это единственное чувство, которое остается в моей голове, когда я медленно открываю глаза.

Это что-то странное. Я имею в виду оцепенение.

Ничего. Никаких эмоций. Никаких мыслей. И самое главное, никакой боли.

Это как чистый холст.

Я всегда ненавидела чистые холсты, когда мама приносила их. По крайней мере, она уделяла им внимание и делала из них произведения искусства.

Люди думают, что лучше всего иметь состояние «ничто».

Нет.

Медленно это ничто превращается в безвозвратную тьму, из которой вы никогда не сможете выбраться.

Туман. Оцепенение.

Хотя я никогда не обладала маминой художественной жилкой, я всегда хотела, чтобы кто-нибудь прикоснулся к моему чистому холсту, нарисовал на нем, оживил его.

Сделал это произведением искусства.

Медленно, слишком медленно мое окружение осознает происходящее. Белые стены и отбеливатель. Непонимание, а затем... понимание.

Больница.

Я в больнице, потому что порезала себя. На этот раз я зашла слишком далеко. На этот раз мне не нужно искать в Гугле способы остановить кровотечение или скрыть шрамы.

Вот тогда-то меня и постигает самое страшное осознание.

Я не мертва.

Слеза скатывается по моей щеке, когда я погружаюсь в эту реальность, в тот факт, что я прошла весь путь, но все еще не могу умереть.

Как я могу быть неудачницей даже в смерти?

Я все еще дышу, и туман скоро покроет мои чувства и заключит меня в свои крепкие объятия, и на этот раз никогда не отпустит.

Боль будет в десятки раз сильнее.

Жестокость будет в сотни раз более жестокой.

Реальность будет гораздо более беспощадной.

Тогда это «что-то» нападет на меня, и я не найду от этого отсрочки.

Кто меня нашел? Почему они спасли? Должна ли я быть благодарной?

Разозлиться?

— Ангел?

Мои мышцы напрягаются от папиного голоса.

Нет, не он.

Пожалуйста, только не папа.

Я не хочу, чтобы он видел меня такой. Почему он вернулся?

Отвернувшись, я так крепко зажмуриваю глаза, надеясь вопреки всему, что он подумает, что я снова заснула, и уйдет.

Просто уходи, папочка. Не смотри на то, кем я стала.

Большие руки обхватывают мои, и я почти проигрываю борьбу с переполняющими эмоциями, бурлящими внутри.

— Ангел, пожалуйста, посмотри на меня. Это папа.

— Это потому, что ты папа, и я не хочу, чтобы ты ненавидел меня.

— Я никогда не возненавижу тебя, Кимберли. — его голос становится не подлежащим обсуждению. — Никогда, ты слышишь меня?

Мои веки медленно открываются, и я смотрю на него, сидящего у моей кровати, держащего мою забинтованную руку так нежно, словно она может сломаться в любую секунду.

Отец, Кэлвин Рид, подтянутый мужчина сорока пяти лет. Легкая щетина покрывает его острый подбородок. У него сильное, высокое телосложение, которое придает ему столько харизмы и силы. Его светло-каштановые волосы всегда уложены и безупречны, его костюмы сшиты на заказ для него и только для него.

Папу и маму называют одной из самых красивых пар в средствах массовой информации, и хотя Кир вписывается в эту идеальную семью, но не я, никогда.

Прямо сейчас папа не в своем обычном безупречном наряде. Его волосы в беспорядке, будто он проводил бесконечное количество раз по ним пальцами. Галстука тоже нет, и первые пуговицы рубашки расстегнуты. Черные круги окружают его глаза, как напоминание о том, что я нарушила его жизнь.

— Тебе пришлось лететь ночным рейсом из-за меня? — шепчу я испуганным голосом.

— Я бы совершил миллион полетов из-за тебя. — он протягивает руку, чтобы ослабить галстук, затем понимает, что его нет, и опускает руку. — Ты не обуза, Ангел. Ты моя единственная дочь. Знаю, я потерпел неудачу, но я буду усерднее работать для тебя — для нас и нашей семьи. Мне просто нужно, чтобы ты поговорила со мной.

Мой подбородок дрожит, и требуется все силы, чтобы не найти в нем убежища.

Я не могу беспокоить папу. Он занятой человек, и ему не нужна вся эта неразбериха в его жизни.

— Пожалуйста, Ангел. *Пожалуйста*, позволь мне помочь тебе... — его голос срывается, и первые слезы текут по моим щекам.

— П-папочка, я не хочу видеть маму, пожалуйста? Я не хочу видеть, как сильно она ненавидит меня и разочарована во мне.

Его челюсть напрягается, и он говорит красноречивым голосом:

— Ты не увидишь ее. Я обещаю.

— Что, если... Что, если мама возненавидит меня, что, если она...

— К черту ее, — огрызается он, затем заставляет себя улыбнуться. —

Если она ненавидит тебя, то только потому, что думает, что ты отражение ее уродства. Дело не в тебе, Ким. Дело в ней, в ее представлении о себе и в ее чертовой художественной философии. Мне так жаль, что я не нашел времени сказать тебе об этом раньше. Мне так жаль, Ангел.

Эти слова моя погибель.

Я бросаюсь на него, обнимаю за талию и утыкаюсь головой в плечо.

Рыдания, вырывающиеся из моей груди, безобразны и сбивают с толку, но я не останавливаюсь.

Я не могу остановиться.

Словно я всю свою жизнь ждала такого момента, как этот. Это даже лучше, чем очищение, которое я испытывала всякий раз, когда резала или глотала таблетки.

Это воображаемое и временное освобождение; вот это настоящее.

Все слишком реально.

Папа пахнет сандаловым деревом и уютными ночами. Его объятия возвращают меня в детство, когда он обычно нес меня на плечах и просто выводил на улицу.

Когда позволял мне спать в его объятиях всякий раз, когда меня пугали кошмары.

Когда он играл со мной и читал мне сказки после того, как бабушка не могла.

Когда папа был частью моей защиты от мамы.

Я потеряла его из-за работы и так и не смогла вернуть.

— К-Кир, — выдавливаю я между всхлипываниями. — Я... он здесь?

Не позволяй ему увидеть меня в таком виде, папа.

— Не волнуйся, он с Генри.

Ох, слава Богу. Я не могу снова оставить на нем шрам.

Что со мной не так?

Как я могла так поступить, не думая о других людях в моей жизни? Как я могла не подумать о Кириане и о том, каким одиноким он был бы в этом мире? Как я могла не думать о папе, который, хотя и обнимает меня и шепчет мне успокаивающие слова, его грудь поднимается и опускается с резкими вдохами, словно она вот-вот загорится?

Я собиралась оставить папу и Кира. Я собиралась вонзить им нож в грудь и уйти, не задумываясь о глубине раны, которую я нанесла.

— Мне так жаль, папочка. — я икаю, мой голос приглушен его рубашкой.

— Мне тоже жаль, Ангел. Мне жаль, что я не увидел этого раньше или не защитил тебя.

— Н-не говори так, папочка. Ты всегда защищал меня.

— Недостаточно.

— Папа...

Он протягивает руку между нами и вытирает мои слезы.

— С сегодняшнего дня обещаю, что будешь говорить со мной.

Я киваю, шмыгая носом. Долгое время я мечтала о подобном. Я также практиковалась в этом каждую ночь.

Да. Я практиковалась в то время, когда открывалась кому-то о тумане, который поселился в моем мозгу.

Я не могу быть счастливее оттого, что это папа, а не какой-нибудь психотерапевт.

— Обещай, что не будешь ненавидеть меня? — я все равно спрашиваю.

Он гладит меня по волосам.

— Никогда, Ангел. Ты моя единственная дочь.

Я глубоко вдыхаю, мое сердце бьется в пустотах так сильно, что я почти слышу его.

Понятия не имею, с чего и как начать, поэтому позволяю своей интуиции вести меня, выливая все наружу.

— Знаешь, когда ты иногда просыпаешься, и ты дезориентирован, и не знаешь, где или кто ты? Я в таком состоянии каждый день. Это не фаза, и она не проходит. Каждый день я вспоминаю, как встречу с мамой, поговорю с ней и увижу разочарование в ее глазах. Каждый день я вспоминаю, как отправлюсь в школу и увижу парня, который когда-то был моим лучшим другом, а потом пойму, что я для него больше не существую. Каждый день я задаюсь вопросом, не невидима ли я и, может, в какой-то момент я вообще перестала существовать. Каждый день я борюсь с необходимостью оставаться на плаву, есть, продолжать бороться, потому что Кириан нуждается во мне. Но иногда я думаю, что, быть может, ему лучше без меня. В других случаях я становлюсь слишком слабой и больше не могу сражаться. Иногда мама огрызается на меня, и мне просто нужно облегчить эту боль где-нибудь в другом месте, поэтому я режу и смотрю, как боль исчезает вместе с кровью. Знаю, это неправильно, и потом мне становится плохо, что я не могу смотреть на себя в зеркало, но я не могу остановиться, потому что физическая боль лучше, чем эмоциональная. Кровь лучше, чем задыхаться в тумане. — я уже всхлипываю.

Слеза скатывается по папиной щеке, но он продолжает прижимать меня к себе, будто боится отпустить.

Я хватаю его за рубашку, впиваясь ногтями в нее.

— Помоги мне остановиться, папочка. Мне нужна помощь.

Глава 22

Ксандер

Люди могут становиться призраками.

Они могут существовать, даже если в то же время нет. Они могут оставаться незамеченными, так что, хотя все и смотрят на них, на самом деле они их не видят.

Вот так я провел последние два дня в больнице: спал на скамейках, освежался мылом из ванной, питался кофе — настоящим кофе, а не тем, что пил с водкой.

Быть трезвым два дня подряд отстойно. Это все равно, что смотреть на мир не зернистыми глазами, и вид не очень приятный.

Алкоголь делает это менее резким, более терпимым. Будучи пьяным, я принимаю себя, или, может, это заставляет меня меньше думать о себе, и в результате я как бы принимаю это.

Я подумал было пойти в продуктовый магазин и купить бутылку водки, но остановился.

Сейчас не время терять себя. Позже для этого будет достаточно.

Так что я лелеял двухмесячное похмелье.

И да, это причиняет боль, как у суки с венерическим заболеванием.

Но это не так больно, как та ночь.

Наблюдение за тем, как Ким истекает кровью, будет преследовать меня в ночных кошмарах всю жизнь. Я все еще вижу, как ее кровь пятнает плитки, такая яркая и красная. Это была жизнь, покидающая ее без намерения возвращаться. У меня имелись свои подозрения, но, когда я услышал подтверждение того, что я являюсь одной из причин этого решения, что-то внутри меня разлетелось на кровавые куски.

В ту ночь, когда она все рассказала своему отцу и попросила его о помощи, я стоял перед дверью, сжав кулаки.

Каждый всхлип, который она издавала, был как удар ножом, и каждое ее признание, вонзало нож глубже.

Ей просто нужен был кто-то, и я делал все, чтобы не быть этим кем-то, и в результате чуть не потерял ее.

Я думал, что никогда не смогу ненавидеть себя ещё больше, чем когда проснулся и понял, что прикосновение к ней не было сном. Похоже, ненависть к себе имеет огромные степени, и моя в ту ночь достигла максимума, слушая ее признания и рыдания, видя, как она держится за Кэлвина, словно она разорвется на куски, если он отпустит.

Она часто делала это в последние дни, держась за людей, обнимая их. Сначала за Кэлвина, потом за Эльзу, Тил и этого ублюдка, Ронана.

Это четыре человека единственные, которым она разрешила навещать ее. Единственные люди, которым позволено видеть ее в ее истинном облике, не фальшивую Ким, которая пряталась за фасадом, а настоящую, которая сдерживала слезы, говоря о своих шрамах.

Эльза плакала, а Ронан утешал ее. Тил, девушка готка, которая никого не трогает, позволила Ким обнять ее.

И да, я наблюдал за всем этим через приоткрытую дверь или стекло, как ненормальный.

Я обдумывал лучший способ подойти и сказать ей, чтобы избавить ее от боли, даже если это добавит другой тип боли.

Однако мне это не удалось.

Я не только подонок, но еще трус и эгоистичный ублюдок, потому что даже сейчас я хочу защитить ее своим собственным способом.

Кэлвин единственный, кто проводит с ней ночи, и она засыпает почти сразу, как только он садится рядом с ней.

Я никогда не видел такого преданного отца, как он, даже если он немного запоздал с этим. Он привел врачей — психиатров, и они провели что-то вроде семейной терапии — без Джанин.

Эта сука сейчас сидит на скамейке и смотрит на мальчика, который играет со своими родителями, вероятно, потому что он издает какой-то шум. Как обычно, она прижимает телефон к уху и говорит своим типичным снобистским тоном. Она ведет себя так, будто девушка внутри — не ее единственная дочь.

Как будто она не пыталась покончить с собой.

Покончить с собой.

Размышления об этих словах вонзают нож еще глубже. Я могу попытаться нарисовать на нем розы и единорогов, но это то, что сделала Ким. Она хотела покинуть этот мир и никогда не возвращаться.

Блядь.

Я сижу в углу, наблюдая за входом в палату Ким, но держусь подальше от поля зрения Джанин.

— Да, конечно, — огрызается она. — Я не стану откладывать выставку ни по какой причине. С ней все будет в порядке, она не ребенок.

Я собираюсь подойти и ударить ее по лицу. Возможно, она отложит выставку, если ее чертова физиономия будет изуродована.

Я ненавижу эту женщину. И не только из-за прошлого, но главным образом потому, что она никогда не заслуживала такой дочери, как Ким.

Эгоистичные люди, такие как Джанин, не годятся для материнства. Как моя мать.

Дверь палаты Ким открывается, и выходит Кэлвин, его лицо измучено, но он не выглядит грустным, просто усталым.

— Поезжай домой, Джанин, — говорит он жене, останавливаясь перед ней.

— Это второй раз, когда я приезжаю и не могу увидеть ее. — она поднимается на ноги и кладет руку на бедро. — У меня есть дела.

— И я говорю тебе вернуться и заняться этими делами. Ты не увидишь ее, пока она не будет готова.

— Ты балуешь это отродье, и я этого не потерплю. Я ее мать.

Он смеется с едкой ноткой.

— Мать? Когда ты была ею, Джанин? Когда я поймал тебя на том, что ты ударяешь себя в живот, говоря, что этому демону нужно исчезнуть? Или, когда ты не хотела держать ее на руках, когда медсестра принесла ее тебе? Или, когда ты передала ее мне и отказалась даже смотреть на нее, не говоря уже о том, чтобы кормить? Новости, она никогда не была твоей дочерью, и с сегодняшнего дня ты не имеешь права разговаривать с ней или пытаться реализовать свои материнские права в отношении нее.

Впервые в своей жизни Джанин, кажется, потеряла дар речи. Однако ей требуется всего несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Это она сказала?

— Поезжай домой и позаботься о Кириане.

Она топает туфлями по полу.

— Он все время спрашивает о ней.

— Тогда скажи ему, что она в лагере и позвонит утром. Будь полезна хоть раз за всю свою бесполезную жизнь.

— Пошел ты, Келвин. — она хватает свою сумку со скамейки. — Я здесь больше не появлюсь.

— Еще лучше, — кричит он ей в спину, когда она уходит из больницы, будто у нее горят пятки.

Сука.

Кэлвин уже собирается войти, когда замечает, что я стою рядом, засунув руки в карманы.

Я не выпускал браслет со звездой, боясь, что он исчезнет в тот момент, когда я это сделаю. Так же, как она почти исчезла.

Он вздыхает.

— Поезжай домой, Ксандер.

Кэлвин видел меня последние несколько дней и всегда говорил, чтобы я уходил. Я как собака, которая продолжает возвращаться даже после того, как ее отчитали.

Я молчу, но не делаю ни малейшего движения, чтобы уйти.

У него вырывается еще один вздох.

— Льюис, должно быть, ищет тебя.

Я усмехаюсь.

— Нет. У него длинные совещания, он, вероятно, не знает, который сейчас час.

— Все равно поезжай домой и приведи себя в порядок. Ты выглядишь так, словно побывал в бою.

Это правда.

Когда я все еще не двигаюсь, Кельвин делает движение ему за спину.

— Или зайди в палату.

— Я, вероятно, сделаю еще хуже, — признаюсь я, мой голос становится хриплым от эмоций.

— Пока это реально, не думаю, что ты сделаешь хуже. Кроме того, иногда все должно ухудшиться, прежде чем станет лучше.

Я некоторое время пристально смотрю на него, взвешивая его слова.

Я делаю движение к двери, но Кэлвин хватает меня за плечо, заставляя остановиться.

— Если ты станешь винить ее в этом, я избью тебя сильнее, чем в тех боях, в которые ты ввязываешься.

Откуда, черт возьми, он знает об этом?

— Да, сэр, — говорю я, и в моем голосе на удивление нет сарказма, как в разговоре с отцом.

Может, это потому, что я уважаю Кэлвина и ту роль, которую он играет в жизни своей дочери.

— Пойду выпью кофе. — он отпускает меня и исчезает за углом.

Я продолжаю наблюдать за ним, убеждаясь, что он ушел, прежде чем войти в палату. Пахнет антисептиком, но от нее также исходит легкий запах лайма.

Ким наклоняется вбок, роаясь в ящиках. Ее кожа не такая бледная, как той ночью. Ее волосы ниспадают по обе стороны плеч зеленым ореолом.

Она так красива, что физически больно.

И она жива, дышит, движется.

Она жива и прямо здесь.

Если я что-нибудь не сделаю, она может попробовать еще раз, и, может, в следующий раз нас с Кэлвином не будет рядом, и будет слишком поздно.

— Пап, ты не видел мою электронную книгу? Думаю, что положила ее сюда, но, может... — ее слова обрываются, когда глаза встречаются с моими.

Они расширяются до огромного зеленого цвета и немного сверкают, немного блестят, но также немного умирают.

Ой.

Я это заслужил.

— Что ты здесь делаешь? — шепчет она. — Убирайся.

Я тоже этого заслуживаю.

Но я не уйду, пока она все не узнает.

Это момент истины.

Глава 23

Кимберли

Сегодня психотерапевт попросил меня сказать то, что я ненавижу, что я должна выпустить это наружу.

Я сказала, что ненавижу, как мама обращалась со мной и как задиры в школе говорили обо мне. Я сказала, что ненавижу стыдиться лишнего веса и диет.

Но то, что я ненавидела больше всего, я сдержала при себе.

Не выношу, как сильно трепещет мое сердце, когда Ксандер находится в поле зрения, или как я забываю, что пыталась сделать в тот момент, когда он оказывается рядом.

Обе его руки засунуты в джинсы. Его нижняя губа разбита и в ране, а глаза цвета океана кажутся еще более бездонными, измученными, словно он не спал несколько дней.

Он выглядит немного сломленным, немного обеспокоенным, немного раненым.

Как я.

И я ненавижу это еще больше.

Я ненавижу, что он тот, кто нашел меня, и, что он увидел меня в таком состоянии.

Я ненавижу, что так благодарна ему, что не могу выразить словами.

Я ненавижу, что продолжала смотреть на дверь, ожидая, что он войдет в любую секунду, и как я ощущала себя опустошенной каждый раз, когда он не входил.

Я ненавижу то, что хотела увидеть его, хотя у меня не было и нет никакого интереса увидеть свою маму.

Но больше всего я ненавижу *его*.

Парня, человека, вычеркнувшего меня из своей жизни и оставившего на произвол судьбы.

Рыцаря, у которого я укрывалась, но он не предложил мне убежища.

Человека, с которым я делила свою жизнь, но он стер меня, будто меня никогда не было.

Я доверяла ему, а он предал меня.

Я могу простить все, что угодно, но не это.

— Убирайся, — повторяю я твердым голосом.

Теперь, когда я сыта им по горло — таким же растрепанным, как он, — я могу прожить, не задумываясь о нем еще один день.

Я рассказала Эльзе и папе обо всем, хотя мне пришлось бороться со слезами на глазах Эльзы и тем, как они оба винили себя за то, что не заметили признаков раньше.

Они не могли заметить, потому что я профессионал в сокрытии. Кроме того, им обоим предстояло многое пережить. У папы тяжелая работа, а у Эльзы сложная семейная ситуация и неустойчивые отношения с Эйденем.

Теперь, когда они предложили свою полную поддержку, мне больше не нужно, чтобы Ксандер видел меня.

Может, я и сломлена, но я возьму себя в руки. Я могу упасть, но я встану. Настанет день, когда я оглянусь назад и скажу, что выжила.

И я не буду нуждаться в нем рядом со мной.

Ксандер садится на стул, который обычно занимает папа, его внимание не отрывается от моего забинтованного запястья. Тихий голос внутри меня говорит скрыть это, но я подавляю этот голос.

Больше прятаться не придется. Это я, *единственная я*.

— Ты не услышал, что я сказала? — я продолжаю своим уверенным тоном. — Я сказала тебе уйти. Я не хочу тебя видеть, точно так же, как ты не хочешь видеть меня.

— Я солгал об этом. — его голос спокоен, слишком спокоен.

От этого по коже бегут мурашки.

— Ты солгал?

— Я лгу о многих вещах. Я лжец.

Он все еще говорит тем же нейтральным тоном, словно любой другой диапазон разрушит его самообладание.

— О таких вещах, как?

— Например, как сильно я тебя ненавижу. Это неправда. Или насколько ты ничтожество. Ты не такая. Или как я могу жить без тебя. Я не могу.

Мое дыхание прерывается, и я впиваюсь ногтями в больничную простыню.

— Если ты говоришь это из-за того, что со мной случилось, или из жалости, клянусь...

— Я не жалею тебя. — он обрывает меня.

— Тогда почему ты говоришь все это сейчас? Почему думаешь, что можешь прийти сюда и говорить такое дерьмо после того, как ты сказал мне исчезнуть из твоей жизни?

— Я сказал тебе...

— Ты солгал, ты не имел это в виду. — я прерываю его, повторяя его предыдущие слова. — Это не значит, что я им не поверила. Это не значит, что ты не заставлял меня плакать каждый раз, когда притворялся, что я ничто. Зачем ты вообще делал это со мной? Эта детская шалость не заслуживает таких мучений. Это не гарантирует, что ты ведёшь себя со мной так, будто я невидимка. Я видна, я здесь, и всегда смотрю на тебя, так почему бы тебе не посмотреть на меня?

— Я не могу.

— Почему?

— Ты возненавидишь меня, если узнаешь.

— Скажи мне, и я сама решу. Я годами переживала эти мучения; я имею право знать.

Он поднимает глаза, и несчастье в них почти снова ломает меня.

- Правда не всегда хороша, Грин.
- Я хочу знать, почему. Скажи мне!
- Потому что ты моя сестра.

Глава 24

Ксандер

11 лет

— Луна! — я зову кошку, направляясь в лес. — Иди сюда, китти.

Она такая заноза в попе, как Грин иногда.

Я зову ее больше пяти минут, но ее нигде нет. Будем надеяться, что она не попала в охотничью ловушку.

На самом деле, если бы она попалась, она бы обрушила весь мир своим мяуканьем.

Я соскальзываю с небольшого обрыва на берег реки. Может, она ушла попить.

Ким, должно быть, волнуется. Она всегда ведет себя странно, когда Луна исчезает, говорит такие вещи, как, может быть, ее сбила машина и она умерла.

Луна даже не выходит на дорогу.

Она слишком ленива для этого. В Ким много странных вещей, таких как то, как она улыбается, как ест и как смеется.

Я говорю «странных вещей», но Коул настаивает, что это потому, что я хочу ее поцеловать. Он ошибается, я не хочу ее поцеловать.

Ладно, возможно, и хочу, но мне не хочется, чтобы она меня возненавидела, поэтому я поцеловал ее только один раз.

Она улыбнулась, хотя ее глаза сверкали, так что, может быть, она не ненавидит меня?

Коул говорит, что я должен сделать это еще несколько раз, чтобы узнать, и это я планирую.

Я ищу под кустами серебристо полосатую кошку, но Луны нигде нет. Становится темно, и это напоминает мне о том времени, когда Коула, Эйдена и меня забрали.

Было темно и холодно, и я продолжал слышать голоса, говорившие приглушенно, но никто не давал мне еды.

Я помню, как думал о папе, Эйдене и Коуле и о том, все ли с ними в порядке.

После того, как меня выбросили из фургона в такой же лес, как этот, я не плакал и не звал на помощь. Я не смог бы, даже если бы захотел. Возможно, это было потому, что папа говорил никогда не плакать и думать о решении вместо того, чтобы заикливаться на проблеме.

Но я помнил, что у меня одна цель: я должен вернуться домой к Ким.

Она ненавидит проводить время со своей мамой, а я пообещал никогда не оставлять ее одну. Я планировал сдержать это обещание, точно так же, как она сдержала свое никогда не покидать меня.

И именно так я вернулся домой.

Я боролся с холодом и голодом и продолжал идти, пока не нашел полицейский участок.

С тех пор мы с Ким сблизились еще больше. Она единственная, кому я рассказал о похищении и о том, как было холодно. Она первый человек, который приходит мне на ум, когда я просыпаюсь утром, и последняя мысль в моей голове, когда я ложусь спать.

Эйден и Коул смеялись надо мной, говоря, что мной управляет девочка и что я должен носить ее юбку. Я ударил Эйдена и пнул этого придурка Коула в подбородок.

Он сказал, что она вырастет и ей станет все равно на меня, потому что именно так поступают девочки. Они меняют свое мнение.

Вот почему я держусь от нее на расстоянии не потому, что она мне больше безразлична, как она сказала, а потому, что я не хочу, чтобы она со временем возненавидела меня.

Не знаю, что бы я сделал, если бы она меня возненавидела. Это было бы хуже, чем потерять маму. По крайней мере, тогда она была со мной. Если я лишусь и ее, у меня никого не останется.

— Абсолютно нет!

Я останавливаюсь, услышав очень знакомый голос. Джанин, мать Ким. Что она здесь делает?

Крадясь за деревом, я заглядываю сквозь ветви и вижу, что она стоит перед своей белой машиной, скрестив руки на груди. На ней огромные солнцезащитные очки, закрывающие половину лица, а на голове шарф, но я знаю, что это она, по голосу, машине и блестящим каштановым волосам.

Ким всегда завидует этому, желая, чтобы ее волосы были, как у ее мамы, тело, как у ее мамы, и все, как у ее мамы.

Если бы только она знала, что она красивее своей мамы.

— Я хочу свою дочь, Джанин. Ты явно плохо с ней справляешься.

Мои ногти впиваются в багажник, когда в поле зрения появляется человек, с которым она разговаривает.

Папа.

Он стоит перед своим Мерседесом в охотничьей шляпе.

Его слова медленно просачиваются в мой мозг. Дочь. Он сказал: *дочь*.

— Трахаясь с кем-то, ты не становишься отцом, Льюис. — она откидывает волосы назад. — Я носила Кимберли в своей утробе девять месяцев.

— Это также не делает тебя матерью. — он смотрит на нее сверху вниз.

— Ты должен был бороться за нее, как только она родилась. Но нет, тебе нужно было беспокоиться о другой суке. О твоём доме и о твоей прелестной семье. Помнишь, что ты мне тогда сказал? — ее голос становится насмешливым, когда она подражает ему: — У меня уже есть сын, Джанин. Не действуй мне на нервы, Джанин.

— Ну, я не думал, что ты будешь такой бесполезной матерью. На днях она плакала, потому что ты на нее накричала.

— Я могу воспитывать ее так, как мне нравится. Не лезь не в свое дело и позаботься о своем драгоценном сыне.

— Джанин, — бормочет он ее имя сквозь стиснутые зубы.

— У меня есть репутация, ясно? Я не могу просто объявить, что у меня родилась вне брачная дочь от интрижки с соседом и другом мужа. Ты хоть понимаешь, как это разрушит мою и Кэлвина карьеры? На самом деле, и твою тоже.

— Я не прошу тебя объявлять об этом, но, по крайней мере, сообщить ей об этом, чтобы я мог открыто относиться к ней, как к своей дочери. В любом случае, она уже проводит много времени с Ксандером.

— Ни за что. Этот сопляк начнет называть тебя отцом на публике, а я не могу этого допустить. — она указывает на него пальцем. — Соблюдай нашу сделку, или я расскажу Ксандеру правду. Как думаешь, что почувствует твой драгоценный сын, а?

— Не смей приближаться к нему.

— Тогда прекрати эту чушь.

— Я предупреждаю тебя. Обращайся с ней хорошо.

— Ох, прости. Ты пропустил ту часть, где говорится, что ты не можешь указывать мне, что делать? Даже Кэлвин не может, так почему ты должен?

— Я ее отец, черт возьми. Я не могу позволить тебе так с ней обращаться.

— Или что? Потребуешь опеки? Дай угадаю, ты не можешь, хах?

— Я не спущу с тебя глаз. — он направляется к своей машине.

— Ты же знаешь, я люблю внимание.

— Гори в аду, Джанин.

— Увидимся там, Льюис. — она машет ему с ядовитой улыбкой, прежде чем распахнуть дверцу машины и скользнуть внутрь.

Они уезжают в противоположные стороны, оставляя за собой пыль.

И меня.

Я стою, не веря тому, что только что услышал. Лезвие пронзает мою грудь, и хотя я не могу этого видеть, я чувствую. Это глубоко и больно. Так, так больно.

Мои ноги дрожат, и я падаю, не в силах больше стоять.

Я смотрю на дорогу, по которой они только что уехали, будто могу вернуть их и спросить о том, что они рассказали.

Дочь.

Отец Ким не дядя Кэлвин, а мой папа. Это значит, что она моя сестра.

Моя. Сестра.

Я всегда говорил Кимберли, что хочу братика, как Кириан, и она сказала, что он может быть нашим.

Тогда я был так счастлив, что у меня появился братик или сестричка, но теперь после того, как я узнал, что она моя настоящая сестра, хочется плакать.

Она не может быть моей сестрой. Если это так, то значит, что я больше не могу ее целовать.

Это значит, что я должен вести себя с ней так же, как с Кирианом.

Я ненавижу это.

Я ненавижу папу и Джанин.

И теперь я должен ненавидеть Ким.

Глава 25

Кимберли

Настоящее

У меня отвисает челюсть. Я не смогла бы закрыть ее, даже если бы попыталась.

Все то время, пока Ксандер рассказывал мне свою версию того дня семь лет назад, он не взглянул на меня.

Ни разу.

Но он единственный, на кого я могу смотреть. Я чувствую, что, если я не буду использовать его в качестве визуального якоря, у меня произойдёт что-то вроде срыва.

Рана на моем запястье зудит, покалывает и чешется от прикосновения. Я сжимаю ее другой рукой, не желая ощущать эту потребность в боли.

Если я выпущу ее на волю, она просто сожрет меня заживо.

— После этого, — говорит он спокойным голосом, которым он пользовался с тех пор, как зашёл сюда. — Мне пришлось держаться подальше, потому что я не доверял себе рядом с тобой.

У меня покалывает в носу, но я все равно спрашиваю.

— Не доверял себе рядом со мной? Это как?

Его океанские глаза встречаются с моими. Они темные, пустынные, словно он на дне.

— Ты моя сестра, Ким, — говорит он резко, будто пытается вбить эту информацию мне в голову.

Он пытается донести этот факт до всех.

И он должен это сделать.

Потому что, даже, слыша эти слова, я не могу в них поверить.

Нет — я не хочу им верить.

Ксандео не может быть моим братом. Он просто не может.

— Возможно, ты ослышался, — говорю я. — Возможно, они и не...

— Я опять подслушал их несколько лет спустя. Отец всегда ругал Джанин за то, как она с тобой вела себя. Он сделал своей работой угрожать ей за то, что она не заботилась о его дочери, о *тебе*. — он проводит рукой по волосам. — Ты никогда не замечала, как он на тебя смотрит?

— Я-я думала, что это из-за Кира и что, возможно, он отец Кира.

Боже. Я даже не хотела думать об этом варианте, но теперь все намного хуже.

Ксандер мой брат, сводный брат, но он все равно считается кровным братом.

Я целовала своего брата.

У меня был оральный секс с моим братом.

Я мечтала о своем брате всю свою жизнь. О, Боже.

О, Боже. Черт. Возьми.

Кажется, меня сейчас вырвет.

— Эй. — он наклоняется, протягивая руку к моему лицу.

Я уклоняюсь от него, мое сердце бьется так громко, что боюсь, что оно вот-вот остановится.

— Не *прикасайся* ко мне.

— Не буду, ты права. — он снова садится, его плечи сгорблены.

Побежденные.

Он выглядит, как рыцарь после проигранной битвы, его доспехи разбиты, а лицо в синяках.

Я никогда никого не ненавидела так сильно, как ненавижу его сейчас.

— Почему ты рассказал мне? — мой голос повышается. — Почему ты не забрал это с собой в могилу?

Он мог бы просто отвергнуть меня, как всегда, и я бы двинулась дальше. В конце концов. Теперь я всегда буду думать о нем как о своем брате.

И это настоящая пытка.

Худшее, блядь, мучение, которое он мог мне причинить.

— Потому что ты сделала это, — он показывает на мое забинтованное запястье. — Я не могу смотреть, как ты убиваешь себя из-за меня, Ким. Я не могу смотреть, как ты причиняешь боль.

— Ты прекрасно справлялся с этим все эти годы. Почему именно сейчас? Почему решил, что тебе не все равно сейчас?

— Мне всегда было не все равно. Каждый раз, когда я отталкивал тебя, я резал себя все глубже. Чем больше я притворялся, что тебя не существует, тем сильнее я тебя замечал. Не было дня, когда бы я не думал о тебе или не наблюдал за тобой. И это неправильно, Ким. Это совсем не правильно, черт возьми.

— Потому что мы брат и сестра?

Он качает головой. Если бы боль можно было попробовать на вкус, я бы сгорела в кислоте от того, как меняется выражение его лица.

— Потому что я никогда не думал о тебе, как о родственнике. Потому что я хочу тебя, как девушку и потому что я рассматриваю ад как постоянного жителя, пока могу быть с тобой. Потому что я испытываю ревность и чертовски схожу с ума всякий раз, когда кто-то приближается к тебе. Потому что я хочу стать твоим первым и последним и, блядь, всем. — он тяжело дышит к тому времени, как заканчивает, словно ему потребовалась вся энергия, чтобы произнести эти слова. Затем он вздыхает. — Но, как я уже сказал, это неправильно, не для тебя.

Мой подбородок трясется так сильно, что болит челюсть. Услышать эти признания из его уст все равно что оказаться в темном темном туннеле, из которого нет выхода.

В моем сердце странная боль, что-то совсем другое, чем туман и депрессия. Она глубже и страшнее, и все, чего я хочу, это отпустить.

Но куда?

Кому?

— Отец упоминал о реабилитации и о какой-то школе на севере, — говорит он. Я не могла бы говорить, даже если бы захотела, поэтому смотрю на него широко раскрытыми глазами. — Я уезжаю, Ким. — он улыбается, и хотя на его щеках появляются ямочки, это самая грустная, самая вымученная улыбка, которую я когда-либо видела на его лице. — Так будет лучше для всех нас.

Мой глоток громко звучит в тишине, но я ничего не говорю.

Я не могу.

— Ты сильная, так что не верь в обратное. Тебя любят, поэтому не позволяй суке Джанин говорить тебе что-то другое, и не стесняйся полагаться на Кэлвина, Эльзу и Кириана. Не стесняйся обращаться за помощью, когда ты в ней нуждаешься. Они заботятся о тебе больше, чем ты думаешь.

Нет.

— Вместо того, чтобы танцевать в одиночку, танцуй с другими. Вместо того чтобы жить в одиночку, полагайся на других. Вместо того, чтобы избавляться от боли, говори о ней.

Нет.

— Живи достойно.

Нет!

Я хочу закричать, но не могу вымолвить ни слова.

Он твердыми шагами направляется к двери. Мое сердце плачет, когда его спина остается единственным зрелищем. Его узкая, широкая спина, которую я, вероятно, никогда больше не увижу.

Не оборачиваясь, он говорит:

— Ты всегда будешь моей Грин.

И с этими словами он выходит за дверь, оставляя за собой кровавые следы.

Глава 26

Кимберли

Два дня спустя психиатрическое отделение решает, что мне можно поехать домой.

Обратный путь похож на путешествие в ад в один конец. Когда я выхожу из папиной машины, я стою на месте в течение долгих секунд, глядя на особняк Найтов.

Часть меня жаждет еще одного взгляда. Мне даже не нужно с ним разговаривать, все, что мне нужно, это увидеть его.

Мы можем просто наблюдать друг за другом издали, как делали все эти годы.

Пока мы не пересекли черту. Или он. Я не знала, что мы кровные брат и сестра.

Если бы я знала, я бы... что? Что именно я бы сделала?

Боже, это сводит с ума.

Папа провожает меня внутрь, обнимая за плечи. Я, как зомби, слеую за ним.

— Добро пожаловать домой!

Конфетти взлетает в воздух, когда я сосредотачиваюсь на улыбающихся лицах, ожидающих меня — Эльза, Ронан, Тил, Нокс, Коул, Эйден и даже Сильвер.

Какого черта Сильвер здесь делает?

Однако я не сосредотачиваюсь на ней, так как маленький человечек набрасывается на меня. Я присаживаюсь на корточки и крепко обнимаю Кириана, мое сердце громко колотится в груди.

— Кимми, я так по тебе скучал!

— Я тоже скучала по тебе, Обезьянка. Ты был хорошим мальчиком без меня?

— Всегда. — он ухмыляется, затем указывает на Мариан. — Я помогал Мари во всем.

Я одними губами благодарю ее, и она кивает, в ее глазах собирается влага.

Присев на корточки, я целую его в щеки сильнее, чем нужно.

— Это моя обезьянка.

Эльза обнимает меня следующей, ее глаза наполняются слезами. Она была со мной все это время и не винила меня за то, что я ей не сказала. Она сказала, что понимает, и это все, в чем я нуждаюсь.

Папа улыбается мне, указывая наверх. Я киваю в ответ, зная, что ему нужно освежиться и переодеться. Он не отходил от меня во время всех анализов и встреч с врачами. Мы уже договорились о плане терапии, и он сказал, что будет рядом на каждом шагу.

И все же, даже при поддержке отца, ничто не может избавиться от комка, застрявшего у меня в горле с той ночи.

Он душит и медленно лишает жизни.

Мамы нет рядом, и я не удивлена. Папа сказал, что велел ей не выходить из студии — не то, чтобы она выходила.

— Посмотри на себя, вся такая румяная. — Нокс хватает меня за плечо в боковом объятии. — Могу я пригласить тебя на этот танец?

Ронан скользит по другую сторону от меня, свирепо глядя на него.

— Эй, руки прочь, ублюдок. Кимми моя девушка.

— Словно ты когда-нибудь обзаведёшься девушкой. — Нокс отстреливается.

— Да. И это Кимми.

Тил усмехается.

— У тебя какие-то проблемы, *ta belle* — красавица? — Ронан улыбается ей.

Она отталкивает их обоих с удивительной силой, учитывая ее размеры по сравнению с парнями.

— Вы ее душиите. Оставьте ее в покое.

— Верно. — Эльза пристально смотрит на них всех. — Оставьте Ким в покое, или я не стану сидеть спокойно.

Я сжимаю ее руку, а Эйден улыбается ей, гордость сияет в его глазах.

Все болтают о том, что происходило в школе и как было чертовски скучно, но никто не упоминает Ксандера или о том, уехал ли он уже.

Я хочу спросить, но чувствую, что даже говорить о нем это табу.

Неужели он уехал, не попрощавшись?

Больница была твоим прощанием. Чего ты еще хочешь? Объятий? Гребаного поцелуя?

Я закрываю глаза от наплыва эмоций, пытаюсь не отстраняться от полувечеринки, которую все устроили для меня.

Часть меня хочет уйти наверх и спрятаться под одеялом, но это только вызовет туман, и у меня нет ни сил, ни уверенности, чтобы оттолкнуть его прямо сейчас.

— Знаете что? — голос Эльзы выводит меня из задумчивости. — Я просто собираюсь обратиться к слону в комнате. Что ты здесь делаешь, Сильвер?

Я смотрю на королеву школы, ту, которая раньше была моей подругой, но теперь участвует в моих издевательствах.

На ней одно из ее элегантных платьев и туфли. Сильвер не только красива, но и сексуальна, даже с точки зрения девушки. У нее вызывающие черты лица, талия, грудь, и все остальное. Она, по сути, полный комплект, обернутый лентой «сука».

Безумие, как кто-то может измениться с детства. Она никогда не была злой — скрытной, да, — но не сукой, которая живет для того, чтобы превращать жизнь других людей в ад.

Теперь она стоит в метре от Коула и смотрит на него в ответ на вопрос Эльзы. Он даже не замечает ее, медленно отпивая из своей чашки.

— Это правда. — Ронан щелкает пальцами в ее направлении. — Мы не нуждаемся в присутствии кого-то, кто беспокоил Ким.

Она молчит, ее лицо ничего не выражает. Но я до некоторой степени знаю Сильвер. Ее молчание скрывает ее взволнованные чувства или разочарование.

— Если ты пришла сюда из жалости, мне это не нужно, — говорю я вслух, чтобы все услышали. — Ты можешь идти.

Она не двигается. Ни на сантиметр. Вместо этого она вновь переводит взгляд на Коула. На этот раз он смотрит мне в глаза, хотя выражение его скучающего лица не меняется. Сильвер, должно быть, может прочитать все, что там написано, так как глубоко вздыхает.

Ее внимание падает на меня, когда она тихо говорит.

— Я здесь не потому, что мне тебя жаль. Я здесь, потому что знаю, каково это хотеть покончить с болью. Я пробовала это раньше, но от этого стало только хуже.

— Ты... пробовала? — спрашиваю я, не веря, услышанному.

Сильвер не из тех, кто говорит о себе так открыто. Она слишком самонадеянна, чтобы перечислять свои слабости перед столькими людьми, которые могут использовать это против нее.

— Я пытаюсь сказать, что мне жаль, если я участвовала в этой боли. Дело не в тебе, Ким. Вот как я справляюсь с... — она замолкает, и ее плечи сжимаются, словно кто-то душит ее сзади. Коул все еще пьет с безразличием, будто она вообще ничего не говорит. — Вещами, — выдыхает она и ставит свою нетронутую чашку на стол. — Ясно, что мне здесь не рады, так что я просто уйду.

Она не удостоивает никого из нас взглядом, когда выходит, держась со своей обычной высокой и могучей осанкой. Коул секунду смотрит ей вслед, прежде чем легкая улыбка — или ухмылка — приподнимает его губы. Улыбка исчезает, как только появляется, заставляя задуматься, произошло ли это вообще.

— Вау, можешь в это поверить? — Эльза наклоняется, спрашивая меня.
— Сильвер извиняется. Клянусь, в последнее время у нее что-то не в порядке с головой.

— Или она напугана, — шепчу я, больше про себя, чем вслух.

— Что? — спрашивает Эльза.

— Ничего.

Это не мое дело, хотя я почти уверена, что с ней что-то не так.

В последнее время Сильвер все чаще ведет себя не в своем стиле. Это означает, что ей либо угрожают, либо она в ситуации, которая меняет ее жизнь.

Может, мне стоит рассказать об этом папе? Он дружит с ее отцом, могущественным будущим премьер-министром Себастьяном Куинсом.

Вечеринка продолжается. Парни включили футбольный матч, и это ностальгическое напоминание о тех временах, когда мы собирались в доме Эйдена, когда он начал свои отношения с Эльзой.

Как я обычно сидела в позе, которая позволяла мне незаметно наблюдать за профилем Ксандера сбоку. Я потеряла счет тому, сколько раз я наблюдала за ним, притворяясь, что сосредоточена на игре. Или как сильно я улыбалась, когда он и Ронан вскакивали, празднуя гол.

А теперь его нет.

Я один раз качаю головой, не желая думать об этом.

— Итак, слушайте. — Эльза обращает мое внимание на нее и Тил. Мы втроем сидим с Киром за обеденным столом, пока он поедает торт. — Тил говорит, что любовь это всего лишь химическая реакция.

— Так и есть. — Тил скрещивает руки на футболке с надписью: *Не знаю. Мне Все Равно.*

— Это просто выброс дофамина, как наркотики и другие вещи.

— Наркотики не могут заставить тебя испытать такие эмоции, как секс,
— Эльза поднимает бровь.

— Ты можешь накуриться и испытать такие же эмоции, даже лучше, чем секс. — Тил стоит на своем.

— Наркотики могут заставить тебя чувствовать себя под кайфом, но это временное явление. — я вытираю уголок рта Кира. — Любовь тоже может быть временной, но она имеет вечный эффект. Иногда становится трудно дышать, думать или даже быть без этого.

— Именно. — глаза Эльзы проясняются.

Она говорит это, потому что живет этим с Эйденом, который, кстати, наблюдал за ней вместо игры, но какого черта я это говорю?

— Вы, девочки, нуждаетесь в помощи. — Тил вставляет в ухо наушник.

Эльза смеется, хлопая себя по плечу.

— Можно мне сока, Кимми? — спрашивает меня Кир.

— Конечно, Обезьянка. И притормози.

— Мммм, — говорит он сквозь торт, ухмыляясь.

Тил и Эльза все еще дружески подшучивают друг над другом. Нокс и Ронан кричат во время игры, в то время как Эйден наблюдает за Эльзой. Коул листает книгу по социологии из папиной библиотеки.

Сцена и звуки исчезают, когда я захожу на кухню. Я открываю холодильник, но не нахожу любимого яблочного сока Кира.

Я пытаюсь открыть верхний шкаф, но он не открывается. Я встаю на цыпочки и изо всех сил тяну, но все равно ничего.

Разочарование бурлит у меня в крови, и не из-за дурацкого шкафа.

Мой взгляд блуждает по дому напротив. Там тихо, безжизненно и кажется пусть.

Так ли я буду действовать отныне? Буду смотреть на этот дом и буду бороться с желанием заплакать или что-то в этом роде?

Он мог бы и не говорить мне. Он мог бы уйти и оставить все это при себе.

Но действительно ли я этого хочу?

— Вот.

Я отталкиваюсь, когда более высокое тело открывает для меня шкаф.
Коул улыбается мне сверху вниз, когда я беру бутылку сока.

— Спасибо.

Сок у меня в руках, а затем я бросаю последний взгляд на дом Найтов.
Будем ли мы теперь встречаться по праздникам? Или он разорвет все свои отношения с Льюисом — и, следовательно, с этим местом?

Льюис мой отец. Дядя Льюис мой... отец.

Я отбрасываю эту идею, прежде чем успеваю сосредоточиться на ней.

— Он, вероятно, наблюдает, — говорит Коул.

— Ч-что? Кто?

Он прислоняется к стойке и скрещивает ноги в лодыжках. После Ксандера Коул, вероятно, самый привлекательный из всадников. Его красота спокойная и утонченная. Тип, который может принадлежать красивому профессору или крутому генеральному директору.

Его зеленые глаза темные, и они выдают сдержанный фасад — фасад, потому что, судя по тому, что говорит Эльза и что я заметила, Коул намного глубже, чем кажется на первый взгляд. Хотя он добрый и мало говорит, он, кажется, знает все, и у него бывают моменты, когда он полностью меняется — например, когда он ухмыльнулся, когда Сильвер убежала, скрывая свой страх.

Ни одному хорошему человеку это не понравилось бы. Я больше даже не близка к Сильвер, и даже мне не нравилось видеть ее такой.

Он ее сводный брат. Он должен больше заботиться о ней, а не получать от этого удовольствие.

— Он не может перестать наблюдать. Это порыв. Раньше он лучше контролировал это, но алкоголь искажает его суждения, — продолжает он своим нейтральным тоном. — Ксандер, я имею в виду.

— У него проблемы с алкоголем?

— Проблемы? Он становится алкоголиком.

Я сглатываю, пальцы дрожат вокруг сока.

— Может, тогда будет лучше, если он уедет.

— Лучше? — глаза Коула загораются, как у собаки, нашедшей кость.

— Итак, это означает, что ты думала о другом варианте развития ситуации.

— Т-ты знаешь?

Он кивает.

— Как и Эйден.

Оу. Должно быть, поэтому Эйден сказал, что у него может быть информация, объясняющая ненависть Ксандера. Это было примерно в то время, когда он начал встречаться с Эльзой, но он никогда мне ничего не рассказывал.

— С какого времени? — спрашиваю я Коула. — Почему, черт возьми, он сказал вам, но не мне?

— Он мне не говорил. Я сам соединил все точки. Однако он рассказал Эйдену, когда был пьян и блевал. Он жаловался на то, как близко ты подобралась к Ноксу после того, как он избил его.

— Это дело рук Ксандера?

Я отпускаю сок, и он с глухим стуком падает на прилавок.

Нокс, близнец Тил, пришел в школу с разбитым лицом, и Эльза была абсолютно уверена, что Эйден сделал это из-за ревности. Я никогда не думала, что это был Ксандер. Хотя я должна была заподозрить, так как он зарычал мне в лицо, чтобы я держалась подальше от «новенького».

Я бы рассмеялась, если бы это произошло при других обстоятельствах.

Но все это сейчас не имеет значения.

Все кончено.

— Насчет второго варианта, — повторяет Коул. — Что ты имела в виду?

— Н-ничего. — я сглатываю. — Как может быть второй вариант в нашей ситуации?

— Я понимаю. — он выглядит немного задумчивым. — Но прежде, чем ты закроешь все двери, помни, невозможное — это ничто, если ты решишь, что это не так. — он достигает порога, затем оглядывается через плечо. — Ох, и он уезжает завтра.

Глава 27

Кимберли

Через некоторое время все расходятся по домам.

Эльза хотела остаться на ночь, но в последнее время она проводила со мной много времени, и могу сказать, что Эйдену это не нравится, поэтому я отправила ее домой, сказав, что я хочу провести время с Киром.

И это правда.

Мы разговариваем, кажется, несколько часов, и он рассказывает мне все о новых письмах, которые он получил, и о том, что он мог бы подумать об ответе на одно из них.

Мой младший брат вырастет и станет сердцеедом.

Он засыпает, как только я ложусь рядом с ним, заставив меня пообещать ему, что я больше никогда не оставлю его надолго.

Я даю обещание, и, в отличие от другого раза, у меня твердая уверенность, что я его сдержу.

Уложив его и поцеловав в щеки и лоб, я убираю его маленькую руку со своей талии и выхожу из его комнаты.

Словно на автопилоте, я спускаюсь по лестнице и встаю перед огромным окном, выходящим на особняк Найтов.

Коул был прав, это побуждение, и его нельзя остановить.

Мои пальцы тянутся к шраму, нащупывая повязку. Почему я чувствую, что разорванные сухожилия не так страшны, как боль, ползущая под кожей?

Она медленная и почти незаметная, но наверняка разобьет мне сердце.

На мгновение я задерживаю дыхание, надеясь вопреки всему, что это не погубит меня снова раз и навсегда.

— Вот ты где, Ангел.

Я улыбаюсь папе, когда он протягивает мне кружку чая Леди Грей, затем делает глоток своего, его аромат бергамота мгновенно наполняет воздух. Папа помешан на чае, англичанин до мозга костей.

Минуту мы просто стоим, потягивая чай и наблюдая за домом напротив.

— Ксандер что-то сказал той ночью, не так ли? — спрашивает папа.

Я делаю паузу на середине глотка, выпивая жидкость, будто это яд.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя были признаки улучшения до того, как он вошел в палату.

Кроме того, ты не переставала следить за его домом с тех пор, как мы вернулись из больницы.

Я смотрю на папу, не в силах понять, откуда он так много знает обо мне, хотя он и не мой настоящий папа.

Нет — он не мой *биологический* отец.

Кэлвин Рид мой настоящий папа и единственный, который у меня когда-либо будет.

Вот почему я не хочу причинять ему боль, раскрывая интрижку Джанин или, что еще хуже, раскрывая, что я не его биологическая дочь. Он, наверное, справляется с моим беспорядком, потому что он мой отец. Как только он поймет, что нет, и у нас нет никаких семейных уз, он меня вышвырнет.

При этой мысли у меня сжимается грудь, и я делаю большой глоток чая в беспомощной попытке скрыть это.

Я лучше буду страдать молча, чем потеряю своего отца.

— Ты снова прячешься, Ангел. Разве мы не договорились, что ты рассказываешь мне обо всем?

Я не отрываюсь от чашки, не желая встречаться с ним взглядом. *Я прячусь, чтобы не потерять тебя.*

Льюис, я думаю, в порядке, но он не мой отец. Он не тот, кто заботился обо мне с тех пор, как я была ребенком.

Я не его Ангел.

— Подожди, — он делает паузу, пристально наблюдая за мной. —

Ксандер случайно не упоминал о каких-либо семейных связях?

Я кашляю от чая, несколько капель брызгают мне на руки.

Папа похлопывает меня по спине, говоря, чтобы я успокоилась.

— Как... — я дышу, затем прочищаю горло. — Откуда ты знаешь?

— Я всегда знал, — он хмурит брови. — Я только удивлен, что

Ксандер об этом знает. Он сказал, как или когда он это выяснил?

Я больше не могу держать это внутри. Я рассказываю ему все об этом инциденте семь лет назад и о том, что Ксандер подслушал из разговора мамы и Льюиса.

— Почему она это сделала, папа? — у меня ломкий голос. — Почему она так поступила с тобой и со мной? Как она может сделать Ксана моим братом? Я не хочу, чтобы он был моим братом. Пожалуйста, скажи мне, что он как-то неправильно расслышал.

— К сожалению, все это правда. — папа подводит меня к дивану и забирает чашку из моих рук, ставя ее на стол. — Ты действительно биологическая дочь Льюиса.

Слезы, которые я сдерживала с тех пор, как попала в больницу, текут по щекам и подбородку и пропитывают подол моей футболки.

— Не плачь, Ангел. Это разбивает мне сердце, когда ты плачешь. — он берет салфетки и вытирает мне глаза.

— Как ты можешь так сильно заботиться обо мне, зная, что я не твоя дочь?

— В тот момент, когда я увидел твои прекрасные глаза, я решил, что ты моя дочь. Мне было все равно, что говорит мир. ДНК не создает семью, Ангел. Джанин яркий пример этого.

Мне требуется все силы, чтобы не броситься к нему в объятия и не испортить его свитер-кардиган.

— Ты тоже для меня единственный отец.

Он прочищает горло.

— Льюис тоже неплохой.

— Как ты можешь его защищать? У мамы был с ним роман.

— Джанин солгала ему, доказав, что у нас с Самантой был роман первым.

Мои губы приоткрываются.

— С С-Самантой Найт?

Он кивает.

— У нас была интрижка до того, как мы поженились, но это все, что было, интрижка. Она закончилась еще до наших браков, и каждый из нас пошел разными дорогами. Мы стали соседями, но наши отношения с Самантой оставались платоническими. Джанин заставила Льюиса поверить, что это был долгий роман, и потребовала мести. Они закрутили свой роман, но он длился только до тех пор, пока она не обнаружила, что беременна ребенком Льюиса. После того, как он узнал от меня факты, их роман подошел к концу.

Я ерзаю на стуле, но мне удается спросить:

— Значит, все знают, что я биологическая дочь Льюиса? Включая тетю Саманту?

— Да.

Как она могла быть так добра ко мне, зная, что я дочь ее мужа?

— Все также знают, что Льюис не является биологическим отцом Ксандера.

Если бы моя челюсть могла упасть на землю, она бы упала.

— Т-тогда кто?

— Я. — он слегка улыбается. — Он результат той интрижки с Самантой. Льюис знал об этом с самого начала, и мы приняли решение, что они с Самантой воспитают Ксандера как своего сына. Точно так же, как мы приняли решение, что мы с Джанин воспитаем тебя как нашу.

У меня кружится голова от количества информации, брошенной в мою сторону за один раз.

Ксан сын папы.

Я дочь Льюиса.

Но мы поменялись отцами. У меня от этого болит голова.

— Тогда чей сын Кир? — он улыбается.

— Мой и Джанин.

Ох, хорошо.

— Я знаю, что это слишком, Ангел, и мне жаль, что тебе пришлось узнать это таким образом, но я не хочу, чтобы ты убивала свое счастье из-за ошибок взрослых. — он похлопывает меня по руке. — Ты живешь в настоящем, хорошо?

Я тоже взрослая и уже совершила много ошибок.

А больше всего пряталась и позволяла туману поглотить меня целиком.

— Итак... — я сглатываю, вопрос жжет мне горло. — Так это значит, что Ксандер не мой брат?

— Все правильно.

Я улыбаюсь и обнимаю папу так, как собиралась.

— Я так сильно люблю тебя, папа.

Ксандер мне не брат.

Совсем нет.

Глава 28

Ксандер

— Я здесь, если ты хочешь поговорить.

Я смотрю на дверь своей комнаты после того, как папа уходит. Возможно, мне понадобится какой-нибудь алкоголь для ушей, потому что я думаю, что всемогущий Льюис Найт только что предложил помощь.

Это уже чертовски странно, что он не сказал мне собраться с мыслями, но зайти так далеко, чтобы быть настоящим родителем?

Кто знал, что это понятие существует в его словаре?

Хотя отец последнее, о чем я думаю. После нашего решения — или, скорее, его — единственное, чего я продолжаю жаждать, это взглянуть на нее, хотя бы мельком.

Я могу быть чертовски эгоистичным и просить прикосновения, но это стало бы пыткой в долгосрочной перспективе, а я и так достаточно помучился за эти годы.

Очевидно, этого недостаточно, ублюдок, потому что ты все еще думаешь об этом.

Заткнись, мозг.

Я стою перед своим балконом, в середине последнего сеанса шпионажа. Однако в доме Рид темно и тихо, а это значит, что они, вероятно, спят.

Мои друзья ушли раньше, и Ронан позаботился о том, чтобы помахать мне оттуда, убедившись, что я его вижу.

Идиот.

С другой стороны, она улыбалась и казалась счастливой, учитывая, как блестели ее глаза и не опускались плечи.

Я имел в виду то, что сказал в больнице, она сильная и переживет это. Она будет стоять прямо и обнимать свои шрамы, растяжки и все, что между

ними. У Ким непреклонный дух, и хотя он сломался, теперь, когда Кэлвин и Эльза в курсе, это можно исправить.

На это уйдёт время, но с ней все будет в порядке.

Но не со мной.

Я тот, кто не спит каждую ночь, думая о ней, а потом проклиная себя за мысли о ней.

Это будет бесконечный порочный круг, и у меня не будет ни сил, ни воли остановить его.

Может, мне стоит пойти признаться или что-то в этом роде. Или мой грех слишком велик для этого? Я не хочу, чтобы священник топил меня в святой воде или гонялся за мной с битой.

Есть еще одно простое решение, которое спрячется в моем ящике в виде бутылки. Отец убрал все спиртное из дома и велел Ахмеду раздать их. Но у меня всегда где-нибудь припрятана бутылка.

Если я собираюсь быть трезвым, то с таким же успехом могу выйти с криком «Ура». Быть трезвым несколько дней отстой. Зуд похож на позыв, поглощающий изнутри. Он не оставит меня, пока этот ожог не защекочет мне горло.

Дверь открывается, и я вздыхаю. Конечно, отец вернулся бы, портя мне веселье. Я понимаю внезапный удар по родительству, но нам нужно отдохнуть друг от друга.

Мне нужно отдохнуть от ненависти к своему отцу, потому что он ее отец.

Мне нужно отдохнуть от мыслей о том, что он разрушил мою жизнь.

Мне нужно отдохнуть от него.

— Меня не интересуют разговоры, отец. Оставь меня, блядь, в покое.

Я ожидаю, что он сделает мне выговор за это своим строгим политическим голосом, но ответа не следует.

Может, на этот раз он понял.

Маленькие руки обхватывают меня сзади за талию.

— Я больше не оставлю тебя одного.

Что за...? Я сейчас напился без алкоголя?

Либо это, либо я схожу с ума, потому что ничто не объясняет мягкие руки, лежащие на моем животе, или голос, который должен посещать меня только во сне.

И мой ад, как только я умру.

Потому что я не сомневаюсь, что отправлюсь прямо туда. Сожалею ли я об этом? Для нее да. Для меня нет.

Я вроде как примирился со своими демонами после долгих лет борьбы, и они против идеи святой воды.

Мои демоны выплескиваются наружу, вторгаются в пространство и шепчут те мысли, которые, хотя и греховны, кажутся такими чертовски правильными.

В последний раз.

Одно последнее прикосновение.

Последний рывок в безумие.

Что ты можешь потерять?

Это могут быть демоны или мой сумасшедший разум, но я остаюсь неподвижным, впитывая ее тепло, которое проникает в меня и наполняет странным чувством комфорта.

Только когда она крепче обнимает меня за талию, я понимаю, что это не из-за алкоголя или сна, как в тот раз.

Ким здесь, и она обнимает меня.

Я хватаю ее за руку и пытаюсь вырваться. Хотя часть меня хочет, чтобы она осталась тут навсегда, это только наполнит ее сожалениями позже.

Минутная слабость будет управлять ее жизнью, и прежде чем она осознает это, все ее поступки съедят ее душу, как рак.

Вот что я чувствовал после поцелуя и орального секса. Я испытывал такую сильную вину перед ней, что в моей груди образовалась дыра, и пришлось заполнить ее бутылками с алкоголем.

Предупреждение о спойлере, это никогда не срабатывало.

Она не отпускает меня, ее хватка становится жесткой и неподатливой, в то время как ее грудь прижимается к моей спине.

Трахните меня.

— Отпусти меня, Ким.

Мой голос хриплый, неправильный.

Она качает головой, уткнувшись в мою футболку.

— Отпусти меня нахуй, — огрызаюсь я ради нее, а не ради себя.

Она должна держаться, блядь, подальше от меня, потому что я так близок к разрушению наших жизней.

Когда она не подчиняется, я хватаю ее за руки и отталкиваю. Она со вздохом отпускает, но не уходит.

Мы оба тяжело дышим, стоя друг напротив друга. Она, потому что, наверное, бежала по лестнице — как в детстве, когда была взволнована. Я, из-за всех этих черных мыслей, кружащихся в моей голове. Мысли о том, чтобы снова обнять ее, поцеловать и быть грешным ублюдком, достойным ада и всех его друзей.

— Почему ты здесь? — я говорю своим жестоким тоном, которым всегда отталкивает ее.

Вот как я притворяюсь, что ее присутствие не меняет мой мир и не позволяет ему вернуться к нормальному равновесию.

— Из-за тебя. — она улыбается, ее глаза сверкают, словно она читает одну из своих книг.

— Ты что, не слышала ни слова из того, что я сказал в больнице? Ты моя сестра, Ким.

Чем больше я произношу это слово, тем сильнее вонзаюсь в лезвие, которое было семь лет назад. Оно становится ржавым, и чертовски причиняющим боль, когда его выворачивают.

Она вздергивает подбородок.

— Нет.

— То, что ты хочешь, чтобы так было, еще не значит, что это правда.
Ты больше не ребенок. Повзрослей.

— Пошел ты, ладно?

Это невозможно. Или, возможно, если она сейчас же не уберется отсюда к чертовой матери.

— Не знал, что у тебя фетиш на инцест, Ким. — я ухмыляюсь.

— Очевидно, у тебя тоже. Ты всегда думал об этом, не так ли, Ксан?
Моя челюсть сжимается, но я продолжаю молчать.

— Я не осуждаю тебя, — вздыхает она. — Я, вероятно, была такой же.

— Ну, я осуждаю тебя, так что убирайся отсюда к чертовой матери.

— Значит, ты можешь уйти и никогда не возвращаться? — она смотрит на меня своими огромными, пронзающими внутренности глазами.

Эти глаза станут причиной моего свободного падения в ад. Я вижу это, чувствую это, почти могу, блядь, попробовать на вкус.

— Да, — бормочу я.

— Знаешь, даже если бы мы были братом и сестрой, я бы предпочла, чтобы ты был рядом, чем вообще не был.

— Что, черт возьми, с тобой не так? Как думаешь, я смогу остаться здесь после всего, что случилось?

— Я надеюсь на это.

— *Что?*

— Сначала выслушай меня, хорошо? Папа мне все рассказал.

Я делаю паузу.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не брат и сестра, по крайней мере, биологически.

Затем она продолжает рассказывать мне, что сказал Кэлвин о своих отношениях с моей мамой и о мести отца и Джанин.

Все это время я слушаю ее, но даже не уверен, правильно ли до меня доходят слова.

Тот факт, что Кэлвин мой биологический отец.

Тот факт, что папа добровольно выбрал быть моим отцом.

Тот факт, что мама не была святой, как я пытался убедить себя.

Но самое главное, один факт остается со мной на протяжении всего пересказа.

Один факт оживляет мое сердце и позволяет ему забиться.

После того, как Ким заканчивает говорить, она смотрит на меня с той искоркой в глазах, надеждой и волнением, которые, как я думал, я когда-то убил, но они все еще возвращаются в ее жизнь.

На этот раз я не собираюсь это убивать. Я буду защищать это, процветать на этом.

— Ну что? — спрашивает она.

— Ну что?

Она хватается меня за руку.

— Тебе нечего сказать?

Я улыбаюсь ее нетерпению. Некоторые вещи никогда не меняются.

— Например, что?

— Ксан! — огрызается она.

Моя ладонь находит ее щеку, и мой большой палец гладит припухлость под ее глазом. Это значит, что она плакала перед тем, как прийти сюда.

И снова я заставил ее плакать.

Она прижимается ко мне, как котенок, и вздыхает.

Мы с Ким одинаковы во многих отношениях. Мы оба сломлены, ущербны и испытываем неутолимый голод.

Голод такой яростный, что разрывает наши души.

Голод такой сильный, что ничто, кроме другого, не может утолить его.

— Значит ли это, что ты не моя сестра? — я задаю вопрос, который она хотела услышать с тех пор, как пробежала весь этот путь сюда.

— Ты прав. Даже близко нет.

— Спасибо, блядь.

Я приподнимаю ее голову и ловлю ее губы своими.

Глава 29

Кимберли

Ксандер пожирает меня.

Мне даже не нужно открывать рот, или участвовать, или что-то делать.

Обе его руки на моем лице, когда он всасывает мою душу в свою, или это то, что, я думаю, происходит с тем, как он покусывает мою губу, как он танцует с моим языком, как он лишает меня воздуха.

Он прижимает меня к стене, и я стону от чистого блаженства, когда моя спина ударяется о твердую поверхность. Мои ноги обвиваются вокруг него, когда он поднимает меня, а руки устраиваются вокруг его шеи.

Боже. Он такой сильный и подвижный, его талия подтянутая и узкая и идеально подходит для моих ног.

Стоит ли нам делать это сейчас?

Он задирает мою юбку, и я обхватываю его ногами, отрывая губы.

— Подожди.

Из него вырывается стон.

— Я ждал достаточно долго, Грин.

У меня перехватывает дыхание, когда он произносит мое прозвище. Это единственное имя, которым я хочу, чтобы он называл меня до конца времен.

— Быть может, нам стоит сначала поговорить?

Не знаю, почему это звучит как вопрос или почему я так задыхаюсь, говоря это.

— Я могу говорить и во время процесса. — он задирает мою юбку мне на бедра, и она обвивается вокруг талии. — О чем ты хочешь поговорить? О тебе? Обо мне? Но как насчет того, чтобы я трахнул тебя?

Я прикусываю нижнюю губу, словно это заставит покрасневшие щеки исчезнуть.

— Как насчет того факта, что мы были братом и сестрой всего пять минут назад?

Как только эти слова произносятся, я сожалею о них. Как будто я порчу все настроение. Хотя я никогда не считала его своим братом, он считал меня сестрой — в течение семи лет.

Все эти годы он думал, что мы кровные родственники, и это, должно быть, разрушило его изнутри. Это ранило его сердце и разъедало рыцарские доспехи, как кислота.

— Это не помешало мне хотеть тебя, это просто мешало мне действовать в соответствии с этим. — он наклоняется и захватывает мою нижнюю губу в рот. — Частично, по крайней мере.

Он возится с чем-то, между нами, и мое сердце сжимается каждый раз, когда появляется намек на трение.

Хотя его слова должны были оказать на меня какое-то негативное влияние, они не оказывают. Во всяком случае, я влажнее, горячее.

Ксандер это огонь, а я бензин, ожидающий сгореть.

Он океан в его глазах, и все, чего я хочу, это утонуть. Возможно, никогда не вынырнуть.

Это того стоит.

— Ты ненавидишь меня за то, что я хочу тебя? — он обхватывает сильной рукой мою спину и устраивает свой твердый член напротив моего входа.

Это происходит.

О, Боже. Это действительно происходит.

Не падай в обморок. Не смей падать в обморок и все испортить.

Я заставляю себя посмотреть на него, используя его как якорь, и говорю самые правдивые слова, которые я когда-либо говорила.

— Нет.

— Как насчет того, если я не воспользуюсь защитой, потому что хочу почувствовать, как ты душишь мой член?

Почему он должен так говорить и почему мои бедра покрыты возбуждением.

— Нет. Я-я на таблетках.

Я пила их годами, втайне надеясь, что однажды он возьмет меня, завладеет мной, сделает своей.

Я и не подозревала, что он никогда бы этого не сделал. До этого момента.

— Черт, Грин. — он резко дышит мне в лицо. — Я так долго ждал этого, что даже не знаю, как начать и закончить с тобой.

— Тогда не заканчивай, — бормочу я.

— Держу пари, что я не закончу. Я вытрясу из тебя все это потраченное впустую время.

Я наклоняюсь к его уху и шепчу:

— Я тоже так долго ждала тебя.

Это все, что я могу сказать, когда он скользит в меня на одном дыхании. Это начинается медленно, но как только он полностью во мне, мы оба глубоко выдыхаем.

Я жду того, что, как говорят люди, случается в первый раз, но этого почти нет. Или, может, я слишком погружена в этот момент и опьянена Ксандером, чтобы почувствовать.

Бывали времена, когда я лежала в постели и представляла, как это будет, я имею в виду мой первый раз. Будет ли это быстро, медленно, страстно или эмоционально, не имело значения. Потому что за все это время лицо Ксандера было единственным, которое появилось.

Никакая фантазия не смогла бы подготовить меня к тому, как он ведёт себя спокойно и мягко. К тому, как все его тело привыкает к моему. К тому, как он держит меня за спину с силой, но и с заботой.

Но сейчас мне не нужна забота.

Мне нужно, чтобы он взял меня, заставил почувствовать, как сильно он меня хочет, и доказать, что он действительно думал обо мне раньше.

— Сильнее, Ксан, — выдыхаю я.

— Я не хочу сделать тебе больно.

— Я хочу, чтобы ты сделал мне больно.

Он усмехается, и этот звук звучит как музыка для ушей.

— Моя властная Грин вернулась, не так ли?

— Да. А теперь сделай это.

— Я большой, а ты чертовски тугая, — хрипит он. — У тебя будет болеть несколько дней.

— Я хочу, чтобы все болело несколько дней.

— Трахни меня. — его голубые глаза озорно мерцают. — Почему ты хочешь, чтобы все болело несколько дней? Чтобы ты могла помнить?

Я киваю.

Его ухмылка в сочетании с этими ямочками на щеках могла бы тайно убить меня.

— Тебе не придется помнить, потому что я не остановлюсь в течение нескольких дней.

Вспышка эмоций охватывает его лицо, когда он целует меня, ускоряя движения. Он прав, я слишком тугая, и из-за этого каждый толчок причиняет боль. Но это приятная боль, та, которая с каждой секундой затягивает меня все глубже.

Мое дыхание учащается, и ногти впиваются в его золотистые волосы, когда его бедра дергаются от силы его толчков. Моя спина ударяется о стену, и внизу живота образуется волна, сильная и непреклонная.

— Ксан.. О, Боже...

— О, черт, черт! — рычит он мне в губы. — Ты близко?

— Думаю, да.

Он протягивает руку между нами и щелкает мой клитор, добавляя сводящее с ума давление на I кистку.

— Я больше не могу сдерживаться.

— Я тоже.

Мои ботинки впиваются в его задницу, когда он врезается в меня с такой жестокостью, что на секунду я впадаю в бред, не в силах вспомнить, где, черт возьми, я нахожусь или что я делаю. Его бедра дергаются снова и снова, словно он не может контролировать силу, пульсирующую в нем.

— Я так долго хотел тебя, Грин. Так чертовски долго.

— Я тоже, — признаюсь я сквозь стон.

— Я хотел тебя, даже когда не должен был.

— Мне все равно.

— Я так сильно хотел, чтобы ты стала моей, что это причиняло боль.

— Ты хотел?

— Я хотел похитить тебя туда, где нас никто не знает, и трахать, пока мы больше не сможем двигаться, — признается он мне в рот. — Я хотел забрать тебя из этого мира и оставить для себя.

Так почему ты этого не сделал?

Я не произношу эти слова вслух, так как внутри меня проносится резкая волна. Она внезапная и дикая, и прежде, чем я осознаю ее, я тону в ней.

Его запах единственное, чем я дышу, немного похожий на океан, очень похожий на мяту и так похожий на принадлежность.

Ксандер всегда был тем, с кем я могу быть, единственным, перед кем я никогда не чувствовала, что должна притворяться.

Он был моим рыцарем, моим якорем. Моим единственным и неповторимым.

Я медленно спускаюсь со своей волны, ощущая, как что-то теплое стекает по моим бедрам.

Он смотрит на меня с извиняющимся выражением лица, хотя похоть все еще витает в нем.

— Удивлен, что я продержался так долго, учитывая, как много я фантазировал о тебе.

Я прикусываю нижнюю губу, затем отпускаю.

— Ты фантазировал обо мне?

— Все это чертово время. Это свело меня с ума.

Мои пальцы теряются в его волосах, когда я смотрю на него сквозь ресницы.

— Даже когда ты был с другими?

— Какими другими? — он касается своими губами моих. — Ты у меня первая, Грин.

Глава 30

Кимберли

— Ты девственник? — моя глаза расширяются, спрашивая в сотый раз.
— Серьезно?

— Завязывай, пожалуйста?

— Нет, мне нужны подробности — *все* до единой.

— Подробности? Серьезно, Грин? Кроме того, ты немного отвлекаешь.

Я бросаю взгляд на себя и понимаю, что после того, как он отнес меня в постель, он раздел меня, пока я продолжала спрашивать его о бомбе, которую он сбросил ранее.

В данный момент я стою на коленях у него между ног, когда он закидывает рубашку за спину и отбрасывает брюки и боксеры. Мы оба совершенно голые, как в детстве, когда мы вместе принимали ванну.

Но сейчас все по-другому, и это как-то связано с его полутвердым членом, на который я не могу перестать пялиться.

Единственная причина, по которой я разрываю зрительный контакт, это темный взгляд его глаз. В них таится так много обещаний, дразнящих, заманивающих. Мой череп покалывает в предвкушении, а бедра неохотно сжимаются.

Странно, как я перестала думать о своем теле перед ним, или, скорее, о том, как он видит меня. Это из-за того, как он смотрит на меня, клянусь; в нем столько тепла и желания, что нет места для мерзких сомнений.

Часть меня хочет нырнуть в его объятия и никогда больше не выныривать, но сначала мое любопытство нуждается в ответах.

Обернув одеяло вокруг себя, я наклоняюсь так, что вся моя передняя часть соприкасается с его. Тонкая ткань единственный барьер, между нами.

— Лучше?

Стон, который вырывается из его горла, такой мужественный и грубый.

- Ты убиваешь меня, Грин.
- Я остановлюсь, если ты расскажешь мне.
- Может, после второго раунда.
- Нет.

Мои пальцы ложатся ему на грудь, и я провожу кончиками пальцев по его соску. Он твёрдый, как и все остальное в нем.

— Для начала, прекрати это, или я кончу на твоё жалкое одеяло.

Я все еще держу руку, не убираю ее.

— Так что, как говорится в статьях, мужские соски тоже чувствительны.

— Какого рода статьи ты читала?

Его тон насмешливый.

— Ну, знаешь, всякие.

— Это какие?

Я краснею.

— Сексуальные.

— Сексуальные, да?

— Вот как я держу себя в курсе. Теперь доволен?

Он усмехается, и я не могу злиться или дуться, когда он это делает. Это похоже на счастливую песню. На мою собственную счастливую песню, текст которой знаю только я.

— На самом деле я не удивлен.

— Не удивлен? — подозрительно спрашиваю я.

— Ты всегда была любопытным маленьким котенком. — он постукивает меня по носу. — Почему бы тебе по-другому относиться к сексу?

— Ты помнишь?

— Я же говорил. Я помню о тебе все.

— Нет, ты не помнишь.

— Попробуй.

Я прищуриваюсь.

— Когда мне удалили мой первый зуб?

— В первом классе.

— Когда я решила, что фисташки мой любимый вкус?

— Летом.

— Какое мое любимое животное?

— Тигры, но ты довольствуешься кошками, потому что можешь их гладить и растить.

— Тогда почему у меня их нет?

— Потому что ты была травмирована после смерти Луны. Ты все еще скучаешь по ней и не хочешь, чтобы твое сердце снова было разбито.

Мой подбородок дрожит, но я продолжаю спрашивать.

— Какой мой второй любимый цвет?

— У тебя его нет, потому что все остальные цвета, кроме зеленого, отстой.

Боже. Он действительно помнит.

— Когда у меня произошёл мой первый поцелуй?

— Небрежный поцелуй или настоящий?

— Все.

— Это было со мной, когда нам было по десять, и я поцеловал тебя в губы, а не в щеку. — он замолкает, сжимая челюсти. — Что касается настоящего, я не знаю.

— На вечеринке Ронана с одним пьяным придурком, который поцеловал меня до полусмерти, а потом сказал, что я отвратительна.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду. Это мой защитный механизм, не забыла?

— Это все еще причиняет боль.

— Грин...

Я поднимаю плечо.

— Я не буду лгать тебе, Ксан. Я не скажу, что сейчас все в порядке. Сдерживание эмоций вот что привело меня туда, где я нахожусь сегодня, поэтому я стараюсь не позволять боли поселиться внутри.

— Я не против. — он сжимает мою руку, которая лежит у него на груди. — Я буду сотрудничать. Порази меня своей болью.

— Я только что это сделала. Я не так жестока, как ты.

— Ой. Я заслуживаю этого.

— Давай согласимся, что ты заслуживаешь большего, но я никогда не причиню тебе боль, Ксан.

— Ты сделала это. — он вздыхает, звук громкий и глубокий. — Ты просто не была в курсе. Самое трудное, что мне когда-либо приходилось делать в своей жизни, это притворяться, что я ненавижу тебя, хотя я никогда не ненавидел.

— Никогда?

— Никогда. Даже близко нет, — повторяет он мои предыдущие слова, но его тон совершенно серьезен. — Я сделаю все возможное, чтобы загладить свою вину перед тобой любым доступным мне способом.

— Как насчет того, чтобы рассказать мне, почему ты был девственником.

Он делает еще один вдох, на этот раз смиренный.

— Ты никогда не сдашься, не так ли?

— Нет. — когда он не двигается с места, я толкаю его. — Один раз Ронан хвастался тем, что он первый, кто потерял девственность, а Эйден последний. Я думала, ты где-то посередине.

И, возможно, в то время у меня заболел живот.

— Думаешь, я бы сказал Ронану, что я девственник? Он бы избегал меня, а потом накачал наркотиками и привел бы мне проститутку.

Да. Это так похоже на Ронана.

— Если ты так рисковал, почему просто не поплыл по течению?

— Я же говорил, я всегда хотел тебя.

— Но ты все равно мог бы заниматься сексом.

Даже когда я произношу эти слова, я не могу избавиться от горького привкуса, взрывающегося в горле.

Все время, когда я видела его с другими девушками, горечь просачивалась внутрь. Эти пульсации боли и напряжение в груди практически возвращаются.

Я ненавидела, когда он был с другими. И я тоже ненавидел себя за это.

Он приподнимает плечо.

— Я никогда не хотел никого, кроме тебя.

Мои губы приоткрываются.

— Тогда почему ты был с Вероникой, Саммер и всеми остальными вокруг? Ты закрывался с ними в комнатах.

— Но я ничего с ними не делал, кроме того, что они смотрели со мной порно. Если бы они переспали друг с другом, я бы наблюдал, как они набрасываются друг на друга. Они ни словом не обмолвились об этом, потому что больше заботились о фантазии и о том, чтобы быть со мной. Они заботились об образе, а не обо мне.

— Значит, ты тоже делал это ради образа?

— Нет. Я делал это, чтобы подтолкнуть тебя, чтобы ты никогда не хотела меня так, как я, блядь, жаждал тебя. — слабая улыбка появляется на его губах. — Я был так болен.

— Нет, не болен, ущербен.

— Ущербен, да?

— Да, настолько, что немного тошнит.

— Немного?

— Да, немного. Потому что правда в том, что я больна.

Он приподнимает бровь.

— Продолжай. Ты не можешь оставить меня в неизвестности.

Я прячу лицо в его твердой, как камень, груди и говорю напротив:

— Я всегда мечтала о том, как ты залезешь в мое окно и лишишь меня девственности.

Ответа не следует.

Я все испортила? Черт, мне нужно научиться перестать делиться. Мы просто собираемся снова быть вместе. Ему не нужен билет в один конец моих мыслей.

Я бросаю на него быстрый взгляд и замираю, глядя на выражение его лица. Он смотрит на меня такими напряженными глазами, словно собирается проглотить меня целиком и ничего не оставить после.

— Я сделаю это в следующий раз, — говорит он хриплым голосом.

— Нет, это не...

— Мне нравится твой разум, Грин. Он так похож на мой.

Я прикусываю уголок губы.

— Действительно?

— Ох, конечно. — он проводит пальцами по моим волосам. — Это значит, что ты фантазировала о том, чтобы быть моей?

— Возможно.

— Возможно недостаточно. Старайся усерднее.

Я поднимаю руку и провожу кончиками пальцев по его губам.

— Может, я тоже хотела прийти. Может, я наблюдала, как ты расслабляешься полуголым у бассейна.

— Кто-то здесь сталкер.

— Заткнись. Это ты сталкер. Ронан, и Коул сказали мне, что ты следишь за мной.

— Стукачи.

— Просто признай это.

— У меня есть идея получше.

Я хмурю брови.

— Что?

— Ты знала, что все это время, пока ты находилась в таком виде, ты мучила меня, Грин?

Мои щеки краснеют, но я не пытаюсь пошевелиться, хотя и не могу.

— Или ты делаешь это нарочно?

— Нет.

— Убери это одеяло.

— З-зачем?

— Помнишь, что я сказал тебе в тот раз? Когда я приказываю, ты... — он замолкает, ожидая.

У меня перехватывает дыхание, и требуется несколько секунд, чтобы выровнять его, прежде чем я медленно снимаю с себя одеяло. Оно скользит по моим твердым соскам, создавая мучительное трение.

— Теперь положи обе руки мне на плечи и приподнимись.

То, как он мне приказывает, переводит меня в режим повышенной готовности. Это желание такое глубокое, что я едва могу сдерживать его внутри тела.

Я хочу кричать об этом с крыш и звезд.

Несмотря на то, что мое тело дрожит, я делаю, как сказано, сжимаю его плечо и приподнимаюсь.

Он гладит свой член, и когда я на мгновение замираю от этого движения, я игнорирую свои дрожащие конечности.

— А теперь опустишься.

— Ксан...

— Сделай. Это.

Его не подлежащий обсуждению тон побуждает меня к действию, и я медленно, слишком медленно опускаюсь на его твердый член.

Мы стонем в унисон, когда его член растягивает меня. Мои бедра дрожат, чем больше я его вбираю в себя.

— Ты так чертовски хорошо ощущаешься.

Я останавливаюсь, тяжело дыша, пытаюсь принять его.

— Опустись до конца, Грин.

— Но ты большой.

— Ты сказала, что тебе нравится, когда тебе причиняют боль.

Я покусываю нижнюю губу.

— Да.

— Но тебе больше нравится, когда я это делаю?

Мои глаза расширяются. Как он может читать меня так быстро?

Хотя мне и не нужно ничего говорить. Он хватает меня за бедра и одним безжалостным движением входит во всю длину. Его яйца с силой ударяются о мою задницу. Я вскрикиваю, а затем визжу, когда он переворачивает меня так, что я оказываюсь под ним.

В отличие от предыдущего, мне не нужно говорить ему, чтобы он двигался. Он входит в меня с настойчивостью отчаявшегося человека.

У кого ничего нет ни до, и ничего после.

Чем сильнее он погружается в меня, тем крепче я прижимаюсь к нему.

Мне больно, но это последняя мысль, которая сейчас у меня в голове.

Ксандер не единственный, кто в отчаянии. Я тоже.

Я ждала его так долго, что теперь это кажется почти нереальным, как будто, я проснусь, и все окажется сном.

Если это сон, то я не заинтересована в пробуждении. Я могу застрять здесь навечно, большое вам спасибо.

— Ты такая красивая, Грин. — его глаза держат меня в плену, пока его член завладевает мной. — Ты сводила меня с ума, черт тебя возьми.

Не знаю, то ли дело в его словах, то ли в его ритме, но через минуту я кончаю. Рекордное время было бы неловким, если бы у меня хватило ясности ума позаботиться об этом.

Имя Ксандера единственное, что сходит с моих губ, когда я достигаю этой вершины, этого места свободы. Здесь нет ни тумана, ни боли. Просто чистый кайф.

— Скажи это еще раз, — рычит он.

— Что?

— Мое имя.

— Ксан. — я касаюсь его губ своими. — Я скучала по тебе, Ксан.

Он стонет, когда его спина напрягается, и он присоединяется ко мне через край.

Ксандер подносит мое забинтованное запястье к губам и оставляет нежный поцелуй, приносящий на самом деле боль.

Не физически, а эмоционально. Тот факт, что он видит это, что он видел это, даже когда я сама отказывалась, заставляет меня захотеть спрятаться.

Но я не прячусь, только не от него.

Он единственный, от кого я никогда не могла спрятаться.

— Я тоже скучал по тебе, Грин.

Глава 31

Ксандер

Коул не ошибся, назвав меня наблюдателем.

Все верно. Этому я не могу сопротивляться.

Мой взгляд следует за Ким, когда она исчезает в своем доме, с огромной улыбкой на лице.

За ее покрасневшимся лицом, которым я еще не насытился.

За лицом, которое никогда не покинет меня, даже если она захочет.

Теперь, когда все эти факты стали известны, я перешел в состояние наблюдателя и перешел в категорию другого типа.

Зависимого.

Есть разница между одержимостью и наблюдением издалека и неспособностью перестать думать о чем-то.

Это даже хуже, чем алкоголь, потому что эта зависимость только начала убивать эту зависимость.

Излишне говорить, что это не работает.

— Повернись, — шепчу я себе, стоя у входной двери.

Если бы это зависело от меня, она бы не покидала мою постель в течение... лет, примерно так.

Мы начнем с семи лет, когда я сопротивлялся ей, себе и всему, что имело смысл, и умножу их для компенсации.

А потом я привяжу ее к себе, потому что, черт возьми, теперь она ни за что не останется вне моего поля зрения.

Ким останавливается на пороге и оглядывается через плечо, зажимая уголок губы зубами.

Трахните меня.

— Ты убиваешь меня, Грин, — говорю я одними губами.

Она улыбается. Это что-то особенное, ее улыбка. В этом зеленом взгляде все еще видна боль, так много скрытой боли, что я знаю, что она не исцелится волшебным образом, но она все еще борется. Она все еще хочет улыбаться и быть нормальной. Она все еще отдает все свое сердце и втайне верит в магию, и, вероятно, именно поэтому она испытывает такую боль.

Эта боль теперь станет моей, как и все остальное в ней.

Я остаюсь, как гребаный идиот, еще долго после того, как она исчезает внутри.

После того, как я трахнул ее сегодня утром в душе, у меня был идеальный план провести день у нее между ног. Но как бы Ким ни нравилась боль, ей больно до такой степени, что она смешно двигалась.

Поэтому я придумал план Б — целовать все ее тело, поклоняться ее рту, а затем перейти к ее киске.

Однако этот план может подождать до тех пор, пока она не получит то, в чем она нуждается после выписки из больницы — выйти на улицу, быть там и верить в уверенность, которую она медленно обретает, даже не осознавая этого.

Вот почему я предложил свидание. Я улыбаюсь тому, как округлились ее глаза, когда я сказал «свидание», но потом она ответила, что Кириан плохо себя чувствует, и ей придется провести с ним время. Итак, это тройное свидание. Не то чтобы я возражал. Кириана можно подкупить играми и пирожными.

Вот почему она вернулась домой — переодеться и забрать Кириана.

Я захожу внутрь и наливаю себе чашку кофе. Я ищу под шкафом бутылку ликера, подойдет все, что угодно. Это не обязательно должна быть водка.

Даже виски.

Я захлопываю шкаф, вспомнив, что дорогой папочка запретил алкоголь дома. Я провожу рукой по бровям. Люди испытывают головные боли после похмелья; я же, когда не пью свой утренний «кофе».

— Никакого алкоголя. Привыкай к этому.

Папа стоит у лестницы. Впервые за все время в его словах нет настоящей злобы.

На нем пижама — это еще одно первое. Даже если это выходные, папа всегда находит ужин, благотворительность, поздний завтрак.

Каждый случай — это способ общения с людьми, а люди его специальность.

Просто не человек напротив него.

— Ты же знаешь, что я на самом деле держу записку везде, верно? — я приподнимаю бровь. — Ахмед не может найти все.

— Я знаю. — он потирает челюсть. — Вот почему ты отправляешься на реабилитацию.

— Конечно, отец, — говорю я с сарказмом. — Я закончу любую программу, а затем вернусь, чтобы сделать то, в чем я хорош: разрушить твою карьеру.

— Разрушить мою карьеру? — он повторяет с тем же уровнем моего сарказма. — Неужели ты не можешь понять, что губишь свою жизнь, а не мою карьеру?

Я не идиот. Я знаю, это.

— Если это на шаг ближе к падению великого Льюиса Найта, я счастлив пойти на жертвы.

Секунду он ничего не говорит, просто продолжает смотреть на меня, будто я его злейший враг, но также и ближайший союзник. Его жизнь так одинока, несмотря на всех членов его партии и на то, что, черт возьми, он никому не доверяет.

— Что насчет нее? — его вопрос заставляет меня застыть.

— Нее?

— Ким. — он снова потирает челюсть, прежде чем позволить своей руке упасть на бок. — Что ты можешь ей предложить, если разрушишь свою

жизнь? Ее психическое состояние достаточно тяжёлое. Я не позволю тебе ухудшить это. Кэлвин тоже не даст.

Теперь видно его истинное лицо. В конце концов, его настоящий биологический ребенок это тот, кто имеет значение.

Папа всегда спрашивал о ней, следил, чтобы о ней хорошо заботились, и сказал Ахмеду, что у нее и Кириана свободный доступ в наш дом.

Когда она была госпитализирована, я несколько раз слышал, как Кэлвин разговаривал с ним. Папа едва находит время, чтобы поесть, поэтому удивительно, что он позвонил кому-то за пределами своего рабочего круга. И не просто кому-нибудь — Кэлвину.

В течение многих лет он проявлял свою заботу незаметно, как любящий дядя. Потому что его карьера не позволяет ему открыто говорить о незаконнорожденном ребенке.

Ну, раз отец не любит сюрпризов, пора испортить ему утро.

— Она знает, — говорю я.

— Она знает что?

— Что ты ее отец, точно так же, как я знаю, что ты не мой отец. — он молчит, но его лицо не меняется. — Подожди. Ты уже знаешь?

— Кэлвин рассказал мне.

— Верно. — я усмехаюсь. — С каких это пор вы двое держите свою линию разведки открытой?

— Сейчас это не важно.

— Конечно, ты важен. Твоя карьера. Твои чертовы выборы. Твоя вечеринка. Так вот почему ты не встретился с ней лицом к лицу? Потому что боишься сказать, что твоя политическая карьера важнее всех остальных, включая ее?

— Я не сказал ей, по той же самой причине почему тебе нужно бросить пить. Ее психическое состояние сейчас не нуждается в большем давлении.

— Конечно, я тебе верю.

— Ксандер, — он произносит мое имя таким нетерпеливым тоном, словно я последнее, с чем он хочет иметь дело. — Думаешь, мне было легко отказаться от своей дочери? От моей собственной плоти и крови? Это было самое тяжёлое решение, которое я принял в своей жизни, но, по крайней мере, я могу увидеть ее, говорить с ней и убедиться, что с ней все в порядке. Кэлвин сказал, что она все еще хрупкая. Я не позволю тебе ухудшить ее состояние.

— Твой приятель по переписке Кэлвин, возможно, упоминал, что я тоже знал? В течение гребанных семи лет, если позволишь добавить.

— Язык.

— К черту это, отец. Ох, подожди, ты никогда им не был. И хуже всего то, что мне не нужен тест ДНК, чтобы это выяснить. — я иду к нему и тычу пальцем в грудь. — Ты перестал быть моим отцом в тот день, когда мама ушла из-за тебя.

Затем я вылетаю из дома. Папа зовет меня, но я считаю, что его как будто не существует.

Я делаю глубокий вдох, прежде чем пойти забрать Ким и Кира. Им не нужно видеть меня на грани возгорания.

В поле зрения появляется Мазда, а затем я вижу ублюдка, который раньше называл себя моим другом.

Он щиплет Ким за щеку и ухмыляется ей, как в каком-нибудь клише из фильма.

Моя первая мысль сломать ему руку.

Забудьте. Это не только моя первая мысль, это все мысли, бушующие в голове.

Теперь никто не прикасается к ней, ни он, никто-либо другой.

Хотя у меня и раньше часто возникали такие мысли, это первый раз, когда я могу действовать в соответствии с ними.

За исключением того, что врезал Ронану в другой раз или до этого. Если он будет продолжать в том же духе, я убью его на хрен.

Я иду к ним, пока они о чем-то радостно болтают. О чем, я понятия не имею. Все, что я знаю, это то, что я ненавижу все, о чем они говорят.

Вместо того, чтобы ударить его по лицу, как хочет часть меня, я просто отталкиваю его, хватаю Ким за руку и прижимаю ее к себе. Моя рука собственнически обхватывает изгиб ее талии.

Легкая дрожь проходит по ней и достигает меня сквозь одежду. Я избегаю ее взгляда, потому что это смягчит меня, а я нуждаюсь во всей резкости, чтобы разобраться с этим ублюдком.

— *Bonjour* — *Привет*, Найт. — он усмехается, затем прищуривает глаза. — А теперь отпусти мою Кимми. Я приглашал ее на свидание.

— Она не твоя *Кимми*. — я притягиваю ее еще ближе, пока не исчезает грань, отделяющая ее крошечное тело от моего.

— Конечно, она моя. Не похоже...

— Она моя. — я обрываю его.

Огромная тяжесть спадает с моей груди, когда я произношу эти слова. Я даже не могу вспомнить, как долго я держал их внутри. Все, что я знаю, это то, что прошло так много времени, что неспособность произнести их в какой-то момент стала болезненной.

Я случайно бросаю взгляд на Ким, но она не смотрит ни на Ронана, ни на сцену. Все ее внимание приковано ко мне, губы приоткрыты, и эта искра сияет в ее темно-зеленых глазах.

Если это заколдованный лес, я готов заблудиться и никогда не быть найденным.

Ронан поднимает бровь.

— Ох?

Верно. Я с неохотой отрываю от нее взгляд.

— А теперь, убирайся и держи свои руки подальше от нее, или я изобью тебя до смерти.

— Ты кое-что забываешь, Найт. — его губы кривятся в ухмылке. — Сначала она пошла со мной на свидание. Не так ли, Кимми?

— Ты, блядь.. — я собираюсь броситься на него, но она обхватывает меня своими тонкими руками.

Это всего лишь прикосновение, но его достаточно, чтобы погасить весь огонь внутри.

— Прекрати, Ро, — ругается она.

— Хорошо. — он закатывает глаза, затем пронзает меня свирепым взглядом. — Один промах, и я заберу ее. Помни, прекрасный принц лучше рыцаря в сверкающих доспехах.

— Пошел ты. — я для пущей убедительности замахиваюсь на него.

— Нет, спасибо. — он машет нам по дороге к своей машине. — Слышал, у капитана есть привилегия для этого.

— Ублюдох, — бормочу я себе под нос, когда плечи Ким сотрясаются от смеха. — Над чем ты смеешься?

— Над тем фактом, что у Коула есть привилегии. Эльза и Тил рассказывали мне о том, как вы с Коулом... ты знаешь.

Если бы она знала, что это было только из-за цвета его глаз, она, вероятно, подумала бы, что я урод, поэтому я держу эту информацию при себе.

— И ты смеешься, потому что...?

— Я не знаю. Это немного странно, но также странно извращенно представлять тебя и Коула.

Я поднимаю бровь.

— Ты представляла меня и Коула?

— Нет! — она бьет меня по плечу. — Ну, возможно. Я имею в виду, что все в школе говорили об этом. Это не значит, что я хочу, чтобы это произошло.

— Почему нет?

Она приподнимает плечо.

— Мне не нравится думать о тебе с другими.

— Так вот почему ты ударила Веронику?

Она морщится, но кладет руку на бедро.

— Может, я ударила ее по той же причине, по которой ты подрался с Ро.

— Его зовут Ронан.

— Что, если Ро мне нравится больше?

— Кимберли, — предупреждаю я.

Она обнимает меня обеими руками за талию и прижимается головой к моему боку, поэтому, когда говорит, ее голос звучит немного приглушенно.

— Скажи это еще раз.

— Кимберли?

— Нет, ту часть, которую ты сказал Ронану ранее.

— Ты моя?

Она несколько раз кивает.

Я приподнимаю ее подбородок, чтобы она смотрела на меня, когда я произношу:

— Ты моя, Грин. Сейчас и навсегда.

— Навсегда?

— Черт возьми, навсегда.

Я опускаю голову, чтобы завладеть ее губами, когда прочищение горла останавливает меня.

Кэлвин стоит в дверях, помогая Кириану с рюкзаком. Как только маленький человечек видит меня, он бросает своего отца и бежит ко мне, чтобы обнять мою ногу.

— Ксан!

Ким краснеет, как мешок с помидорами, высвобождаясь из-под меня.

— Привет, Супермен. — я даю ему кулак, и он дует в него.

— Мы поедem в твоей машине? Да?

— Конечно. — я бросаю ему ключ.

— Да! Мне не нужна машина Кимми.

— Эй! — ругается она. — Что не так с моей машиной, Обезьянка?

— Она не крутая.

Он прячется за моей ногой и смотрит ей в лицо.

— Я защекочу тебя до смерти. А вот и горилла за обезьяной.

— Нееет!

Она начинает гоняться за ним вокруг меня, пока он кричит и просит меня о помощи.

Хотя я бы сделал это при других обстоятельствах, я просто не могу отвести взгляд от Кэлвина.

Он все еще стоит, держит рюкзак Кириана и тепло улыбается, наблюдая за происходящим передо мной.

Этот человек мой отец. По крайней мере, мой биологический. Несмотря на все мои предыдущие разговоры, странно представлять кого-либо, кроме Льюиса, в качестве моего отца.

Кроме того, Кэлвин всегда был отцом Ким и тем родителем, в котором она нуждается в своей жизни. Несмотря на свой статус отсутствующего, он всегда смотрел на своих детей так, будто они единственные, кто имеет значение. Не то что папа, который оглядывался назад только тогда, когда его семья создавала какие-то проблемы для его карьеры.

Взгляд Кэлвина встречается с моим, и его улыбка не дёргается и не меняется. Все ещё теплая и заботливая.

Я качаю головой. Должно быть, мне что-то почудилось, потому что я не получил свою обычную дозу алкоголя.

Кэлвин последнее, о чем я думаю, и хотя я не признавался в этом отцу, он прав насчет того, насколько хрупка Ким в этот период. Мы должны сосредоточиться на ней, а не на каком-то другом придурке.

Я поднимаю Кириана, и он визжит от восторга, когда я сажаю его себе на плечи.

Ким пытается прыгнуть, но не может дотянуться до него.

— Эй! Это жульничество.

— Команда Супермена! — кричит он. — Ксан, сразись с Кимми, как в тот раз.

— Замолчи, Кир, — она краснеет, понизив голос.

— Но ты сказала, что это была особая борьба. — он пристально смотрит на Кэлвина. — Что значит особая борьба, пап?

— Понятия не имею, Кир.

Улыбка Кэлвина не меняется, прекрасно скрывая его реакцию.

Трахните меня. Этот маленький человечек станет причиной взрыва на щеках Ким.

Она выхватывает ключи из рук Кириана и бежит к машине.

— Я заведу машину. — она оставляет меня наедине с Кэлвином.

Идеально. Совсем не неловко.

Он передает мне рюкзак Кириана, и я забираю у него. В последнюю секунду он держит его между нами и говорит холодным тоном:

— Позаботься о них и о себе.

Я резко киваю.

— Да, сэр.

Его губы изгибаются в улыбке.

— Кэлвин.

Я улыбаюсь в ответ.

— Да, Кэлвин.

Глава 32

Кимберли

Исцеление это медленный, болезненный процесс.

В течение следующей недели я обнаруживаю, насколько я на самом деле слаба. Даже когда папа, Эльза и Ксандер говорят обратное.

Я слаба, потому что все еще прячусь всякий раз, когда мама находится в поле зрения. Я слаба, потому что боюсь есть, и всякий раз, когда я это делаю, меня вновь тошнит.

Я слаба, потому что начинаю думать, что я обуза для всех, даже когда мой психотерапевт пытается избавить меня от этих мыслей.

Затем, в разгар слабости, как сейчас, входит он.

Ксандер.

Мой рыцарь, даже если это по-другому, чем в детстве. Раньше он носил меня на спине, а теперь притягивает к себе, будто я всегда принадлежала ему.

После того, как я вернулась в школу, он со мной на каждом шагу. Не произнося ни слова, он объявляет студентам КЭШ, что теперь я принадлежу ему, и если кто-нибудь вздохнет в мою сторону, не говоря уже о том, чтобы что-то сказать, им лучше начать подготовку к похоронам.

Он держит меня за руку и целует в коридорах, словно мы делали это целую вечность.

Он шепчет мне слова на ухо, например, как сильно он скучает по мне, хотя я рядом.

Я так привыкла к его присутствию, как будто мы никогда и не расставались, как будто мы начинаем с того места, на котором остановились семь лет назад. Быть может, именно поэтому всякий раз, когда он исчезает, туман начинает медленно просачиваться сквозь щели.

Сегодня я встретила Сильвер в библиотеке, и хотя мы не разговаривали, это вернуло воспоминания о тех временах, когда я ненавидела себя и завидовала ее телу.

На протяжении многих лет я задавалась вопросом, почему она выросла такой красивой, в то время как я была картофелиной. И иногда, как сейчас, эти мысли возвращаются с удвоенной силой. Вот почему я прячусь в саду за зданием школы.

Эльза наблюдала, как я ем свою еду, и следовала за мной в туалет, убеждаясь, что я не засуну палец себе в горло.

С той позорной ночи я этого не делала, но не могу избавиться от непроизвольного позыва к рвоте. Врачи говорят, что это психологическое.

Расстройство пищевого поведения.

Психическое расстройство.

Жизненное расстройство.

Все, чего я хочу, это немного уединения, чтобы собраться с силами и вернуться.

Не прошло и трех минут, как из-за деревьев показался силуэт Ксана. Его светлые волосы зачесаны назад, а куртка Элиты облегает его мышцы. Интересно, наступит ли когда-нибудь день, когда я буду смотреть на него и не думать, что он ослепительно красив.

Он скользит рядом со мной, и я не могу сдержать улыбку, которая появляется на моих губах. Я могла бы желать одиночества, но не от него — *никогда* от него.

Я роняю голову на его сильный бицепс.

— Я думала, у вас встреча с менеджером команды?

— Мы закончили. Или я закончил, все равно.

— Ты все еще отстранен?

— Не имеет значения.

— Конечно, это имеет значение. — я поднимаю голову и нюхаю его, и меня обдает запахом алкоголя, хотя от его дыхания исходит мята. — Ты пьян.

— Определи, что такое пьянство. — он ухмыляется, но даже это не очаровывает меня.

— У тебя проблемы, Ксан. Ты должен остановиться.

— Все под контролем.

Я лезу в его куртку и достаю маленькую бутылочку водки *Абсолют*, которую он обычно там держит.

— Как у тебя все под контролем? Ты похож на алкоголика.

Он вдыхает, затем пытается вырвать бутылку. Я бросаю ее вперед, позволяя разбиться об асфальт.

— Какого хрена ты это сделала? — огрызается он.

— Потому что ты должен остановиться.

— Ты начинаешь говорить, как отец.

— Ну, может, тебе стоит его послушать. Разве ты не видишь, что отравляешь себя?

— Нет так же, как ты не видишь, как моришь себя голодом.

Я отстраняюсь от него.

— Черт. — он проводит рукой по волосам. — Я не должен был этого говорить.

— Ты прав, я не видела, как я голодала. Я не видела, как медленно опускалась на самое дно, как эмоционально, так и ментально, но сейчас я вижу. И причина, по которой я не ем, в том, что я не хочу, чтобы меня тошнило. Это возвращает меня в те времена, и я ненавижу это. Однако я рассказала об этом Кэлвину и Эльзе. Я также спросила врача, есть ли какие-либо пищевые добавки, которые я могу использовать. Я пытаюсь, Ксан. Я просто хочу, чтобы ты тоже попробовал. Не забивай на свою жизнь из-за какой-то обиды на Льюиса.

Он гладит меня по щеке, и я наклоняюсь к его руке, на мгновение закрывая глаза.

— Это не только из-за отца.

Я бросаю на него взгляд.

— Тогда из-за чего?

— Ты знаешь тот момент, когда тебе кажется, что в твоей жизни нет цели, и все как-то заморожено? Алкоголь и бои заставляют меня чувствовать.

— Точно так же, как причинение боли заставила меня почувствовать. Было так больно, а иногда я не могла дышать, и тогда шли в ход порезы и таблетки. Они заставляли меня испытывать что-то другое, кроме этой боли. Они становились болью, которую я могла контролировать, болью, которая могла стереть все это с кровью. Физический порез был более терпимым, чем тысячи эмоциональных и ментальных шрамов, с которыми я ходила каждый день. Но знаешь что?

Его палец не отрывается от моего лица.

— Что?

— Когда я чуть не умерла, я поняла, насколько временны эти чувства. Чувство вины гораздо более постоянное и длительное. Кроме того, я хочу настоящих чувств, а не навязанных зависимостями. Разве нет?

Он сжимает губы в тонкую линию, но ничего не говорит.

— Что важнее? Я или алкоголь?

Он усмехается.

— Алкоголь начался из-за тебя, Грин. Я имею в виду, это был мой выбор, но причина в тебе.

— Тогда я покончу с этим.

Он ухмыляется.

— Ты покончишь с этим?

— Безусловно. Наблюдай.

— Не думаю, что смогу.

— Почему нет?

— Забирайся ко мне на колени, чтобы я мог лучше тебя видеть.

Я ударяю его по плечу.

— Ты ужасен.

— Иди сюда, Грин. — он хлопает себя по коленям, и ему не нужно повторять дважды.

Я забираюсь на него сверху, так что мои ноги оказываются по обе стороны от его сильных бедер, а руки обвиваются вокруг его шеи.

— Знаешь, в таком положении я могу видеть твое нижнее белье, — его губы приподнимаются вверх. — Зелёное. Серьезно?

— Я думала, ты это оценишь.

— Ох, черт, да. — он касается своими губами моих, а затем быстро отстраняется.

— Поддразнивание.

— Знаешь, почему я поддразниваю тебя?

— Нет.

— Потому что у тебя все еще чертовски очаровательные надутые губки.

— Эй, я больше не ребенок.

— Спасибо, блядь, за это.

Он двигает свой таз, и его выпуклость прижимается к моим трусикам.

Он стонет, когда мои бедра дрожат. Боже, думаю, я сломлена. Одно его прикосновение, и я уже промокла насквозь. Разве я не должна к этому времени обрести больше самообладания?

Он хватается меня за бедро своей большой рукой и притягивает мой рот. Мое тело сливается с его твердым, когда он просовывает свой язык внутрь и целует меня глубоко и медленно.

Со стороны, я, должно быть, кажусь такой крошечной на фоне его тела, почти ничтожной.

— Подожди. — я отстраняюсь, у меня слегка кружится голова. — Мы в школе.

— Ну и что? — он трется своим членом о мое нижнее белье, и я хнычу, когда он становится тверже от контакта. — Помнишь, как я загнал тебя в угол в первый школьный день в этом году? На тебе была эта чертовски короткая юбка, а Сильвер пролила на тебя кофе.

— Как я могу забыть? Ты сказал мне не одеваться так.

И это был первый раз, когда он приблизился ко мне за много лет.

— Это потому, что я хотел завладеть тобой прямо там. — он двигается против меня. — Ты убивала меня, Грин.

У меня пересыхает в горле, но я выговариваю:

— Ксан... нас отстранят.

— Нет, если нас не поймают.

— Но... — я замолкаю, когда он доводит меня до удовольствия.

О, Боже.

— Кроме того, оно того стоило бы.

— Ксан...

Мои слова замирают, когда он вновь завладевает моими губами.

Он трется своим членом об меня снова и снова, и я стону ему в рот.

Часть меня хочет, чтобы кто-то увидел нас, стал свидетелем этого момента во времени, потому что мне хочется пометить его.

Хочется нарисовать его на одном из этих чистых холстов и сохранить на всю жизнь.

Ксандер отпускает мое бедро и просовывает руку мне под юбку. Я напрягаюсь, а затем дрожу, когда он отодвигает трусики в сторону и вводит в меня палец.

— Черт, ты вся промокла, — стонет он мне в губы.

— Для тебя, — шепчу я в ответ.

— Ты убиваешь меня, Грин.

— А ты владеешь мной, Ксан.

— Только тобой?

— Только тобой, — выдыхаю я.

Его палец набирает скорость, и он добавляет еще один, заполняя и вызывая эту туманную фазу. Фазу, когда все исчезает — ни звуков, ни запахов, ни зрелищ — по крайней мере, не из внешнего мира.

Все, что я чувствую, это его прикосновение, все, что я вижу, это его глубокие океанские глаза, все, что я слышу, это его дыхание.

Только он. Ксан. Когда-то мой лучший друг, затем мой мучитель, а теперь мое все.

— Ты слышишь звук своего возбуждения, Грин?

Он прикусывает мою нижнюю губу.

Мои щеки пылают, когда этот небрежный звук усиливается по мере того, как его пальцы входят и выходят из меня.

— Это симфония, созданная только для меня, — бормочет он. — *Ты* создана только для меня.

Я сжимаюсь вокруг его пальцев и дрожу, когда оргазм захлестывает меня, а затем погружает в свои тиски.

Как его слова могли поджечь меня без всяких спичек или бензина?

— Ты такая экзотичная при оргазме. Я хочу съесть тебя. — он целует меня в щеку, лоб и нос и заканчивает прикосновением своих губ к моим.

— Не могу поверить, что мы сделали это в школе. — я вздрагиваю, хотя все еще в бреду от оргазма.

Он выходит из меня, и я ощущаю душераздирающую пустоту. Однако я не сосредотачиваюсь на этом, потому что Ксан поднимает свои пальцы и облизывает их один за другим, не отрывая взгляда.

Те же пальцы, что были внутри меня.

Черт.

Он слизывает меня с себя. Какого черта меня это так заводит?

Он подносит другой большой палец к моим губам, и я без колебаний облизываю его, подстраиваясь под его ритм с моим. Вкус его кожи взрывается у меня во рту, и это лучшая еда, которую я ела за долгое время.

Губы Ксандера растягиваются в ухмылке, на щеках появляются ямочки.

— Ммм. Думаю, я нашел альтернативу алкоголю.

— Пожалуйста, поделитесь. — голос, раздающийся справа от нас, пугает нас обоих.

Коул появляется из ниоткуда, черт возьми, с книгой в руках. С *«Генеалогия Морали»* Фридриха Ницше.

— Какого черта ты здесь забыл, капитан? — в голосе Ксандера звучит нетерпение.

— Это я должен спросить тебя об этом. Я спокойно читал, пока вы двое не решили прервать меня.

Ой, нет.

Нет, нет, нет.

Пожалуйста, скажите мне, что Коул всего этого не слышал. Я прячу лицо в плечо Ксандера. Я всю жизнь не смогу посмотреть Коулу в глаза.

— Контролируй свои склонности к вуайеризму, Нэш.

Ксан кажется совершенно невозмутимым, в отличие от моего состояния.

— Технически, я ничего не видел, так что никакого вуайеризма не было. — пауза. — Я все же думаю, что у тебя развиваются некоторые тенденции к эксгибиционизму.

— Что является не твоим делом.

— Ты прав. Я потерял интерес после того, как правда освободила тебя.

Я сжимаю плечо Ксандера, чтобы он убедил его уйти. Я не могу показать лицо, если он там.

Ксан усмехается, а затем говорит с явным сарказмом:

— Но это никогда не будет иметь дела для тебя, капитан.

Наступает долгое молчание, и мне жаль, что я не могу видеть выражение лица Коула, но я скорее умру, чем сделаю это прямо сейчас.

— Приходи на тренировку, — говорит он холодным тоном, прежде чем его голос полностью исчезает.

— Он ушел? — шепчу я, не поднимая глаз.

Ксандер держит руку у меня на голове.

— Тебе следует побыть так еще немного, просто чтобы убедиться.

Я улыбаюсь, мои пальцы впиваются в его куртку. Когда мы были детьми, он всегда придумывал игры, где он обнимал меня или наоборот. Он говорил, что это отключает хаос внешнего мира.

Семь лет спустя он все еще владеет этой привычкой манипулировать мной объятиями.

— Ты все еще любишь объятия, Ксан?

— Только твои, Грин.

Глава 33

Кимберли

Еще одна неделя проходит как в тумане.

Время странное. В один момент оно долгое и мучительное, а в следующее быстрое, что невозможно насладиться им.

Когда мой психотерапевт спрашивает, почему мне кажется, что сейчас все происходит так быстро, я, даже не колеблясь отвечаю.

Потому, что со мной самые важные люди, и меня пугает, что я недостаточно наслаждаюсь своим временем с ними.

Хотя мы с мамой до сих пор не обращаемся друг к другу всякий раз, когда случайно встречаемся в доме, все остальное изменилось.

Папа так и не вернулся в Брюссель и взял длительный отпуск; он заполняет свои бумаги, прося о переводе в Лондон. Когда я сказала ему, что со мной все в порядке, он ответил, что нет, и я, возможно, обняла его до смерти.

Есть еще Эльза, которая слушала мои беспорядочные мысли и вещи, в которых я не хотела признаваться вслух, например, как я пряталась, потому что думала, что она оставит меня так же, как и все те, кого я считала друзьями.

Она сказала, что я застряла с ней на всю жизнь.

У меня также есть моя маленькая таблетка счастья — Кириан. Он писал для меня стихи. Вот один из них:

Я не часто это говорю.

Потому что я взрослый человек.

Люблю тебя.

Сейчас.

Завтра.

Вечно.

Он также брал меня за руку и заставлял есть вместе с ним — маленькими кусочками вместо больших, чтобы я не ушла в туалет.

Льюис тоже навещал меня, и мы пересекались в доме Найтов. Он не касался наших биологических отношений, но сказал, что будет рядом, если он мне понадобится.

Но превыше всех остальных есть этот человек, который сейчас обнимает меня сзади, когда я прижимаюсь к нему между ног. Тот, кто целует мое тело сверху донизу и говорит, что я самая изысканная вещь, которую он когда-либо видел.

Я начинаю ему верить, потому что даже, если слова могут лгать, но не выражение его глаз. То, как его тело реагирует на меня, то, как он обнимает меня, определенно нет лжи.

Он *просто* тот человек, с которым, как ты знаешь, ты можешь закрыть глаза, и когда проснешься, он будет рядом.

Мы посещали те места, в которых играли в детстве. Мы посетили каждый парк и каждый магазин и дурачились с шарфами, фисташковым мороженым и M&M's. Возможно, я уже заела бы в них свой вес.

Быть с Ксандером все равно что наконец-то найти недостающую часть себя и медленно пришить ее на место.

Хотя я все еще пытаюсь заставить его бросить пить и драться. Ссоры стали редкими с тех пор, как я заставляю его «быть занятым» — его слова, а не мои. Но он все равно подмешивает алкоголь в свой сок и кофе. Он все еще просыпается посреди ночи, чтобы выпить на балконе.

Каждый раз, когда он возвращается и обнимает меня сзади, я прикусываю язык, чтобы не начать ссору.

Я не могу потерять его теперь, когда я его нашла, а алкоголь медленно, но верно забирает его у меня.

— Просто, чтобы ты знала, я бы предпочел, чтобы ты была подо мной прямо сейчас. — его дыхание танцует на раковине моего уха, когда он говорит. — Или надо мной. Я не придирчив, пока я внутри тебя.

Мое лицо горит, и я осторожно толкаю его локтем.

— Прекрати.

— Или мы можем уйти.

— Нет, мы согласились на это.

— Мы всегда можем передумать.

Я качаю головой. Я упоминала, что он всегда пытается получить то, что хочет, любым способом, который считает нужным?

Мы договорились посмотреть игру со всеми остальными в доме Эйдена. Мы как бы прервали эту привычку после того, как он сошелся с Эльзой по той же причине, по которой Ксандер теперь хочет уйти. Эйден так собственнически относится к Эльзе и ее времени, что ему не нравятся люди, когда они вместе.

Эльза сказала, что он одобрил эту ночь только потому, что заставит ее сделать что-то позже в качестве оплаты за это.

Даже сейчас он держит ее на коленях, а его рука обнимает ее за талию. Он не смотрит игру. Вместо этого он продолжает шептать ей на ухо вещи, которые иногда заставляют ее сильно краснеть. Но большую часть времени она мастерски сохраняет безразличное выражение лица.

В отличие от меня.

Ронан, Нокс, Тил и Коул тоже здесь. И я все еще не могу смотреть последнему в глаза, не ощущая волнения. Не могу смириться с тем фактом, что он слышал нас с Ксандером в тот раз в школе.

Ронан и Нокс стоят и дерутся, как закоренелые фанаты — за разные команды. Ронан — и все остальные здесь — болеют за Арсенал, а Нокс предпочитает Челси.

Нокс, похоже, не боится численного превосходства, поскольку угрожает покончить с жизнью Ронана.

— Ты пойдешь ко дну, Астор. — Нокс делает движение, перерезая себе горло.

— Перестань вести себя, как настоящий гот и признай, что мы сильнее тебя.

Тил, на которую направлен удар, даже не отрывается от своего телефона. На ее сегодняшней футболке написано: *Нет. Не Сегодня.*

Она сидит рядом с Коулом, который подпирает голову рукой и наблюдает за игрой с нейтральным выражением лица.

Время от времени он говорит Тил что-то, на что она отвечает простым кивком.

Тил не интересуется футболом или школьной иерархией, поэтому она не может быть здесь, потому что ей нравится компания всадников. Во всяком случае, я думаю, что она втайне не любит их всех — за исключением Коула, потому что иногда она разговаривает с ним и не смотрит на него таким взглядом «почему ты со мной заговорил».

Должно быть, она увязалась за нами из-за Эльзы и Нокса. Хотя она этого не показывает, она немного привязана к ним.

— Просто признай это. — Нокс тычет Ронана в плечо. — Мы сильнее тебя.

— Кто-то должен забрать твои таблетки от бреда, потому что, насколько я знаю, мы побеждаем.

— Мы перевернем игру.

— А мы забьем еще один гол и выиграем.

— Это определенно говорит твоя травка, Астор.

— *Mais non — Нет.* Это твои таблетки от бреда. — взгляд Ронана встречается с моим. — Разве не так, Кимми?

Ксандер пренебрежительно указывает на него пальцем.

— Заканчивай свою игру и не обращай к ней до конца своей жизни.

Я улыбаюсь про себя. Кто-то ревнует. Понятия не имею, почему у меня от этого так кружится голова.

— Ты уверена, что не передумаешь и не выйдешь за меня замуж? — Ронан считает на пальцах. — У меня титул, я богат, красив и мне плевать на войны. Я как Швейцария этого мира.

Тил усмехается и говорит насмешливым тоном:

— Должно быть, поэтому тебя называют Смертью.

Губы Коула приподнимаются в ухмылке.

— Что это было, *ta belle* — красавица? — Ронан невесело усмехается.

— Она зовет тебя Смертью. — Коул все еще опирается на свою руку, переводя взгляд с Тил на Ронана. — Может, тебе стоит это доказать.

— Да, докажи это, — впервые за сегодняшний вечер говорит Эйден, наконец-то отрывая голову от уха Эльзы.

— Мы можем придумать способы. — Коул предлагает.

— Или мы можем их сделать. — Эйден поднимает бровь.

— У меня может быть предложение.

— Или два.

— Мы можем начать прямо сейчас.

— Да, давайте сделаем эту ночь немного веселее. — ухмылка на лице Эйдена сияет чистым садизмом.

Коул, однако, остается невозмутимым. Даже не тронутым.

Самое поразительное, что во время этого разговора Эйден и Коул ни разу не посмотрели друг на друга и не обменялись взглядами. Они замышляли погром без какого-либо предварительного плана.

Поговорим о командной игре. Или, может, между этими двумя есть нечто большее.

— Я согласен. — голос Ксана доносится из-за моей спины с озорством.

— Что ты делаешь? — шепчу я.

— Заставляю Ронана заплатить, бросив его перед этими двумя. — он целует меня в мочку уха. — Смотри и учись, Грин.

Ронан показывает Ксандеру средний палец, который копирует его с огромной ухмылкой, будто он ждал этого всю свою жизнь.

— Быть Смертью это круто. — Нокс обнимает Ронана за плечо, мгновенно забывая об их разногласиях на уровне команды. — Все боятся тебя на поле.

— Спасибо тебе, Ван Дорен! — Ронан сжимает его в объятиях. — Я повышаю тебя до моего самого близкого друга и увольняю всех этих ублюдков.

— Я никогда не соглашался на это, — говорит Коул.

— Хочешь сказать, что был моим другом? — Эйден почесывает подбородок. — Я этого не помню.

Коул щелкает пальцами, будто вспоминает что-то важное.

— Но мы помним, что ты сделал на прошлой неделе, когда...

— Не заставляй меня умирать от твоих рук, капитан. — Ронан улыбается, но его обычная игривость и теплота исчезли.

— Хорошо. — Коул вздыхает. — Тогда давайте сыграем в игру.

— Я люблю игры, — поощряет Эйден.

— Я тоже, — вмешивается Ксандер, но его палец продолжает ласкать мою кожу под одеждой в чувственном ритме.

— *Bah, merde — Дерьмо.* — Ронан плюхается на диван напротив всех остальных и по диагонали от нас. — В какую игру?

— В что-нибудь простое, например... — Коул переводит взгляд на Тил, которая по-прежнему сосредоточена на своем телефоне. — В правду или действие.

— Давайте сделаем это более интересным, и оставим только действия, — предлагает Эйден.

Эльза закатывает глаза.

— Почему я не удивлена, что именно ты этого хочешь?

— Потому что я собираюсь победить и заставить тебя сделать это, милая.

— В твоих мечтах, Эйден.

— Мы на это посмотрим. — он смотрит на нее слишком долго.

Как будто он забывает, что все остальные здесь, так же, как и я, когда сосредотачиваюсь на тепле Ксана за моей спиной и его пальце, вырывающем крошечные всплески удовольствия внутри меня.

— Итак, на чем мы остановились? — Эйден обращается ко всем остальным. — Верно, действия. Давайте сделаем это.

— Тил любит действия. — Нокс потирает руки.

— Она любит, да? — Ронан искренне улыбается впервые с тех пор, как на него начали нападать.

— Ох. — глаза Коула загораются. — Это сюрприз.

Ложь. Он знал это с самого начала и теперь притворяется, что не планировал этого с Эйденем.

И Ксан помог.

— Да. Действия ее любимые. — Нокс падает рядом с ней. — Не так ли, Ти?

— Заткнись, Нокс, — шипит она на него, не отрывая взгляда от своего устройства.

— Почему? Чем больше, тем веселее, сестренка.

— Не интересно. — Тил рискует бросить взгляд на Эльзу, но Эйден уже вернулся к шепоту ей на ухо, так что с таким же успехом ее здесь могло и не быть.

— Давай же. Конечно, ты можешь попробовать? — спрашивает Коул убедительным, мягким тоном, который, я уверена, напоминает тон дьявола, заманивающий людей в грех.

— Боишься проиграть, *ma belle* — красавица? — Ронан подмигивает.

— Никогда.

Она слишком долго встречается с ним взглядом, затем вновь сосредотачивается на телефоне.

— Оставьте ее, — говорю я.

Я не буду просто сидеть, когда они загонят ее в угол.

Тил секунду смотрит на меня, молча выражая свою благодарность, и я киваю ей.

— Держись подальше от этого, Грин, — шепчет Ксандер мне на ухо, вызывая мурашки на моей коже.

Я свирепо гляжу на него.

— Нет, я не стану... — мои слова застревают у меня в горле, когда его другая рука змеится у меня между ног.

Даже несмотря на то, что я в джинсах, все, что ему нужно сделать, это коснуться моего бугорка, и я издам стон.

Дерьмо.

— Сейчас, — бормочет Ксан. — Как насчет того, чтобы побыть наедине?

— Ты несправедлив. — я сжимаю бедра вместе, чтобы никто не увидел.

Это только увеличивает давление и ускоряет дыхание.

— Знаешь, что несправедливо, Грин? — он говорит мне на ухо, заставляя дрожать. — Хотеть тебя и не быть в состоянии ничего с этим поделать. Я закончил с этой фазой. — он притягивает меня еще сильнее к себе, и выпуклость его члена упирается в поясницу.

Я прикусываю уголок губы, чтобы не застонать вслух. Не думаю, что смогу сдерживать свою реакцию.

Все остальные заняты Ронаном, и я их не слышу, но любой может посмотреть в нашу сторону и заметить руку Ксана у меня между ног.

Как Коул.

Я умру от стыда, если он снова поймает нас.

— Хорошо. — я резко встаю, прерывая разговор.

Нокс и Ронан вопросительно смотрят на меня, но Эйден и Коул обмениваются хитрыми взглядами.

Пожалуйста, не говорите мне, что это написано у меня на лице.

— Мы уходим. — Ксандер обнимает меня за поясницу, на его лице победоносная улыбка. — Ким хочет пораньше лечь спать.

— Уложи ее поудобнее, — говорит Коул.

Губы Эйдена подергиваются в ухмылке.

— В конце концов, ты только что выиграл свое дело в суде по правам человека.

— Пошел ты, Кинг. — Ксандер бросает ему.

— Подожди. — Эльза встает с колен Эйдена, хотя он не хочет ее отпускать. Она подходит ко мне через несколько шагов. — Я думала, что мы проведем время вместе сегодня. Думала мы посмотрим с тобой К-драмы?

— Это первый раз, когда ты не назвала их мыльными операми. — я ухмыляюсь.

— Знаешь, как говорят, это требует практики. — она делает паузу. — Ну что? Мы устроим девичник?

— Я голосую против, — говорит Эйден.

— Я тоже. — Ксандер прижимает меня к себе. — Позже.

Мы с Эльзой обмениваемся извиняющимся взглядом, прежде чем Ксандер практически уводит меня за собой из дома Эйдена.

Как только мы выходим на улицу, он снимает свою куртку и набрасывает ее мне на плечи, удовлетворенно кивая, когда она поглощает меня.

— Теперь тебе не будет холодно. — я ударяю его по плечу. — Ой. Для чего это было, Грин?

— Что все это значит? Это должна была быть ночь с друзьями.

— Друзей переоценивают.

— Теперь ты ведешь себя цинично.

Он обнимает меня за талию и прижимается своим лбом к моему.

— Я просто хочу побыть с тобой, Грин. Только не с ними. Я ненавижу все, что отвлекает меня от тебя.

Черт.

Как я могу злиться после того, как он говорит такие вещи? Кроме того, это был всего лишь предлог. Огромная часть меня тоже хочет провести с ним время наедине.

Он ухмыляется.

— Ты только что простила меня, не так ли?

— Не будь таким самодовольным.

— Только, если я смогу наполнить тебя. — он касается своим носом моего. — Я же говорил, что меня нетрудно удовлетворить.

— Ты такой настойчивый и раздражающий по этому поводу.

— Раздражающий, да. Почему это новость? Ты всегда называла меня раздражающим, когда мы были детьми. Но, — он поднимает палец, — Ты всегда возвращалась ко мне.

— Да.

— Потому что ты не можешь устоять передо мной.

— Перестань быть таким высокомерным, или я тебя ударю.

— Давай, Грин. Высокомерие это своего рода мой имидж.

— Даже со мной?

— Особенно с тобой. Что, если ты бросишь меня после того, как я сброшу образ?

— Этого не произойдет. Кроме того, ты всегда был высокомерным, гордой задницей.

И, вероятно, именно поэтому он отказывается от помощи Льюиса по поводу зависимости. Он не хочет казаться слабым перед кем-то, кто, по его мнению, разрушил его жизнь много лет назад.

— Гордой задницей, говоришь?

— Самым худшим, — шучу я.

— Ты видела моих друзей? Уверен, что набрал низкий балл по шкале мудаков по сравнению с ними.

— Ро опережает.

— Ронан. Его зовут Ронан. И поверь мне, он не тот, кем кажется. Ему нравится думать, что он Швейцария, когда на самом деле он империалистическая держава.

— Серьезно?

— В конце концов, он Смерть.

— А ты Война.

— Легко начать и трудно закончить. — он ухмыляется. — Запомни это, Грин. На самом деле, сделай так, чтобы это невозможно было закончить.

По какой-то причине мое сердце колотится так громко, что я на секунду перестаю дышать, смиряясь с его словами.

Невозможно было закончить.

Он не хочет, чтобы это заканчивалось.

— Тебе было нелегко начать, Ксан.

— Да. Ты всегда фантазировала обо мне, не забыла?

— И ты обо мне.

— Виновен по всем пунктам обвинения.

— Подожди, что Эйден имел в виду, говоря, что ты выиграл дело в суде по правам человека?

Он поджимает губы, но продолжает молчать.

— Что это?

— Ничего.

— Скажи.

— Нет.

Я тыкаю его в бок.

— Ксандер Эдвард Найт, с каких это пор ты что-то от меня скрываешь?

Его губы шевелятся в хитрой ухмылке.

— Мне нравится, когда ты называешь меня полным именем. У тебя горячий голос.

— Ты не сменишь тему.

— Властительница. Хмм. А теперь я хочу выебать это из тебя.

— Ксан! Перестань уклоняться и скажи.

— Хорошо. Эйден ведет себя как обычный ублюдок.

— По какой причине?

— Он знал, что я девственник, и никогда не позволял мне смириться с этим.

Я раздражаюсь смехом.

— Значит, он называл это делом о правах человека?

— Перестань смеяться. — он хмурится, притягивая меня ближе к себе.

— Извини, я не могу. Это так забавно. — я пытаюсь сдержаться, но все равно смеюсь.

— Давай посмотрим, будешь ли ты смеяться, когда я буду трахать тебя до тех пор, пока ты не сможешь двигаться.

Мои бедра напрягаются от этого обещания, но я произношу.

— Вернулись к высокомерию, а?

— Я все еще тебе нравлюсь.

— Возможно.

Я притворяюсь, что смотрю в другое место.

Он сжимает мой подбородок большим и указательным пальцами, заставляя меня посмотреть в эти глаза, которые настолько глубоки, что иногда кажется, что я никогда не найду выхода из них.

— Скажи это, Грин.

В его тоне слышатся определенная резкость, словно он переведет все на другой уровень, если я не подчинюсь. Я вырываюсь из его хватки и бегу по улице к нашим домам, крича позади:

— Поймай меня, и я скажу тебе.

Может, я и не спортсменка, но я всегда неплохо бегала, я имею в виду достаточно прилично, чтобы убежать от него и добраться до дома, прежде чем он поймает меня.

Я задыхаюсь всего через несколько секунд. Слава Богу, расстояние невелико. Мои волосы прилипли к вискам, а одежда к спине.

Но я уже у своей входной двери. Я...

Сильные руки обхватывают меня сзади и отрывают от земли. Я визжу, когда его тепло и аромат мяты окутывают меня.

— Поймал, Грин. — он покусывает меня за ухо. — Ты действительно думала, что сможешь убежать от меня?

— Ай, — я пытаюсь высвободиться.

— Не будь злой неудачницей. Заплати.

— Хорошо. Отпусти меня.

Он делает это, но продолжает обнимать меня, как будто не верит, что я не попытаюсь снова убежать.

Пока я тяжело дышу, его грудь едва поднимается и опускается от усилия.

— Ты робот? — спрашиваю я.

— Нам нужно поработать над твоей выносливостью. — он треплет мои волосы. — Но сначала оплата.

Я хватаю его за футболку, встаю на цыпочки и целую. Просто чмокаю, прежде чем отстранюсь.

— Это закуска, верно? — он проводит указательным пальцем по губам, и я заморожена этим чувственным движением.

Определенно закуска, учитывая, что все, о чем я сейчас могу думать, это целовать его в губы до утра.

— Пойдем ко мне домой, — говорит он. — Отца какое-то время не будет.

Я складываю руки на груди.

— Сначала верни мне мою вещь.

— Твою вещь?

— Мой браслет. — я протягиваю руку. — Верни его.

Я думала, что потеряла его где-то в ту ночь, когда меня доставили в больницу, но он не нашёлся в моих личных вещах. Есть только один вариант, куда он делся.

Ксандер приподнимает бровь.

— А я-то думал, ты забыла.

Никогда. В конце концов, он был со мной в течение семи лет.

Он лезет в карман джинсов и достает браслет. Он чистый, не пропитан кровью, как в последний раз, когда я видела его.

Я так рада, что он чист. Кровь это не то, что я хочу видеть в течение некоторого времени.

Ксандер берет мое покрытое шрамами запястье в свои. Хотя мне сняли швы, они все еще уродливы с длинными отметинами. Он подносит его к лицу и прикасается губами. Мое сердце трепещет, и требуется усилие, чтобы дышать.

Я в ужасе каждый раз, когда он делает что-то подобное.

Затем он застегивает браслет на моем запястье.

— Никогда не снимай его.

Я киваю.

Он лезет в другой карман и достает пачку M&M, роется в ней и подносит зеленую к губам.

— Открой.

— Я могу сама. — я пытаюсь выхватить, но он поднимает высоко над моей головой. — Ой. Ты несправедлив.

— Мы можем стоять здесь всю ночь, или ты можешь открыть рот.

Я фыркаю, но позволяю своим губам раскрыться. В тот момент, когда он кладет M&M, я облизываю его пальцы, отчего его глаза темнеют. Глаза Ксандера сверкают каждый раз, когда я провожу языком по его коже.

— Ты убиваешь меня, Грин.

— Ммм. — я выхватываю у него пачку, достаю синий M&M и кладу ему в рот. — У меня тоже есть один.

Пока я касаюсь губами его пальцев, Ксандер заглатывает мои в свой горячий рот, облизывая их языком. Вспышка желания охватывает меня, и требуется силы, чтобы говорить полунормальным тоном.

— Ты никогда не говорил мне о своем любимом вкусе.

Он бормочет сквозь мои пальцы:

— Ты.

Боже..

Если он продолжит говорить подобные вещи, я наброшусь на него.

— Сейчас. — он показывает мне свои ямочки на щеках. — Насчет повторения.

Я собираюсь поцеловать его, когда чье-то присутствие вторгается в наше периферийное зрение. Я отшатываюсь, но не вырываюсь из объятий Ксандера.

У меня разинут рот.

Светлые волосы, элегантная осанка. Это почти как увидеть привидение.

Все тело Ксандера напрягается, когда она улыбается.

— Привет, Ксан.

Глава 34

Ксандер

— Мама?

В моем голосе звучит недоверие, даже для собственных ушей. Женщина, которую я думал, что никогда не увижу в этой жизни, стоит передо мной.

Ее прямые светлые волосы ниспадают до плеч, как в моей памяти. На ней одно из элегантных платьев, подходящих для высшего класса, а поверх одежды брошь.

Если бы я не знал, что мы расстались более двенадцати лет назад, я бы подумал, что мы видели друг друга вчера.

На ее лице та знакомая постоянная легкая улыбка, а вокруг голубых миндалевидных глаз нет морщин.

— Как вы, дети? — она переводит взгляд с меня на Ким, будто это обычное дело, будто она вышла прогуляться и только что вернулась. — Ты так сильно выросла, Ким, — улыбается она. — К счастью, ты не похожа на свою змею мать.

Какого хрена?

Во-первых, моя мать здесь.

Во-вторых, я упоминал, что моя мать здесь?

— Могу я поговорить с Ксандером? — она спрашивает Ким, чьи глаза остаются широко раскрытыми, словно она наблюдает за появлением призрака и, вероятно, думает о вариантах охотников за привидениями.

Как и я.

— Э-э... — она качает головой, затем сжимает мою руку. — Я буду.. дома, если понадобится тебе.

У меня даже нет подходящего состояния духа, чтобы кивнуть или что-то сделать. Я все еще смотрю на свою мать и пытаюсь понять, хватит ли у меня алкоголя, чтобы закончить еще одним «сном».

Мягкие губы прижимаются к моей щеке, и этого достаточно, чтобы вывести меня из транса. Я бросаю взгляд на Ким, и она улыбается самой теплой, самой внимательной улыбкой, какой мог бы улыбнуться любой человек.

Ее улыбка говорит слова, которые ей не нужно произносить вслух.

Я здесь ради тебя. Я всегда буду рядом с тобой.

Я улыбаюсь в ответ, показывая ей ямочки, которые она так любит.

— Иди, Грин.

Она кивает, бросает последний взгляд на мою маму, затем медленно направляется к своему дому.

Остаются только двое: я и женщина, которая привела меня в этот мир.

Женщина, которая ушла, потому что отца было слишком.

— Может, нам стоит зайти внутрь? — она показывает на наш дом — мой и папин, не ее.

Потому что она покинула его, даже не оглянувшись.

Я ничего не говорю, когда вхожу, зная, что она последует за мной.

Стук ее каблучков эхом отдается в пустом холле.

Ахмед встречает нас у входа и останавливается при виде матери.

— Привет, Ахмед. Как ты? — она улыбается ему с теплотой, которую раньше дарила мне.

Теплотой, которая немного печальна, немного натянута, немного фальшива.

И я обычно проглатывал все это, потому что это исходило от нее, моей матери.

— Здравствуй. — он переходит в свою совершенно профессиональную позицию. — Могу я тебе что-нибудь принести, Ксандер?

Бутылка водки была бы великолепно, большое спасибо.

— Ничего, — выдыхаю я.

— Бокал вина для меня, — говорит мама.

— Боюсь, у нас нет вина. — он кивает и исчезает за углом.

Не сомневаюсь, что он позвонит отцу и сообщит о нашем неожиданном госте.

Прежде чем отец вернется, нам с мамой нужно поговорить.

Сунув руку в карман, я поворачиваюсь и смотрю ей в лицо. Она садится на диван, поджав обе ноги, как утонченная леди.

Мама никогда не была утонченной. Она была официанткой до того, как познакомилась с отцом — и Кэлвином.

Отец перевел ее на сторону высшего среднего класса, и после этого она прекратила все контакты со своей большой семьей и сменила социальные классы.

Ее взгляд скользит по мне.

— Ты стал мужчиной.

— Нет, спасибо тебе, — говорю я, даже не задумываясь над словами.

Но, думаю, это все, что я хотел сказать с того дня, как она бросила меня посреди улицы и никогда не оглядывалась.

— Ксандер, послушай меня.

Я прислоняюсь к стойке и складываю руки на груди.

— Я весь во внимании. Давай я послушаю, что привело тебя обратно после того, как ты стала призраком в течение двенадцати лет.

Предупреждение о спойлере, адрес не изменился.

Она поджимает губы.

— Вижу, ты научился в совершенстве владеть сарказмом.

— Что могу сказать? Выросший без матери, я научился бегло разбираться во многих вещах. Например, лгать, пить, драться.

— Я не позволю тебе стоять и винить меня в своем жизненном выборе. У тебя есть Льюис и его деньги.

Она серьезно? Есть ли способ, которым я могу дотянуться до своих глаз и каким-то образом ослепить их, чтобы не видеть ее лица?

Целых двенадцать лет я задавался вопросом, каково было бы снова ее увидеть. Если бы, может быть, она вернулась и заполнила дыру, которую отец так и не смог заполнить.

Надежда опасна; она заставляет тебя верить в то, чего, возможно, никогда не существовало.

Я верил в Саманту Найт, и эта надежда теперь тускнеет до нуля при первом разговоре. Она здесь не для того, чтобы спасти меня.

— Почему ты здесь, Саманта?

— Я твоя мать, и ты будешь обращаться ко мне так.

— Нет. Ты вроде как перестала быть моей матерью в тот момент, когда бросила меня на улице, пока я плакал и звал тебя.

Она встает, и я ожидаю, что она набросится на меня или что-то в этом роде, в попытке доказать свой биологический статус, но она направляется прямо к шкафчику с напитками, который Льюис всегда держит в углу комнаты.

Она ругается, когда ничего не находит, ее пальцы дрожат.

— Помнишь, у меня проблемы с алкоголем? — я наклоняю голову набок. — Отец запретил алкоголь в доме из-за этого.

— Он эксперт по выбрасыванию хорошего алкоголя. — она потирает шею, и ее пальцы дрожат.

Я лезу в боковой шкаф и достаю маленькую бутылочку, которую держу там, а затем бросаю ее в ее сторону.

— Я вижу, откуда у меня эта проблема.

Она сжимает бутылку и открывает ее нетерпеливо.

— Водка, серьезно? У тебя что, нет вина?

— Думаю, каждый выбирает свой яд по своему выбору.

— Неважно.

В тот момент, когда я вижу, как она глотает жидкость, словно она была в пустыне, меня охватывает чувство отвращения.

Это тяжело, что я физически хватаюсь за стойку, сохраняя равновесие.

Я такой же. Совсем как она.

Теперь, думая об этом, она всегда ходила с бокалом вина в руке.

Однажды она даже смешала его с моим соком, и это был мой первый глоток алкоголя. Я выпил и вел себя странно. Вот как папа узнал, и они сильно поссорились.

Потом он отвез меня к врачу, и мне, возможно, прочистили желудок.

Быть может, именно поэтому отец с начала этого года стал еще большим придурком по поводу выпивки.

— Ты хотя бы сожалеешь? — я спрашиваю.

Она вытирает уголок рта, но не возвращает маленькую бутылочку.

— Прости? За что?

Того факта, что она спрашивает, достаточно, чтобы сказать, что она не сожалеет, но я все равно говорю:

— Что ты оставила своего единственного сына с мужчиной, который даже не является его биологическим отцом.

— Ты знаешь, — бормочет она.

— Да, вроде как разобрался со всем этим скрещиванием.

— Просто чтобы ты знал, я не ценю сарказм.

— Просто чтобы ты знала, мне, блядь, все равно.

Она качает головой.

— Я не оставляла тебя с незнакомцем. Льюис с самого начала считал тебя своим сыном. Кроме того, они с Кэлвином давным-давно пришли к взаимопониманию, чтобы издалека присматривать за своими биологическими детьми. Как думаешь, почему Кэлвин иногда заезжал за тобой, а Льюис за Ким? Или, когда вы вчетвером устраивали отцовские дни в парке и всю эту чепуху? Они все это планировали.

Я полагал, что отец и Кэлвин обменивались информацией за кулисами, но никогда не думал, что они так хорошо понимают, как все происходит.

— Тебя беспокоила эта договоренность? — я спрашиваю. — Это все?

— Мне было все равно.

— Конечно, тебе было все равно. Вот почему ты ушла.

Она ничего не говорит, и ее молчание более болезненно, чем слова. Я думал, что теперь у меня иммунитет к боли. Оказывается, я чертовски неправ.

— И почему ты вернулась?

Она снова садится на диван и делает еще один глоток водки, на этот раз более изящно, так как у нее нет желания насытиться.

— Что бы ни случилось, ты мой сын, Ксандер.

— Чушь.

— Что ты только что сказал?

— Ты слышала меня.

— Послушай, Ксан, как твоя мать, я требую уважения.

— Бред, — говорит более сильный мужской голос позади меня.

Отец.

Это было быстрее, чем я думал. Он, вероятно, находился в доме отца Сильвер.

Он кладет свой портфель на стол и заходит, вставая рядом со мной.

— Ты слышала его.

— Льюис. — она улыбается. — Я ждала тебя.

— Я же говорил тебе никогда здесь не появляться.

— Подожди. — я смотрю между ними. — Вы виделись? Вы похожи на товарищей по чаепитию? Я думал, она в гребаной Бразилии или что-то в этом роде.

— Можешь оставить нас? — рука Саманты дрожит на крышке бутылки.

— Черт, нет, — говорю я.

— Просто иди, — Льюис жестом указывает за спину.

— Не могу в это поверить. — я пристально смотрю на нее. — Ты здесь из-за него, а не из-за меня?

Она постукивает по крышке бутылки, сохраняет прежнюю позу, но ничего не говорит.

Я усмехаюсь, выходя из комнаты, но не ухожу. Я прячусь за углом и делаю то, что делал в детстве, подслушиваю ссоры родителей, надеясь, что они скоро закончатся.

Когда они не ссорились, я шёл к Ким, потому что она была единственной, кто избавляла меня от хаоса. Она все еще продолжает.

— Какого черта ты здесь делаешь, Саманта? — Льюис дергает за галстук.

— Ты не отвечаешь на мои звонки.

— Это потому, что я не хочу. Пойми намек.

— Ты не можешь игнорировать меня, Льюис.

— Наблюдай. — он встаёт у стола, возвышаясь над ней. — Я говорил тебе в прошлом году, что это будет последний раз, когда ты получаешь от меня деньги.

— Бизнес Майка снова обанкротился. Нам нужна помощь.

— От меня ты помощи не получишь. Насколько я знаю, я не являюсь спонсором твоего мужа.

Подождите, блядь, секунду. Она снова вышла замуж, а Льюис все это время давал ей деньги?

Какого черта?

— Тебе лучше быть им, — она встает, сжимая бутылку мертвой хваткой. — В противном случае пресса узнает о твоей внебрачной дочери. Как думаешь, как пройдет твоя кампания, а? У могущественного политика Льюиса Найта есть незаконнорожденная дочь, и он воспитывает еще одного внебрачного ребенка как своего собственного. Я вижу это в заголовках газет. И помни, у меня есть тесты ДНК, чтобы доказать это.

— Ты думала, что я даю тебе деньги, потому что я тебя боюсь? Какой же ты стала идиоткой, если так думаешь? Я финансировал компании твоего мужа неудачника только потому, что ты женщина, которая родила моего сына, и я не хочу, чтобы ты упала на самое дно, но если ты каким-либо образом будешь угрожать моим детям, я похороню тебя и Майкла так глубоко, что никто не сможет вас найти.

— Посмотрим, кто сможет похоронить другого первым. — ее лицо краснеет. — Или я обнаружу деньги на своем банковском счете, или можешь распрощаться со своей мирной жизнью детей. — она направляется к двери.

— Саманта, — зовет он ее.

Когда она оборачивается, на ее лице появляется выражение надежды.

— Ты передумал?

— Никогда больше не показывайся здесь. Держи свое алкогольное влияние подальше от моего сына.

Дверь за Самантой закрывается с громким звоном. Льюис хрипло дышит и проводит рукой по волосам, когда садится и достает телефон.

Он звонит Себастьяну Куинсу, сообщая ему, что он не явится на оставшуюся часть встречи, затем своей секретарше, сообщая, что планы могут измениться, и, наконец, Кэлвину, сообщая ему о визите Саманты.

Как только он заканчивает звонок, я выхожу из своего укрытия, засовывая обе руки в карманы джинсов.

— Почему ты не сказал мне, что она снова вышла замуж? Почему сказал, что она в Бразилии?

Он роняет телефон рядом с собой и пристально смотрит на меня.

— Я должен был знать, что ты будешь подслушивать. Я бы предпочел, чтобы ты никогда этого не слышал.

— Ты имеешь в виду ту часть, где мать была золотоискательницей?

— И эту часть тоже.

— Что еще ты от меня скрывал? Потому что сокрытие вещей, похоже, является твоим способом поведения со мной.

— Это неважно.

— Это важно для меня, — мой голос повышается. — Это моя жизнь; я имею право знать, что в ней происходит. Я больше не ребенок, и ты не можешь принимать решения от моего имени.

— Хорошо. — он вздыхает. — У Саманты был роман со своим нынешним мужем в последний год нашего брака. Я просил ее остаться ради тебя, но она не захотела. Она сказала, что эта жизнь не такая, какой она ожидала ее увидеть, и это душило ее. Она ненавидела быть матерью и весь этот образ жизни. Она также стала пренебрегать тобой и твоей безопасностью. Когда она решила уйти, я не остановил ее.

Мой кулак сжимается в кармане.

— Почему ты мне ничего об этом не рассказал? Почему позволял мне ненавидеть тебя все эти годы?

— По той же самой причине. Ты уже обвинил меня, так что я не хотел, чтобы ты ненавидел и другого своего родителя тоже.

— Ну, не жди никаких аплодисментов, отец. — я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Ксандер. — его строгий голос останавливает меня на полпути.

— Что?

— Ты сказал, что ты не ребенок. Так что не веди себя так.

Я смотрю ему прямо в лицо.

— Что ты имеешь в виду?

— Пьянство нужно прекратить. Не заставляй меня применять силу, потому что я это сделаю.

Я глубоко вздыхаю.

— Что насчет того, чтобы ты подумал о решении ее угрозы? Если это попадет в прессу, это повлияет на Ким. Люди начнут думать о нас как о брате и сестре, а это не обсуждается.

— Что насчет тебя?

— А что насчет меня?

— Ты сказал, что это повлияет на жизнь Ким, но это также скажется и на твоей.

Я поднимаю плечо.

— Я справлюсь.

— Ничего страшного, если у тебя не получится. Для этого у тебя есть я.

— Ты мне не нужен, — бормочу я.

— Я знаю. Я просто выкладываю это на всякий случай. — он поднимается на ноги и кладет руку мне на плечо. — Ты мой сын, что бы ни говорили тесты ДНК.

Я отталкиваю его.

— Сентиментальность тебе не идет.

— Я так и думал. — он усмехается, звук редкий, и я знаю, что это не следует воспринимать как должное.

Льюис Найт не смеется, по крайней мере, не искренне. Он не стоит и не протягивает руку, не ожидая чего-то взамен.

Впервые за целую вечность я смотрю на него через другую линзу.

Он мой отец.

Хотя я уважаю Кэлвина, Льюис мой отец.

К черту все биологические связи.

С этой мыслью я спрашиваю его о том, о чем никогда не попросил бы других людей.

Ким права, я слишком горд, чтобы просить о чем-то. О помощи, например, или о задержке жизни, которая выходит из-под контроля.

— Ты сможешь остановить ее?

— Я сделаю все, что в моих силах, — говорит он мне.

— А, если у тебя ничего не выйдет?

— В худшем случае нам всем придется покинуть страну.

— Кэлвину тоже?

— Особенно Кэлвину. Он работает в дипломатических кругах, и это еще более тщательно контролируется, чем в политике. Никаких скандалов не допускается.

— Черт.

— Я знаю, но мы должны подумать о наихудшем сценарии. Я всегда могу дать ей денег, но она никогда не остановится. Кроме того, я не буду иметь дело с тем, кто угрожает тебе.

— Спасибо.. я думаю.

— На этот раз без сарказма? — он улыбается.

— Не привыкай к этому.

Он сжимает мое плечо.

— Мне нужно, чтобы ты сейчас сосредоточился на себе. Подумай об этой программе.

— Дерьмо.

— Действительно, дерьмо, молодой человек. Эта ситуация не будет продолжаться.

И мудака Льюис вернулся. *Рад снова тебя видеть, отец.*

— Ким беспокоится о тебе, — говорит он.

Я приподнимаю бровь.

— С каких это пор вы с Ким друзья по переписке?

— Я сказал ей на днях, чтобы она обратилась ко мне, если ей что-нибудь понадобится. Я застал ее расхаживающей перед своим домом ранее, и как только она увидела меня, она подбежала и сказала именно эти слова: ты просил сказать тебе, если мне что-нибудь понадобится, и я это делаю. Все, что ты можешь мне дать, отдай Ксану. Он нуждается в помощи так же сильно, как и я; он просто слишком горд, чтобы признать это. Так что не отказывайся от него. Однажды он оглянется назад и поблагодарит тебя за это, и я тоже.

Глава 35

Кимберли

Я не могу оставаться на месте.

С тех пор как появилась Саманта, я расхаживаю по своей комнате взад и вперед, как загнанный в ловушку зверь.

После того, как я поговорила с Льюисом, я провела время с Кирианом и папой. Мы поиграли в Скрэббл, а потом уложили младшего брата спать. Сейчас я в своей комнате, чувствую себя не в своей тарелке.

Папа только что рассказал мне об угрозах Саманты, и я, возможно, немного умерла внутри.

Да, угроза прессы и известности как сестры Ксана наносит вред, и мысль о внимании СМИ заставляет меня дрожать, но это не причина, по которой я на грани слез.

Это Ксандер.

Это тот мальчик, который бежал за той красной машиной, когда был маленьким. Это изображение его плачущего лица и звук его криков, когда он умолял Саманту остаться, прямо перед тем, как споткнулся и упал.

Этот образ никогда не выходил у меня из головы. Это была боль в ее истинной форме, грубая и глубокая.

Тот факт, что та же самая женщина вернулась, чтобы причинить ему другую боль, вызывает у меня желание ударить ее по лицу.

Она исчезла на двенадцать лет только для того, чтобы вернуться и разрушить его жизнь.

Наши жизни.

Я достаю телефон и проверяю сообщения. От него ничего, поэтому я печатаю.

Кимберли: *Ты здесь?*

Ответа не следует.

Кимберли: *Ты знаешь, что я здесь ради тебя. Я никогда не уйду, как и обещала.*

По-прежнему ничего.

Мысль о том, что он где-то пьет или дерется, выводит меня из себя.

Я засовываю телефон в карман и направляюсь на кухню за чаем Леди Грей — возможно, в последнее время папа сделал меня поклонником.

По пути вниз я пишу Ронану.

Кимберли: *Ксандер не заходил?*

Ронан: *Кто это? Ох, предатель. Если он появится, он труп.*

Ронан: *Хочешь прийти на мою вечеринку одна?*

Ронан: *Или вдвоём, если считать травку.*

Я качаю головой, затем пишу Эльзе.

Кимберли: *Ксандер связывался с Эйденом?*

Эльза: *Нет. Все в порядке?*

Кимберли: *Все в порядке. Расскажу завтра.*

Эльза: *Это Эйден, расскажи послезавтра. Или, еще лучше, на следующей неделе.*

Я подумываю написать Коулу, но не решаюсь после того, чему он стал свидетелем на прошлой неделе.

— Это окончательно, Джанин. Я принял свое решение.

Папин голос останавливает меня на полпути у входа на кухню. Он сидит за столом и разговаривает с мамой своим обычным холодным тоном.

Ее голова поворачивается в мою сторону, будто она чувствует меня. Я застываю на месте, и даже мой телефон остается в руке. Я веду себя как преступница, которую поймали на воровстве.

— Это из-за нее, не так ли? — мама рычит, обвиняюще тыча пальцем в мою сторону.

— Нет, это из-за тебя. Ты не годишься на роль матери моих детей. Это давно назрело.

— Не могу поверить, что ты разводишься со мной, потому что эта соплячка порезала себе запястье. — она пристально смотрит на меня.

Есть необходимость вжаться в стену или выкопать яму в земле и зарыться в нее. С тех пор как я была ребенком, в тот момент, когда мама так на меня смотрела, я превращалась в ничто.

— Закрой рот, — ругает ее папа. — Я не позволю тебе разговаривать с ней в такой манере.

— Я буду говорить с ней так, как мне заблагорассудится. Я та, кто родила ее, но она ничего не сделала, чтобы вознаградить меня за эту жертву. — она качает головой, глядя на меня сверху вниз. — Я должна была избавиться от тебя, когда была возможность.

— Джанин, если ты не замолишь прямо сейчас...

— Возможно, тебе стоило, — говорю я папе спокойным тоном. — Таким образом, я бы никогда не имела несчастья стать твоей дочерью.

— Что ты только что сказала?

— Ты никогда не была матерью.

Теперь, когда я начала говорить, я не могу остановиться.

Слова срываются с моих губ, как молитва.

— Ты заставила меня чувствовать себя такой ничтожной и маленькой, что мысль о том, чтобы закончить свою жизнь, стала первым, с чем я просыпалась, и последним, с чем я засыпала. Ты заставила меня поверить, что я была ошибкой, позором, разочарованием, но это не так. Ты. Ты слишком сильно любишь себя, чтобы заботиться о каком-либо другом человеческом существе. Твоему нарциссическому типу не следовало позволять рожать детей. ДНК не делает тебя матерью, она делает тебя сосудом.

Она бросается ко мне, поднимая руку. Я стою, глядя на нее в ответ.

Теперь, когда я рассказала ей, что у меня на уме, она ни за что не сможет меня сломить. Когда-то я была рабом ее внимания и одобрения, но теперь я понимаю, что эта женщина эмоционально издевалась надо мной.

Физическое насилие ничто по сравнению с шрамами, которые она оставила в моей душе, шрамами, которые мне долго придётся лечить.

Но я сделаю это. Я восстановлю свою жизнь, и она не будет ее частью.

— Тронь ее, и я сожгу твою студию дотла, — говорит папа тоном, не подлежащим обсуждению.

Она останавливается прямо перед моим лицом. Конечно, угроза ее драгоценному искусству, воплощению ее эго, остановила бы маму. Нет, Джанин. Она никогда не была мне матерью.

Ее ноздри раздуваются, когда она смотрит на меня сверху вниз. Впервые в жизни я не склоняю голову и не ухожу. Нет необходимости плакать или прятаться. Моя кровь наполняется адреналином, встречаясь с ней взглядом.

Папа подходит ко мне и держит меня за плечо.

— Я ожидаю, что ты немедленно покинешь дом.

— Что? Ты не можешь этого сделать, мои картины и принадлежности...

— Все будет упаковано и отправлено тебе завтра. Тебе не позволено больше ни минуты находиться под одной крышей с моей дочерью.

— Ты не понимаешь, — шипит она. — У меня выставка. Ожидается, что на ней будет моя семья.

— Твоя выставка не наше дело. — он указывает на дверь. — А теперь убирайся из моего дома.

Я должна почувствовать себя плохо, но она убила эту часть меня давным-давно.

Теперь появилась новая я, и это не благодаря ей.

Глава 36

Кимберли

Я провожу следующий час, ворочаясь в постели и проверяя свой телефон, как ненормальная.

Ксандер не отвечает на сообщения.

Я звоню, но без ответа.

Однажды я прочитала статью о реакции мозга, когда кто-то напуган. Первый инстинкт бежать.

Вот что происходит со мной прямо сейчас. Я хочу побежать в дом Ксандера и найти его. Я хочу бежать по улицам и искать его. Если он будет драться, я вытащу его из этого и ударю в грудь за то, что он поранил его красивое лицо.

Если он пьет, я конфискую алкоголь и снова ударю его за то, что он испортил печень.

Ладно, может, удар не является правильным решением, но я почти схожу с ума от беспокойства.

Разборки с Джанин ранее не выбили меня из колеи так сильно, как незнание судьбы Ксандера.

Темные мысли продолжают закрадываться мне в голову. Что, если он ранен? Что, если он где-нибудь отключился и его никто не найдет? Хуже того, что, если его найдут не те люди?

Я должна позвонить Льюису, и..

Звук из балкона встряхивает меня. Это как птица или насекомое. Это происходит снова, и на этот раз я вскакиваю с кровати.

Я подумываю о том, чтобы позвать папу, но, вероятно, нет ничего такого, что стоило бы его будить.

Медленно я открываю балконную дверь. Порыв ветра отбрасывает мои волосы назад и проникает под тонкую одежду, заставляя дрожать. Я уже

собираюсь выглянуть наружу, когда сильная рука обхватывает мой рот и заталкивает внутрь.

Я кричу, но приглушенно.

Мои конечности дергаются, и я пытаюсь бороться, но затем включаются остальные чувства. Запах мяты и океана, ямочки на щеках и его тепло.

Ксандер.

— Шшш.

Он бросает меня на кровать и снимает свою обувь, прежде чем последовать за мной.

И под этим я подразумеваю, что он устраивает меня под собой, одной рукой удерживая мои запястья над головой, в то время как его ладонь продолжает прикрывать мой рот.

Твердость его тела, прижатого к моему, вызывает дрожь удовольствия между моими бедрами.

Поза такая интимная и близкая — такая личная.

— Так вот как начинается твоя фантазия, Грин?

Блеск в его глазах в сочетании с ямочками на щеках это зрелище, на которое стоит взглянуть.

Я помню, что хочу кое о чем спросить, в чем хочу убедиться, но теперь, когда он вот так заключает меня в ловушку, я потеряла все мысли.

Я просто рада, что он здесь, он в безопасности, и со мной.

Он единственное, что осталось. Его напряженный край и его твердая форма. Его тело, прижимающиеся к моему, наше смешивающееся дыхание.

Должно быть запрещено хотеть кого-то так сильно.

Тосковать по нему так сильно, даже когда он весь на мне.

Я уже скучаю по нему, а он только что пришёл.

— Ты знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?

Он нависает надо мной, его губы в нескольких сантиметрах от моего горла.

Я один раз качаю головой.

Он ухмыляется, движение хитрое, и даже ямочки на его щеках кажутся зловещими.

— В том-то и дело. Фантазия твоя, но направление будет полностью моим. — он отпускает мой рот, и я резко выдыхаю в воздух.

Требуется усилие, чтобы вдохнуть воздух в изголодавшиеся легкие.

Ксандер дергает меня за топ выше груди, и я стону, когда он грубо хватает одну из них.

— Эти идеальные сиськи мои.

Его рот сжимает мой сосок, дразня зубами.

Моя спина выгибается над кроватью из-за силы раздражителей. Это безумие, что я вот-вот кончу здесь и сейчас?

Понятия не имею, из-за положения, мучительного ощущения в моих затвердевших сосках или из-за того, что он сейчас доминирует во мне.

Его другая рука протягивается, между нами, и он одним движением стягивает с меня пижаму и нижнее белье.

Кончики его пальцев ласкают мои нежные складочки, прежде чем он касается меня.

— Эта киска, блядь, моя.

— А если я скажу «нет»? — я бросаю вызов, и это просто вызов.

Способ разозлить его, потому что я, возможно, схожу с ума от удовольствия, и хочу, чтобы он отдал мне все, что у него есть.

Чтобы показать мне его истинное «я» — несовершенное, но такое цельное.

— Нет, то есть это не мое? — его тон спокоен, но хватка сжимается вокруг моей сердцевины, создавая восхитительное трение.

— Да.

— Ох, ты облажалась, Грин. — он отпускает меня на мгновение, возясь со своими джинсами. — Знаешь, что сейчас произойдет?

— Нет?

Не знаю, почему это прозвучало как вопрос, но я слишком возбуждена, чтобы думать об этом в данный момент.

— Я трахну тебя так сильно, что ты захочешь быть только моей. Сейчас, завтра и, блядь, всегда. — Ксандер поднимает обе мои ноги, чтобы они легли ему на плечи. — Держи их там.

Я делаю это, даже несмотря на то, что меня трясет, тело кружится от этой потребности в чем-то, в чем *угодно*.

Он проникает в меня так глубоко, что я чувствую его всем своим существом. О, Боже.

Мой рот открывается в безмолвном крике.

С поднятыми над головой руками я слишком беспомощна, чтобы двигаться или пытаться освободиться — не то, чтобы я этого хочу.

Требуется один толчок, один единственный, и я кричу от оргазма.

Он прижимает ладонь к моему рту, приглушая звук, входя в меня. С каждым движением он попадает в волшебное местечко, которое сводит меня с ума.

Я даже не кончаю от первого оргазма, а в него вливается еще один. Мой непрерывный крик прерывается его ритмом. То, как он закрывает мне рот и прижимает мои руки к голове, в то время как владеет моим телом, это больше, чем фантазия, это разрушение.

Это нахождение кусочков меня, о которых я никогда не подозревала.

Это принадлежность в ее самой истинной, самой грубой форме.

Его темп нарастает с такой силой, что у меня перехватывает дыхание.

— Ты. — *толчок*. — Моя.

Он со стоном высвобождается внутри меня. Я чувствую себя такой наполненной им, что это сводит меня с ума.

Я задыхаюсь. Мои волосы прилипают к затылку и вискам от пота. Пот покрывает все мое тело и блестит на его твердых мышцах.

Меня все еще сильно трясет, что не думаю, что когда-нибудь спущусь с такой высоты.

Так вот что значит быть основательно оттраханной.

Ксан не выходит из меня, но кладет мои ноги на матрас. Его горячие губы пробираются вверх по моему животу, груди и шее, прежде чем он убирает руку и завладевает моим ртом в грубом поцелуе.

А потом он снова начинает двигаться во мне, медленно и размеренно, почти так, словно наслаждается моим телом в самый первый раз.

Меня охватывает другой тип удовольствия, наполненный годами тоски, упущенных шансов и вредных привычек.

Мы с Ксандером начали с трагедии, но нашли в ней компанию. Мы боролись со своей болью объятиями, поцелуями и легкими прикосновениями.

Теперь мы боремся с этим по-другому. Теперь мы попробуем это на языке друг друга и видим это в оставленных шрамах, физических или эмоциональных.

И с болью приходит освобождение.

С болью приходит свобода.

Я никогда не чувствовала себя свободнее, чем когда он держит меня.

Он медленно, но, верно, забирает мою боль, и я тоже заберу его.

Он мог бы быть моим рыцарем, но теперь я буду его. Я верну его доспехи и меч.

Чтобы он мог остановить войну.

Его бедра дергаются от силы толчков. В тот момент, когда он щелкает мой клитор, мне конец.

Полноценный. Окончательный. Без возможности назад.

— Я буду скучать по этому, Грин, — рычит он. — Я буду скучать по тебе, когда уйду.

Глава 37

Ксандер

На лице Ким несколько выражений, которые я больше никогда не хочу видеть.

Первая та бледная, впалая, с перерезанными запястьями.

Вторая, как она плачет, потому что она делает это с такой болью, что это разрывает меня на части.

Третья, фальшивый взгляд и улыбки из прошлого, когда она заставляла себя казаться нормальной.

Теперь я нахожу другое.

Страх.

Когда она лежит в моих объятиях, мы смотрим друг на друга, она смотрит на меня расширенными глазами, а ее подбородок дрожит, хотя она явно пытается это контролировать.

Это не работает.

Она вот-вот сломается, и ничего не поделаешь.

Наблюдая за ней, я жалею, что не было возможности остановить это. Если это означает, что я должен вырвать свое сердце и положить его перед ней на тарелку, то так тому и быть, черт возьми.

— Ч-что это должно означать?

Я ничего не говорю. Я не знаю, что сказать.

Она сжимает мой бицепс своей крошечной ручкой. Я не могу не смотреть на эти шрамы — длинные, изуродованные и свидетельствующие о том времени, когда у нее не было другого выхода. Даже несмотря на то, что браслет скрывает некоторые из них, они все еще видны и злы на весь мир.

Мир, в котором я оставляю ее одну.

— Ксандер, ты сказал, что будешь скучать по мне. Куда ты уезжаешь?
— она настаивает.

Я беру ее руку в свою и касаюсь губами ее шрамов, и, как каждый гребанный раз, она дрожит, будто я целую не ее кожу, а ее душу.

— Чтобы исцелиться, — говорю я против ее самой прекрасной части.

Доказательство того, что она выжила.

— Ч-чтобы исцелиться?

— Реабилитация. Мы с отцом договорились о тридцатидневной программе, но она может продлиться и до шестидесятидневной.

— Ох, — слово слетает с ее губ на одном дыхании.

Она рада этому, но, как и я, в выражении ее лица таится неминуемая гибель.

Факт нашей разлуки.

Я глажу ее зеленые пряди по спине. Еще одна прекрасная часть — ее причудливое старое «я» просвечивает насквозь. Это доказательство того, что маленькая девочка все еще там, сломленная, но способная собрать свои части воедино.

— Потом вся эта чертова буря с моей матерью. Если она продолжит свои угрозы, мы будем под пристальным вниманием за то, что мы брат и сестра, а я не хочу, чтобы ты была в центре этого.

Она кладет руку мне на рот, прерывая мое предложение.

— Мне все равно, что говорит мир. Ты никогда не был и никогда не будешь моим братом. У меня есть один брат, и это не ты.

Я целую ее пальцы, прежде чем убрать их.

— Спасибо, блядь, за это.

Она прикусывает уголок губы.

— Папа говорит, что нам, возможно, придется уехать из страны.

— Мой тоже упомянул об этом.

— Мне все равно, ты же знаешь.

— Нет? — она переплетает свои пальцы с моими.

— Меня удерживают не места, а люди. Это место мой дом, потому что вы все в нем. Если мы поедem вместе, то просто переедем домой.

Я рад, что она так думает, хотя и забывает о важных вещах — таких, как наши друзья и все, кого мы знаем. Но я держу это при себе и меняю тему.

— Если бы этой дерьмовой бури никогда не случилось, куда бы ты планировала поехать в следующем году?

— Имперский колледж, и я собиралась взять Кириана с собой. Ни за что на свете я не собиралась оставлять его с Джанин. Теперь, когда папа рядом, мои планы немного изменились.

— К чему?

— Я не знаю. Небо мой предел. — она гладит меня по тыльной стороне ладони. — Что насчет тебя? Ты все еще хочешь поступить в Гарвард?

— Откуда ты об этом знаешь?

Она краснеет.

— Я слышала, как ты однажды разговаривал с Льюисом.

Я ухмыляюсь.

— Сталкерша.

— Заткнись. Ну что? А ты?

— Нет.

— Почему нет?

— Я хотел поступить туда только потому, что это самое далекое место, куда я могу уехать, чтобы находиться подальше от тебя. Я выбрал этот университет, чтобы сбежать от тебя. Теперь этого не произойдет, даже если ты будешь умолять об этом.

Ее улыбка заразительна, и я не могу удержаться, чтобы не притянуть ее щеку к себе и не поцеловать.

— Тогда каков твой план сейчас? — спрашивает она.

— Ты.

— Я-я?

— Да, ты. Куда бы ты ни отправилась, я за тобой.

— Ну же. У тебя, должно быть, есть какая-то мечта. Тебе все еще нравится читать экономическую часть новостей?

— Да, нравится.

— Значит, ты следишь за бизнесом?

— Возможно, но только если это не будет держать меня подальше от тебя.

— Конечно, не будет. Кроме того, для успеха нужно чем-то жертвовать.

— Единственная жертва, которую я приношу, это реабилитация. Я имею в виду исцеление, а не жертвоприношение.

Выражение ее лица меняется, а темно-зеленые глаза наполняются горечью.

— Когда ты уезжаешь? — спрашивает она тихим голосом.

— Завтра.

— Так скоро? — ее слова обрываются в конце.

— Да, друзья Льюиса Найта работают быстро.

— Да.

— Мне жаль.

Я тоже не хочу уезжать так скоро, но я все равно должен это сделать, так что я мог бы с таким же успехом сорвать это как пластырь.

— Не надо. — она наклоняется и касается своими губами моих. — Я горжусь тобой.

— Я тоже горжусь тобой, Грин.

Слеза скатывается по ее щеке, и она быстро вытирает ее.

Я беру ее за подбородок.

— Эй, в чем дело?

— Просто я так долго ждала, чтобы услышать, как ты скажешь мне что-то подобное.

Я целую ее, вырывая слезу.

— С этого момента ты будешь слышать это все гребаное время. Ты моя, Грин, и я буду защищать тебя ценой своей жизни.

— Я тоже буду защищать тебя.

— Да? От кого?

— От самого себя. От всего мира. От любого, кто попытается причинить тебе вред.

— Так ты теперь мой рыцарь?

— Ага. Привыкай к этому.

— Дай мне подумать над этим.

Я притягиваю ее к себе и поднимаю ее ногу, чтобы я мог погрузиться в неё.

Она уже мокрая. Мы оба стонем, когда я погружаюсь глубоко в нее.

Я трахаю ее так же медленно, как и время, которое прошло, пока я ждал ее эти семь лет.

Я трахаю ее, глядя на нее, давая понять, что она для меня. Мне не нужно быть тридцатилетним, чтобы знать это. Я знал это с того момента, как женщина, которая родила меня, бросила меня, а Ким обнимала меня, пообещав никогда не покидать.

Я знал это, когда она держала меня за руку и плакала вместе со мной, даже когда я сказал ей, что мне не нравится видеть ее слезы.

Тогда я не понимал, что такое левитация в моей груди, но сейчас понимаю.

То, что я чувствую к Ким, связано не только со связью наших тел или нашей историей, но и с нашей болью. Дело в том, что ее присутствие притупляет пустоту, как никогда не притупит алкоголь.

Оргазм, который обрушивается на нее, потрясает нас обоих до глубины души. Она обнимает меня и прячет лицо у меня на шее, шепча:

— Я люблю тебя, Ксан. Я так долго была влюблена в тебя, что не знаю, когда это началось и закончится ли когда-нибудь.

И вот так я просто становлюсь потерянным.

Глава 38

Ксандер

После того, как она обвилась вокруг меня, поцеловала и что-то прошептала мне на ухо, Ким, наконец, проигрывает долгую биологическую битву со сном и засыпает.

Моя грудь все еще болит при воспоминании о словах, которые она сказала. Например, как сильно она любит меня, как сильно любовь ко мне спасла ее.

В тот момент я не мог говорить. Я все еще не могу, потому что у меня нет права говорить эти слова, когда я ухожу.

Я стою у кровати, полностью одетый, и убираю выбившиеся зеленые волосы с ее щеки. Она тихо стонет, прильнув к моему прикосновению.

Все во мне кричит остаться.

Обнять ее.

Поцеловать ее.

Никогда больше не оставлять ее одну.

Но отец прав, я ее не заслуживаю. Ещё нет.

Бросив на нее последний взгляд, я выхожу из комнаты. Перед отъездом мне нужно сходить в одно место и купить ей подарок, но сначала я достаю свой телефон и печатаю.

Ксандер: *Помнишь тот день, когда ты назвала меня своим рыцарем? Мы были в парке, и ты была одета в то зеленое платье принцессы с лентами, кружевами и прочим дерьмом. Твои волосы не были причесаны, а на тебе была эта зеленая корона, которую ты заставила Кэлвина купить на Хэллоуин. Потом ты сказала: «Привет, Ксан. Каждой принцессе нужен рыцарь, и для тебя это большая честь, потому что я делаю тебя своим рыцарем.» Момент, когда я опустился перед тобой на колени, пока ты благословляла меня бамбуковым мечом, подражая королеве, был моим*

самым счастливым детским воспоминанием. Это был первый раз, когда ты нарядилась и улыбнулась после смерти своей бабушки, и я был чертовски горд тем, что принес радость в твою жизнь. Вот почему я обнял тебя сразу после этого и чуть не сжал до смерти. Когда ты посмотрела на меня своими огромными глазами, я был не только рыцарем, я был чертовым Богом. Я все еще чувствую это, когда ты смотришь на меня, и именно поэтому я должен был ненавидеть тебя после того, как подслушал разговор папы и Джанин.

Я знал. Я просто знал, даже в одиннадцать лет, что не хочу быть твоим братом. Я чертовски ненавидел это, и хотелось кричать об этом вслух. Мне хотелось схватить папу и спросить его, почему, но я держал все это внутри. В течение многих лет я смотрел на тебя и знал, что не могу прикоснуться к тебе. В течение многих лет я жаждал поговорить с тобой, сказать, как мне больно без тебя, и что я скучал по тебе. Я скучал по тому, чтобы быть твоим рыцарем, твоими доспехами против всего мира, но больше всего я скучал по тому, чтобы быть твоим самым близким другом. Чем больше мне этого хотелось, тем сильнее я ненавидел себя и направлял эту ненависть на тебя. Я причинил тебе боль, потому что это причинило боль мне. Я ненавидел тебя, потому что обратное было чертовски невозможно. Я стал Войной, потому что войны это массовое уничтожение для всех, включая меня.

Я больше не мог быть твоим рыцарем, и это медленно убивало меня. Осознание того, что я являюсь одной из причин, по которой ты решила покончить со своей жизнью, было последним осколком в моей броне, прежде чем она была разрушена на кусочки. Но потом броня снова начала строиться из-за кого-то. Из-за тебя. С той ночи, когда ты ворвалась в мою комнату, обняла и сказала, что у нас нет общей ДНК, я медленно избавлялся от Войны и восстанавливал свою броню.

Ты оказалась права. Для меня было честью стать твоим рыцарем. Теперь я вновь должен стать достоин этого звания и тебя.

*Я исцелюсь, как, я уверен, и ты. Я не исправлю тебя, а ты не
исправишь меня. Мы просто обнимем друг друга, как делали раньше. Если
Саманта поднимет какое-нибудь дерьмо, я поцелую тебя на глазах у всего
мира и закричу, что ты моя, будь проклято их суждение. Вселенная не
имеет значения, Грин, ты имеешь значение.*

Тогда. Сейчас. Всегда.

Глава 39

Кимберли

Одиночество болезненная вещь. Все начинается с этого небольшого чувства пустоты и превращается во что-то совершенно неизбежное.

Вот каково это с тех пор, как Ксан уехал несколько недель назад.

Одиноко. Пусто. Даже несчастно.

Это правда, что мы были практически разлучены в течение семи лет, но даже тогда я видела его каждый день. В его саду, с Киром, в школе. Он всегда был константой в моей жизни.

Теперь, когда он уехал, я чувствую, что мой запас воздуха медленно уменьшается и однажды сойдет на нет.

В то утро я так долго плакала после прочтения сообщения Ксана, что папа подумал, что со мной что-то не так.

Но Ксандер на этом не остановился. Нет. Он оставил мне подарок в зеленой коробке перед комнатой. Когда я открыла ее, оттуда вылез маленький серый котенок и забрался мне на руки.

Вместе с котенком была записка.

Я никогда не говорил тебе, как мне жаль, что Луна умерла. Слишком поздно, уже несколько лет, но пришло время двигаться дальше и начать новую жизнь.

P.S. Ты моя.

Ксандер.

Я упала на пол, обняла котенка и снова заплакала. Я плакала так сильно, что думала, что не перестану плакать или скучать по нему.

Я не перестала.

Я имею в виду, не перестала скучать по нему.

Учитывая характер его реабилитации, ему не разрешается вступать в какие-либо контакты с внешним миром, кроме еженедельного разговора с членом семьи, как в случае с Льюисом.

Я всегда прихожу к нему домой в этот день, задерживаясь снаружи, пока Ахмед не откроет дверь.

Пока Льюис разговаривает с ним по громкой связи, я остаюсь на заднем плане, просто слушая тембр его голоса и откладывая это на потом, когда я останусь одна и все, о чем я думаю, это он.

Льюис предлагал мне поговорить с ним, но я качала головой, потому что если бы я это сделала, то просто заплакала бы. Я ни в коем случае не хочу плакать и мешать его реабилитации.

И я всегда на грани слез, когда первый вопрос Ксандера звучит так: «Как Ким?» Как будто он ждет еженедельных звонков, чтобы спросить обо мне, о моей терапии, о том, ем ли я, лучше ли учусь в школе.

Льюис отвечает на все его вопросы с улыбкой, в то время как я борюсь с необходимостью поехать туда, где бы он ни был, и, возможно, похитить его или что-то в этом роде.

Ему не нужно беспокоиться обо мне. Я выздоравливаю, медленно, но, верно.

Думаю, что мой настоящий процесс исцеления начался в тот момент, когда Джанин ушла из дома, и после того, как они с папой подписали документы о разводе. Никто из нас не посетил ее выставку. Даже Кир предпочел провести вечер с макаронами и сыром со мной и папой, чем праздновать мамин успех.

И ей удалось. Статьи восхваляли ее, а критики падали к ногам. Она заработала миллионом фунтов за одну картину.

Это то, что Джанин делает лучше всего и что она должна была делать с самого начала.

Во всех интервью, которые она давала, она говорила, что они с папой договорились о мирном разводе. Я усмехнулась и двинулась дальше.

Она даже не пыталась добиться опеки над Киром. Словно она каким-то образом искала этот шанс на свободу, шанс, когда она сможет исчезнуть в своей студии и забыть, что родила детей.

Саманта, с другой стороны, не ушла спокойно. Она пыталась сдержать свое обещание Льюису и погубить его, папу и всех нас. Даже карьеру Джанин.

Были ночи, когда мне хотелось спрятаться под одеяло, дрожа от страха, что она поднимет шум и достаточно скоро все в школе и в стране будут судить меня и Ксана.

Я солгала ему на днях и сказала, что мне все равно. Но на самом деле нет. Я не хочу, чтобы меня называли его сестрой.

И не хочу оставлять всех наших друзей позади.

Вместо того чтобы поддаться этому туману, я присоединилась к папе и обняла его, а затем поговорила об этих мыслях. Это мое оружие против них. В тот момент, когда я говорю о них, они теряют свою смертоносную остроту и рассеиваются в ничто.

Затем, однажды утром, я проснулась и обнаружила Льюиса на ступеньках нашего дома, торжествующе улыбающегося.

Он вовлек в это Себастьяна Куинса, отца Сильвер и отчима Коула, и Джонатана Кинга, отца Эйдена.

Себастьян будущий лидер консервативной партии Льюиса и, как ожидается, станет премьер-министром, поэтому его власть в некотором роде превосходит всех остальных. Джонатан Кинг вроде как владеет страной и всеми в ней, так что его власть даже сильнее, чем у политиков.

По словам Льюиса, Саманту и ее мужа выслали за пределы страны, и они никогда не вернутся.

Я спросила, может ли она что-нибудь сделать, где бы она ни была, но он с полной уверенностью покачал головой и сказал мне:

— Она ничего не сможет сделать оттуда.

От этих слов у меня по спине пробежала дрожь, и я продолжала задаваться вопросом, не было ли это простым перемещением. Но потом я подумала о том, как она планировала разрушить наши жизни, и перестала что-либо чувствовать по поводу ее ситуации.

Она не сможет снова разрушить нашу жизнь.

Или какую бы жизнь я ни пыталась поддерживать теперь, когда Ксана нет.

Во время духовного путешествия, которое я совершила в прошлом году в Швейцарию, буддийский монах сказал мне, что души притягиваются друг к другу.

Теперь я знаю, почему.

Душа Ксандера дополняет мою.

Жизнь без него не имеет смысла.

На двадцать третий день реабилитации Ксандера я иду по школьному коридору с Эльзой, когда она рассказывает мне о последней шутке, которую Нокс вчера подшутил над ней и Тил.

Несмотря на то, что я ее слушаю, я ни на чем не фокусируюсь. Залы и студенты стали серыми, как в старых фильмах.

Краски медленно исчезали из моей жизни.

Эльза гладит меня по руке, выводя из ступора.

— Он вернется, Ким.

— Я знаю. — я вздыхаю.

Это не значит, что боль в груди уменьшается. Это все равно что быть пойманным в сеть и не иметь возможности двигаться.

Мы останавливаемся перед классом, и я поворачиваюсь к ней лицом.

— Как бы ты справилась, если бы это был Эйден?

— Я даже не могу думать об этом. — выражение ее лица извиняющееся. — Так что, я думаю, это означает, что я не смогу этого сделать.

Я киваю.

Вот что мне больше всего нравится в Эльзе — ее честность.

— Мы можем организовать игровую ночь? — предлагает Эльза с обнадеживающей улыбкой.

— Конечно.

— Кто-то упомянул об игровой ночи? — Ронан хватает нас с Эльзой за плечи.

— Ты придёшь? — спрашивает она.

— Зависит от того, куда мне следует прийти. — он шевелит бровями.

— Втроем, кто-нибудь?

Мы обе смеемся.

— Я не шучу, дамы. На самом деле, я ни к чему не относился так серьезно за всю свою жизнь, — шепчет он так, чтобы только мы могли слышать. — Уверен, что вы слышали здешнюю легенду о моей упаковке. Вот вам секрет, это правда.

— Вот тебе секрет, ты труп. — Эйден убирает руку Ронана от плеча Эльзы, прижимая ее к себе, и пристально смотря на него.

— Хорошо, я просто возьму свою Кимми.

— Нет. — Коул убирает другую руку Ронана с моего плеча и незаметно, но твердо отталкивает его от меня.

— Что это тебе даст, капитан? — требует Ронан.

— Найт попросил меня, и я цитирую: «держи свои осьминожки руки подальше от Кимберли.» Я просто стараюсь быть хорошим спортсменом.

Почему-то я не верю, что Коул ведет себя хорошо без причины. Даже Эльза сказала, что в этом должно быть что-то.

— Согласен. — Эйден гладит пальцем талию Эльзы. — Рид причина, по которой Найт выиграл дело против суда по правам человека.

Мои щеки пылают от смысла его слов, и Эльза толкает его локтем; значит, он, должно быть, рассказал ей об этом. Я бы не удивилась, Эйден ничего от нее не скрывает.

— Суд по правам человека? — Ронан смотрит, между нами.

— Девственность Найта. — Коул хлопает его по плечу. — Не отставай, Астор.

— Подождите, блядь, минутку. — за выражение лица Ронана можно умереть. Словно он только что понял, что миру приходит конец, и он узнает об этом последним. — Найт девственник?

— Был. — Эйден ухмыляется мне, и требуются все силы, чтобы не спрятаться.

— Какого хрена? — кричит Ронан. — Что со всеми девушками, которых он водил в эти комнаты и...

— Это была просто уловка, — говорит Коул, и я не могу сдержать улыбку.

— Подлый ублюдок. Кто еще не знал? — Ронан пристально смотрит на нас, и когда никто не отвечает, он рявкает: — Только я?

— Если хочешь кого-то обвинить, начни со своего длинного языка, — говорит Коул.

— Все. Дружбе конец.

— Ты не увидишь, что я буду жаловаться, — говорит Эйден.

Ронан показывает ему средний палец и оборачивается.

— Ты приедешь в Meet Up позже? — кричит Коул за его спиной.

— Пошел ты на хрен с этим, капитан.

— Что насчет игровой ночи? — спрашивает Эльза.

— Только для тебя, Элли. — он оглядывается и подмигивает мне. — И Кимми.

Мы обе улыбаемся ему, и он вновь подмигивает.

Оглядываясь назад, он натывается на Тил, которая теряет равновесие и падает.

Некоторые студенты хихикают от последствий падения.

Она смотрит на Ронана, который вместо того, чтобы протянуть ей руку, засовывает их в карманы, обходит ее стороной и делает вид, что ее не существует.

Какого черта?

Это не тот Ронан, которого мы знаем. Он может вести себя озлобленно, но он не придурок.

Мы с Эльзой бросаемся на помощь Тил, но она уже поднимется.

— Ты в порядке? — Эльза поднимает рюкзак Тил и собирает книги, упавшие на пол.

— Да.

— Что все это значит? — я ни у кого конкретного не спрашиваю.

— Ничего.

Когда Ронан исчезает в коридоре, Тил смотрит ему в спину с такой злобой, что я чувствую это кожей.

Ничего? Больше похоже на что-то.

Мы с Ксаном тоже начали с нуля, и теперь я прошу воздуха, пока он не вернется.

Еще одна неделя.

Еще неделя, и я снова смогу задышать.

Глава 40

Кимберли

— Давай, Кимми!

Кир собирается начать свой возбужденный танец перед моей дверью. Мы с Эльзой обещали сводить его на игру Элиты, и он в восторге с самого утра.

Я не разделяю его энтузиазма. Ходить на игры Элиты и знать, что Ксана там не будет, все равно что подвергать себя пыткам.

Но для Кира это было долгое время, и он определенно закатит истерику, если я не возьму его сегодня.

На прошлой неделе мы с папой повели его за мороженым, чтобы отпраздновать одобрение папой новой работы. Теперь он будет работать в Лондоне, так что у него будет достаточно времени для Кира.

Тем не менее, этот маленький засранец спрашивал только о том, когда мы поведем его на игру, и сказал нам, что теперь он может полностью купить билеты онлайн.

Мой младший брат слишком быстро растает, и мне даже не нравится думать об этом.

Пока я спешу собраться, Лондон прыгает на кровать, требуя, чтобы ее погладили. Я почесываю ее под подбородком, и она мурлычет, затем отвлекается на мои ключи и начинает играть с ними.

Дверь в мою комнату открывается, когда я спешу за телефоном, засунув одну руку в джинсовую куртку.

— Иду, иду.

— На мое лицо или на член?

Я останавливаюсь как вкопанная, куртка свисает с моей руки, а сумка открыта, когда раздается голос. Этот глубокий голос с ноткой игривости.

Его голос.

Пожалуйста, не говорите мне, что я все выдумываю, потому что это было бы слишком жестоко.

Я ненадолго закрываю глаза, прежде чем медленно их открыть.

Вот он, стоит у входа в мою комнату, одетый в простую серую футболку и черные джинсы, которые подчеркивают его спортивную фигуру.

За этот месяц он набрал немного мускулов, что делает его чуть более смертоносным, чуть более привлекательным.

Его губы изогнуты в легкой улыбке, на щеках появляются эти горячие, как ад, ямочки.

Голубизна его глаз поглощает меня целиком, пока он не становится всем, что я могу видеть, и всем, чем я могу дышать.

Это он.

Ксандер.

Ощущение, которое охватывает меня, настолько сильное, что сумка выпадает из руки, ее содержимое рассыпается по полу.

— Это ведь не сон, верно? — шепчу я.

Он шагает в моем направлении и достигает меня за долю секунды. К тому времени, когда я смотрю на него, вдыхаю его запах, со мной уже все кончено.

Он поднимает меня на руки, и я задыхаюсь, когда его губы прижимаются к моим, его язык вторгается в меня и пирует на мне.

У меня даже нет времени сосредоточиться или подумать. Ксандер целует меня с отчаянием человека, находящегося на грани нервного срыва.

Как и я, он не дышал, и теперь мы вдыхаем воздух друг друга впервые за целую вечность. Я обвиваю руками его шею, а ногами его тонкую талию и целую его всем своим существом.

Он здесь.

Он вернулся за мной.

— Это ответ на твой вопрос? — он что-то бормочет у моих губ.

— Не совсем. — я касаюсь его губ своими. — Мне нужно немного больше, чтобы убедиться.

Он усмехается, звук легкий и искренний, когда он вновь завладевает моими губами. Этот поцелуй медленный, более страстный. Он пробует меня на вкус так же сильно, как я пробую его.

Нет такого постоянного послевкусия алкоголя. Теперь только мята, океан и... Ксан.

Мой Ксана.

Он вдыхает меня так же глубоко, как я вдыхаю его.

Он ощущает меня так же сильно, как я его.

Он вернулся.

О, Боже. Он вернулся.

— Подожди. — я качаю головой, нуждаясь в том, чтобы выйти из своего тумана. — У тебя еще есть несколько дней, нет?

На его щеках появляются ямочки, когда он улыбается.

— Меня отпустили за примерное поведение.

— Серьезно?

— Да. Я должен был вернуться за тобой, Грин.

— Я так по тебе скучала. — мой голос срывается от признания.

Он стонет:

— Ты убиваешь меня, Грин.

— Ты понятия не имеешь, как сильно я скучала по тебе.

— И ты понятия не имеешь, как сильно я тебя люблю.

Я замолкаю, моргая.

— Скажи это еще раз. Я не уловила этого с первого раза.

— Я люблю тебя, Грин. Я влюблен в тебя. Наверное, это началось в тот день, когда ты обняла меня и сказала, что никогда не отпустишь. С тех пор это чувство только усилилось, и я, возможно, ненавижу тебя за это все эти годы, но ни разу не переставал любить.

Если бы был момент, когда я могла бы замереть во времени, то это было бы сейчас. Я хочу схватить его, запечатлеть, упаковать в коробку и смотреть на него в будущем, желательно каждый день.

Мое сердце почти разрывается, когда я позволяю своим пальцам блуждать по его затылку, и шепчу:

— Наверное, я начала любить тебя раньше. С годами это стало пыткой, но оно того стоило.

Он наклоняется и прикусывает мою нижнюю губу своим ртом.

— Так оно того стоило, да?

— Безусловно.

— То есть ты ничего не изменишь в этом?

Я делаю паузу, прежде чем сказать с убежденностью:

— Нет. Именно из-за этого я стала той, кем я являюсь.

— И ты стала моей.

Я не могу сдержать усмешку, когда он прищуривается.

— Ты должна это сказать.

— Сказать что? — я изображаю беззаботность.

— Моя?

— Твоя.

Эпилог

Кимберли

3 года спустя

Я просыпаюсь, погружённая в наслаждение.

Буквально.

Мои ноги широко раздвинуты, когда Ксандер пирует на моей киске.

Его порочный язык пробегает вверх, а затем проникает в меня.

Я отрываюсь от кровати и хватаю его светлые пряди с силой, которая, должно быть, причиняет боль. Но это его не останавливает.

Он пожирает меня, как голодный хищник, а я его бедная, желанная добыча.

Его большой палец находит мой клитор, и он делает это мастерски, щелкая и кружа. Это безумие, насколько лучше он знает мое тело, чем я. Как он сводит меня с ума самыми простыми прикосновениями.

В тот момент, когда он играет пальцами, мне конец.

Полный и абсолютный конец.

Я выкрикиваю его имя, кончая ему на язык. Мое дыхание становится резким и быстрым, когда он еще раз облизывает мои чувствительные складки.

Когда его лицо появляется у меня между ног, он улыбается так широко, что ямочки образуют глубокие складки на его щеках.

Он высовывает язык и слизывает меня со своих губ, и я не могу сдержать стон.

О, Боже.

Это никогда не устареет.

С тех пор как мы начали жить вместе в колледже три года назад, Ксандер всегда будит меня таким образом или своим членом глубоко внутри

меня. В конечном счёте, он всегда будит меня оргазмом и этими озорными ямочками на щеках.

Я пытаюсь разбудить его, обхватив губами его член, но это случается не часто. Во-первых, он всегда встает первым, а во-вторых, ему обычно не нравится, когда я лишаю его «утреннего веселья», как он это называет.

— Доброе утро, красавица.

Он взбирается по моему телу медленными, небрежными поцелуями вверх по животу.

Я прекратила свою истощающую жизнь диету два года назад. Для принятия этого решения потребовалось слишком много времени, поэтому, как только я начала воздерживаться от еды, я решила вести здоровый образ жизни, но не голодать.

Ксандер стал моим личным тренером по бегу, и я, возможно, хотела бы убить его в самом начале за все долгие пробежки, которые мы делали, но потом я начала с нетерпением ждать их. И, ладно, то, как он выглядел в своей спортивной одежде, могло бы немного помочь. Хорошо, очень *сильно* помочь.

Он просто восхитителен, и все девушки, которые бегают в нашем парке, согласны с этим.

Когда я смотрела на них, он дразнил меня и, трахая меня говорил, что я единственная девушка, которую он видит и когда-либо увидит.

Правда, иногда у меня все еще возникают проблемы с уверенностью в себе, но теперь у меня есть свои механизмы, и я научилась с лёгкостью уходить от них, углубляясь в самоутверждение.

Теперь я могу посмотреть на себя в зеркало и, наконец, улыбнуться. Я могу быть собой и не хотеть стать кем-то другим.

И человек, который сыграл самую важную роль во всем этом, это этот парень, который сейчас прокладывает себе путь поцелуями по моему телу — моему неидеальному, полному растяжек и шрамов телу — и все еще имеет тот дикий, похотливый взгляд в глазах.

Он щелкает по моему соску подушечкой большого пальца, и я издаю глубокий стон и провожу кончиками пальцев по тому месту, где его сердце. Он сделал татуировку, как только вернулся из реабилитационного центра и держался подальше от водки. Мы пьем, но теперь он никогда не теряет себя от этого.

Грин.

Вот что написано на татуировке. Всего одно слово рядом с его сердцем.

Он заставил меня расписаться на нем на всю жизнь, и я все еще чувствую себя близкой к слезам при виде этого.

Ксандер мой так же, как и я его.

Его грудь прижимается к моей, когда он улыбается мне своей небрежной, сонной, похотливой улыбкой.

— Доброе утро, Ксан. — я взъерошиваю его светлые волосы.

Я не могу оторвать от него рук, и, возможно, я слишком влюблена в этот цвет. Он сияет в утреннем свете, льющемся с балкона нашей спальни.

Он опирается на локти, так что они оказываются по обе стороны от меня.

— Счастливого окончания учебы.

— Уф, не напоминай мне обо всех вещах, которые я должна сделать сегодня. Кир потребовал, что хочет приехать сюда.

Папа, Льюис и Кириан присоединятся к нам за обедом после церемонии, а потом я уже договорилась с Эльзой, Эйденем и остальными.

То есть, если Эйден не решит похитить Эльзу куда-нибудь.

Теперь у нас всегда семейные обеды и ужины. Льюис и папа наши отцы, и хотя я не называю Льюиса «папой», а Ксан не делает то же самое с моим отцом, у нас есть невысказанное взаимопонимание, вроде того, которое было у папы и Льюиса в течение многих лет.

Так проще и не доставляет нам огорчения от посторонних глаз.

Мама переехала в Париж два года назад. Она присылает нам приглашения на свои выставки, но мы не ходим. Сейчас, когда мы говорим о

ней, нет даже боли. Она как та дальняя родственница, о которой на самом деле никто не заботится.

Даже Кириан, который должен быть привязан к своей матери, не хочет проводить с ней время и теперь стремится быть «правильным» мужчиной, как папа и его дядя Льюис — его слова, а не мои.

— Я подкуплю Кириана пирожными, чтобы он не остался на ночь, — говорит Ксандер.

— Почему он не может?

— Потому что мы отмечаем.

— У нас много торжеств за один вечер.

— Тогда нам придется добавить еще одно. Самое важное.

Он лезет под подушку и достает кольцо с ослепительно зеленым драгоценным камнем сверху.

Мои глаза расширяются, когда я смотрю между ним и кольцом. Это не может быть тем, о чем я думаю...?

— Я хотел сделать это с тех пор, как переехал, но отец и Кэлвин говорили обо всем этом взрослом дерьме об окончании колледжа и тому подобное. Кроме того, я не хотел отвлекать тебя больше, чем следовало бы. Излишне говорить, что я так чертовски долго ждал, чтобы официально сделать тебя своей, назвать тебя своей женой, своей жизнью и своим будущим.

К тому времени, как он заканчивает, я плачу, как маленькая девочка.

— Да! Абсолютное да!

— Я не спрашивал. Это означает, что у тебя есть шанс сказать «нет», а у меня его нет, Грин.

Он надевает кольцо мне на палец. Идеально — конечно, так оно и есть.

Иногда мне кажется, что Ксандер знает меня даже лучше, чем я сама себя.

Он останавливается и смотрит на меня так, как я никогда не перестану смотреть на себя.

И по этой причине он не только идеально подходит мне, но и был создан для меня.

Точно так же, как я была создана для него.

— Я так сильно люблю тебя, Ксан.

— И я люблю тебя, Грин.

Он завладевает моими губами в медленном поцелуе, от которого у меня перехватывает дыхание.

Я таю, и у меня нет никакого желания останавливать это. Лондон мяукает, потом прыгает на кровать, требуя присоединиться к празднованию. Она ненавидит, когда ее оставляют в стороне.

Ксандер отстраняется:

— А теперь о дате свадьбы.

— Что насчет неё?

— Как насчет завтра?

Мы оба смеемся, когда наши губы вновь встречаются.

Эпилог

Ксандер

5 лет спустя

Вам знакомо это чувство, когда вы любите кого-то так сильно, что готовы убить за него, но иногда вам хочется убить его?

Те крошечные моменты, когда хочется задушить их, пока вы их трахаете.

Это один из таких случаев.

Эти мысли не переставали крутиться у меня в голове с тех пор, как мы вместе поужинали в доме Ронана.

И вот теперь Ким идет рядом со мной, переплетая свои пальцы с моими, будто ничего не случилось.

Мы на это еще посмотрим.

Я ввожу код квартиры, и она входит первой.

— Я жажду чего-нибудь поесть. Что думаешь, если мы...

Ее слова застревают у нее в горле, когда я тяну ее за руку и швыряю в дверь квартиры. Я хватаю ее за запястья и поднимаю их над головой.

Она задыхается, и ее зеленые глаза наполняются таким осязаемым волнением, что я чувствую его сквозь черную ярость, бурлящую в моем мозгу.

— Что ты там делала, Грин?

— Не знаю, о чем ты говоришь.

Она специально провоцирует меня, и черт возьми, если это не работает. Я задираю ее платье, затем спускаю брюки и боксеры.

Она прикусывает нижнюю губу, ее сиськи тяжело поднимаются и опускаются у меня на груди.

— Ты не знаешь, да? Потому что мне показалось, что ты позволила этому ублюдку из бухгалтерии флиртовать с тобой, прежде чем я выгнал его.

— Я позволила? — ее глаза расширяются с притворным недоверием.

Я приподнимаю ее под бедром, и ей не нужно приглашение, когда ее ноги обвиваются вокруг моей талии.

— Ты заплатишь за это, Грин.

— Заплачу? — шепчет она мне на ухо.

Я врываюсь в нее так сильно, что мои яйца ударяются о ее задницу. Блядь, блядь. Она ощущается так хорошо — так чертовски хорошо.

Она громко стонет, когда я жестко и быстро трахаю ее у двери. Удары и шлепки плоти о плоть эхом отдаются в тишине.

К счастью, для соседей, квартира звукоизолирована.

Стоны Ким наполняют воздух, и ее рот открывается в этом бессловесном «о».

— Тебе нравится провоцировать меня, Грин? Тебе нравится, как я показал тебя перед всеми ними, заявив, что ты моя?

— Да, — хнычет она, когда я задеваю ее чувствительное место снова и снова, пока она не выкрикивает мое имя.

Вскоре я следую за ней, сила моего освобождения заставляет нас обоих похолодеть. Ее голова падает мне на плечо, и она смотрит на меня с мечтательной, совершенно довольной улыбкой.

— Мне нравится, когда ты не сдерживаешься, Ксан.

Туманность оргазма медленно исчезает, когда я вспоминаю причину, по которой это конкретное освобождение было приятным. Это потому, что я уже несколько недель не трахал ее так сильно.

— Ох, черт.

Я несую ее в спальню и кладу на кровать. Наша кошка Лондон отскакивает, но остается у двери. Клянусь, она самый большой вуайерист на этой планете.

Ким прикусывает уголок губы, и у нее все еще тот же взгляд «трахни меня», который продолжает манить меня приблизиться.

Я кладу руку на ее выпуклость.

— С ней все в порядке?

— С ней все в порядке. — она тянет меня за шею и снимает с меня галстук, затем расстегивает пуговицы. — Ты ужасно разодет.

Она не останавливается, пока не снимает с меня рубашку и не утыкается носом в татуировку с ее именем на моем сердце. Моей жене это слишком нравится.

Мои пальцы ложатся на ее волосы, в которых все еще сохранились ее фирменные зеленые пряди, хотя теперь они не такие яркие.

— Малыш, Ким. Что, если я причиню ей боль?

— Нет. — она бросает на меня неприязненный взгляд. — Если бы ты не начал сдерживаться, я бы не спровоцировала тебя сегодня. Вيني себя.

— Но я не хочу причинять боль нашему ребенку.

Меня чертовски пугает, что я могу навредить ей, если буду продолжать своё обычное грубое поведение.

Доктор сказал, что все в порядке, но я все равно чертовски нервничаю.

Не помогает и то, что моя прекрасная жена после беременности стала настолько неконтролируемое, что даже прерывает меня во время работы, ложась на мой стол и требуя уделить время беременной девушки.

Поскольку у нас у обоих дрянные матери, которые, к счастью, сейчас ушли из нашей жизни, Ким нервничала из-за роли мамы, но я знаю, что она будет лучшей из всех живущих.

Она была для Кириана фигурой матери всю его жизнь, даже не осознавая этого. Вот почему он никогда не спрашивал о Джанин, когда она ушла.

Теперь он в восторге от того, что станет дядей, и начал угрожать мне, чтобы я позаботился о его сестре, иначе он «ударит меня». Отец и Кэлвин

звонили ежедневно и присылали всякое дерьмо с тех пор, как узнали, что мы ждем малыша.

За последние восемь лет, которые я провел с Ким, я стал самым счастливым ублюдком на свете.

Не было дня, когда бы она не смешила меня своей глупостью или когда бы не болела за то, чтобы я был лучшей версией самого себя. Точно так же, как я поступаю с ней.

Это то, что мы делали все это время.

Ким никогда не переставала исцеляться, но теперь она с ностальгией вспоминает тот последний год в школе. Она больше не скрывает свои шрамы. Она могла бы сделать пластическую операцию на запястье, но решила этого не делать. Всякий раз, когда кто-то спрашивает ее об этом, она говорит, что это было время, когда она потерялась, а потом нашла меня, и я нашел ее.

И после этого мы больше никогда не терялись.

Ким опускается на колени на кровати и проводит кончиками пальцев по моему полутвердому члену.

— Если ее мама счастлива, то она тоже будет счастлива.

— Да неужели?

— Да.

Она сжимает меня крепче.

Я стону.

— Ты убиваешь меня, Грин.

— Признайся, тебе это нравится.

— Ох, мне это нравится.

Я беру ее покрытое шрамами запястье с браслетом, свисающим с него. Она ни разу не снимала его с того дня, как я снова надел его на нее.

Точно так же, как обручальное кольцо. И нет, я не женился на ней на следующий день после предложения. Мне пришлось ждать целый месяц.

Небольшая цена за то, чтобы наконец-то она была рядом со мной всеми возможными способами.

Люди женятся на своих родственных душах или на тех, кто их дополняет. Я женился на девушке, которая придала смысл моей жизни.

Она не только моя родственная душа, моя жизнь не существовала бы без нее.

— Сделай меня своей, Ксан.

— Ты уже моя, Грин.

— Ты не напомнишь мне еще раз?

— Ох, я напомню.

Я переворачиваю ее, и она визжит, а затем задыхается, когда мои губы овладевают ее губами.

Конец

